

Հարգելի՛ ընթերցող.

ԵՊՀ հայագիտական հետազոտությունների ինստիտուտը, չհետապնդելով որևէ եկամուտ, իր կայքերում ներկայացնելով հայագիտական հրատարակություններ, նպատակ ունի հանրությանն ավելի հասանելի դարձնել այդ ուսումնասիրությունները:

Մենք շնորհակալություն ենք հայտնում հայագիտական աշխատասիրությունների հեղինակներին, հրատարակիչներին:

Մեր կոնտակտները՝

Պաշտոնական կայք՝ <http://www.armin.am>

Էլ. փոստ՝ info@armin.am

ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Исторический факультет
Северо-Кавказский научный центр высшей школы

С.Н. КЕНКИШВИЛИ

Кенкишвили Симон Наскидович, родился в 1963 г. в городе Телави, Грузия, кандидат исторических наук.

С.Н. Кенкишвили является автором научных работ по актуальным вопросам международного права и международных отношений: «Исторические, международные и правовые аспекты геноцида понтийских греков. От Венского конгресса до наших дней»; «Британо-российские отношения: Восточный вопрос и Кипрская проблема (середина 50-х – начало 80-х годов XIX века)»; «К вопросу о взаимосвязи англо-турецкой конвенции и Берлинского конгресса 1878 г.»; «Из истории перехода Кипра под британское управление (1878 г.)»; «Русско-английские переговоры и заключение Кипрской конвенции (1878 г.)»; «Генри Лайярд и "восточный вопрос"»; «Британская восточная политика 50-70-х гг. XIX в. как одна из предпосылок заключения Кипрской конвенции»; «Генри Лайярд и Фридрих Мартенс: схожие карьеры, разные судьбы».

В сферу научных интересов С.Н. Кенкишвили входят: история Кипра, Турции, политика великих держав в восточном вопросе, проблемы геноцида, международное право и международные отношения.

НЕЗАЖИВАЮЩАЯ РАНА АРМЕНИИ. Геноцид армянского народа – преступление без наказания?

Ростов-на-Дону
Издательство АПСН СКНЦ ВШ ЮФУ
2009

ББК 63.3(5Арм)5-49+63.3(5Туз=Арм)5-49
К 35

Кенкишвили С.Н. – Незаживающая рана Армении. Геноцид армянского народа – преступление без наказания? – Ростов н/Д: Издательство АПСН СКНЦ ВШ ЮФУ. 2009. – 230 с.

Ответственный редактор
Кандидат исторических наук, доцент Н.А. Трапш

Рецензенты:
доктор исторических наук В.П. Трут,
кандидат исторических наук Р.С. Айриян

ISBN 978-5-87872-471-5

Вопрос армянского геноцида давно вышел за национальные рамки армянского народа и превратился в острую международную политическую и правовую проблему. Свидетельством тому является монография грузинского историка, в которой рассматриваются трагические страницы жизни армян в Османской империи, причины и предпосылки их массового истребления. Автор подвергает критике позицию правительства современной Турции, исследует проблемы и перспективы признания Турцией совершённого ею геноцида.

Книга будет интересна всем, кто интересуется историей армянского народа, формированием международного законодательства по предотвращению геноцида и наказанию за него

ISBN 978-5-87872-471-5

© Кенкишвили С.Н., 2009.
© Издательство АПСН СКНЦ ВШ ЮФУ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. ТУРЦИЯ, АРМЯНЕ И ВЕЛИКИЕ ДЕРЖАВЫ (50-гг. XIX в – 1914 г.)	
1.1 Турция после Парижского конгресса 1856 года	13
1.2 Возникновение и развитие армянского вопроса и политика великих держав	45
Глава 2. ФЕНОМЕН ГЕНОЦИДА АРМЯНСКОГО НАРОДА И МИРОВОЕ СООБЩЕСТВО	
2.1 Массовое истребление армянского народа в годы первой мировой войны	82
2.2 Вопрос об армянском геноциде после подписания Лозаннского договора	123
Глава 3. ПРОБЛЕМА ПРИЗНАНИЯ АРМЯНСКОГО ГЕНОЦИДА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	
3.1 Прецеденты несения ответственности за военные преступления и преступления против человечества	142
3.2 Политика Турции и признание армянского геноцида: проблемы и перспективы	172
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	214
БИБЛИОГРАФИЯ	216

ВВЕДЕНИЕ

С приходом в конце XI века тюрко-сельджукских племён и их обоснованием в Малой Азии кардинальным образом изменилась политическая карта всего региона. В результате захватнических войн под контроль турок в числе других жертв попали и армяне, с древних времён населяющие эти земли.

Для армянского народа настало время национального и религиозного гнёта, мрака и регресса. Армяне не мирились со своим бедственным положением, они не раз поднимались на борьбу против угнетателей. Но силы, к сожалению, были неравны, и турецким властям удавалось подавлять восстания.

В то время как армяне томились под турецким игом, ведущие европейские державы в сношениях с Турцией стремились к заключению выгодных торговых договоров и надёжной защите собственности и безопасности своих граждан во время пребывания в Османской империи (такое название страна получила от имени Османа – вождя одного из племен). Франция первая получила (1535 г.) от султана особый документ (так называемую *капитуляцию*), гарантировавший соблюдение прав и привилегий французских граждан на территории Турции. Со временем такими документами для защиты своих подданных «обзавелись» и другие великие державы (подробнее об этом см. работу В. Ястржембского [202]).

После окончания наполеоновских войн представители европейских стран собрались в Вене. Участники конгресса установили новый миропорядок в Европе на основании *принципа легитимизма*, т.е. признания за монархами верховных прав над своими подданными на вверенной ему территории. «Вместе с тем, перекраивая политическую карту Европы, вопреки воли народов, правители государств, ... руководствовались ... своими собственными, нередко сталкивающимися, интересами» [161, т. 9, с. 580-581, прим. 9.]. Венские трактаты – подписанные на конгрессе документы, стали важной составной частью международного права. Что касается Османской империи, не участвовавшей в работе конгресса и не подписавшей трактаты, то она оставалась вне поля действия европейского международного права.

Австрийский политический деятель А. Прокеш-Остен писал, что министр иностранных дел Австрии К. Меттерних «впоследствии скорбел вовсе не о том, что Европа не приняла меры по облегчению судьбы христианских подданных султана, а о том, зачем Европа «... не воспользовалась конгрессом, чтобы добиться прочных гарантий в пользу Оттоманской империи» [69, с. 6].

Дело в том, что во время этого представительного форума бывшие союзники уже успели стать конкурентами, в частности, в захвате турецких территорий. Так возник «*восточный вопрос*» – принятый в дипломатии и исторической науке термин, обозначающий противоречия великих держав, стремившихся добиться преобладающего политического влияния в Турции.

Учитывая этнический состав подвластных султану христианских народов (болгары, греки, румыны, сербы, черногорцы в Европе, армяне в Азии), от развала Османской Империи больше всех выгод могла извлечь Россия, уже нанёсшая Турции пару чувствительных поражений на Балканах и на Кавказе (во второй половине XVIII – первой половине XIX вв.).

Но для западных политиков, проповедавших христианские ценности и принципы свободы, освобождение находящихся под османским игом народов не значило ровным счётом ничего, если оно могло привести к усилению другого государства. Фридрих Энгельс весьма точно подметил эту тенденцию: «Если различные национальности ... обретут свободу и им будет предоставлена свобода вероисповедования, если откроются настежь двери для ... противоречивых стремлений и интересов всех великих держав Европы – разве не вызовет это всеобщую войну?» [161, т. 9, с. 32-33]. Христо

Ботев, выдающийся болгарский общественный и политический деятель, назвал восточный вопрос «*тугалом боязливых дипломатов*» [50, с. 215].

Размышляя над ходом мыслей европейских государственных деятелей относительно перспектив Османской империи, известный немецкий писатель Гейнрих Гейне в 1840 г. риторически вопрошал: «Что же удивляться тому, что ни один высокий монарх не хочет уступить русским это большое наследство, и каждый желает получить кусок восточного пирога ... и даже самый маленький немецкий князь стремится получить хотя бы чаевые. Таковы человеческие побуждения» [84, с. 248].

Следует отдать должное министру иностранных дел Великобритании Р. Каслри за откровенность, признавшегося, что «сколь бы варварской ни была Турция, она в системе Европы представляет необходимое зло» [118, с. 9]. Германский фельдмаршал Мольтке констатировал, что «в течение долгого времени ... все усилия западных армий клонились к тому, чтобы положить конец мусульманскому владычеству; теперь же европейская политика точно возложила на себя миссию увековечить его существование» [Цит. по: 201, с. 330].

Но как бы ни старались европейские политики сохранить территориальную целостность Османской империи, и они оказывались бессильны перед лицом национально-освободительных войн подвластных султану христианских народов. Греки, сербы, черногорцы, болгары, проливая кровь на поле боя, добились выхода из-под власти Турции и создали свои независимые государства. В этом важнейшую роль играла Россия, оказывавшая братским славянским народам необходимую материальную, военную, финансовую и дипломатическую помощь.

После окончания русско-турецкой войны 1877-1878 гг. наконец-то «дошла очередь» до армян и на их бедственное положение обратили внимание в Европе. В Сан-Стефанском мирном договоре, подписанном 3 марта 1878 г., Турция взяла на себя обязательство провести реформы по улучшению по-

ложения армянского населения. Через четыре месяца такое же обещание Турции было зафиксировано и в Берлинском трактате (подписан 13 июля 1878 г.). Тем самым «*армянский вопрос*» превратился в проблему международного масштаба. Его появление было «...предопределено утерей Арменией национальной государственности. Армянский вопрос стал составной частью восточного вопроса, занял определённое место в международных отношениях, политике великих держав на Ближнем Востоке, их борьбе за сферы влияния в Османской империи и раздел её владений» [109, с. 38].

Несмотря на неоднократные заверения османского руководства, оно так и не провело реальных преобразований в стране. Совсем наоборот, власти стали обращаться с армянским населением всё жёстче. Турецкие власти, понимая, что армянский вопрос великим державам служит поводом к вмешательству во внутренние дела страны, решили «покончить с армянским вопросом, усилив преследования в отношении армянского населения империи (разжигание мусульманского фанатизма и антиармянских настроений, постоянные грабежи и убийства, произвол и незаконные местных властей, попытки насильственного обращения армян в ислам, ужесточение цензуры ...), которые сводились в конечном счете к физическому уничтожению армянского этноса» [там же, с. 39].

Кульминацией проявления тирании и бесчеловечности стали события 1915-го года и последующих лет, когда в результате преступных действий правительства погибли больше миллиона армян – в большей части детей, женщин, стариков.

Позже подобная политика государства в отношении мирного населения получило название «*геноцид*». Хотя международное сообщество уже давно квалифицировало действия османских властей как геноцид, Турция категорически отрицает наличие у тогдашнего руководства умысла истребления огромного количества мирного армянского населения. С тех пор прошло около ста лет, а для армянского народа по-

стигшая трагедия всё ещё остаётся кровоточащей раной, раной, которая болит.

Историография вопроса. Затрагивая вопрос об истории изучения вопроса армянского геноцида, необходимо отметить, что на определённых его этапах значительное влияние оказывала политическая составляющая проблемы. Как справедливо отмечает К. Вртанесян, «... освещение истории геноцида армян всегда было и остается крайне политизированным. Труды советских авторов замалчивали антиармянскую деятельность большевиков: труды американских и европейских авторов соответственно замалчивают неблагоприятные деяния американских, британских, французских и немецких политиков и дипломатов. Не свободны от партийно-земляческих пристрастий и работы многих армянских авторов. Турецкие же историки в большинстве своем прилагают все усилия для отрицания самого факта геноцида армян, для очернения его жертв и оправдания организаторов» [123].

Формировавшаяся в 20-е гг. XX века советская историография в основном ориентировалась на изучении социально-экономических проблем армянского населения в Османской империи, оставляя без должного внимания важнейшие стороны борьбы армянского народа за освобождение от иноземного ига и создание независимого государства. «Продолжительное время ... советские историки были лишены возможности изучения истории национально-освободительного движения, деятельности армянских национальных политических партий, многих других сюжетов, имеющих непосредственное отношение к проблемам армянского вопроса и геноцида армян» [109, с. 45].

Счастливым исключением является исследование (1928-29), предпринятое Б.А. Борьяном, сделавший в своём объёмном труде основательный анализ политики великих держав в армянском вопросе [117]. Изучив имеющиеся документы, автор подверг резкой критике их хищнический характер. Вызывает сожаление, что этот замечательный труд практически

неизвестен широкой (научной) общественности. Причиной тому является его изъятие из библиотечных фондов СССР.

Лишь спустя четверть века появилась следующая работа, в которой изучается история освободительной борьбы армянского народа в Османской империи. Таковой является монография М.Г. Нерсисяна, вышедшая в 1955 г. [166]. Автор рассмотрел широкий круг проблем: цели и задачи освободительной борьбы, формирование её идеологии, политика великих держав в восточном вопросе.

На эту тему в 70-80-гг. прошлого столетия вышел ряд интересных работ, среди которых следует отметить труды Ц. Агаяна [109, с. 10], А.Дж. Киракосяна [150-154], Дж. Киракосяна [155], проведших комплексное исследование армянского вопроса. При рассмотрении трагических событий в годы первой мировой войны Ст. Степанян проследил за политикой Германии, справедливо отнеся её к пособникам геноцида армянского народа [182].

Отличаются глубиной исследования труды В. Дадряна (США) [134]. Привлечение большого количества фактического материала позволяет ему реконструировать происшедшие события, разоблачить шовинистические устремления турецких политиков всех мастей в отношении армянского населения.

Заслуживает внимания выдвигаемое Э.С. Маркарян (2005) предложение о создании специальных научных дисциплин «геноцидоведение» «геноцидология» [159]. Монография А. Марукяна (2003) отличается глубиной исследования политики России в армянском вопросе [160]. Автор, изучив широкий круг источников, делает справедливые и обоснованные выводы. П.К. Оганян (2007) рассмотрел геноцид армян через призму нарушений основополагающих прав человека, будь-то это военное или мирное время [170].

Несколько замечательных работ посвятил проблеме армянского геноцида Ю.Г. Барсегов (1990-е – 2008 гг.), убедительно доказавший, что истребление армян в Османской им-

перии подпадает под квалифицирующие признаки геноцида, данные в Конвенции ООН 1948 г. [112-115].

В силу научной и общественно-политической актуальности, учёные в наши дни продолжают исследование проблемы геноцида армянского народа.

Источники. В ходе работы над данным трудом автор опирался на разнообразные источники.

Требуется следующее пояснение: многие материалы в силу своего «жанра» и характера секретности (донесения, агентурные сведения, инструкции) в течение достаточно длительного времени пребывания были опубликованы вместе с договорами, трактатами и другими актами международных отношений. Это обстоятельство и обусловило их объединение в одну общую группу источников.

В виду того, что *армянский вопрос* лежит в плоскости международных отношений, источники, составляющие первую группу документов, имеют важнейшее значение. В изданиях «Внешняя политика России», «Внешняя политика СССР», а также в сборниках документов под редакцией Е.А. Адамова, Т. Юзэфовича, С.А. Никитина собраны трактаты, донесения, отчёты, позволяющие заглянуть в закулисные большой политики.

В сборнике документов под редакцией М.Г. Нерсисяна приведены важные сведения, отчёты, доклады общественных, политических и религиозных деятелей, а также дипломатических работников, знавших жизненные реалии в Османской империи. Со многими нужными договорами и другими нормативными актами международного права, а также докладами, выводами и оценками политиков, юристов, экспертов можно ознакомиться в солидном издании, выпущенном под руководством Ю.Г. Барсегова.

Большую ценность представляют материалы, содержащиеся в немецком издании «Документы политического архива министерство иностранных дел Германии», проливающие свет на приглядную политику Германии, равно как и других великих держав в армянском вопросе. Немало ценной ин-

формации можно почерпнуть также из архивных фондов Великобритании и США.

Во второй группе источников собраны *труды по международному праву*, опубликованные в XIX – начале XX века, то есть раньше, чем имели место массовые истребления армян в годы первой мировой войны. Эти труды, чьи авторы являются видные юристы, дают ясные представления о том, насколько существовавшие в то время нормы и обычаи ведения войны разошлись с действиями турецких властей в отношении армянского населения в Османской империи.

Источники, входящие в группу *мемуаров, дневников, переписки политических деятелей*, представляют значительную ценность. Документы, авторами которых являются политики, занимавшие различные государственные посты, показывают, как строили правительства свои стратегические планы, и какую тактику они применяли для достижения поставленных целей. Воспоминания политических деятелей помогают восстановить картину и понять логику развития событий.

Ещё одну группу источников составляют *публицистические работы*, написанные современниками рассматриваемого вопроса и её значение в международных отношениях.

Немало ценных сведений можно почерпнуть из *публикаций в периодической печати*, представленной следующими изданиями: «Вестником Европы», «Историческим вестником», «Русским вестником», «Отечественными записками» и др. В них анализировались политическая, экономическая, социальная сферы Османской империи, отношения христианских народов империи к своим поработителям, а также освещалась восточная политика европейских держав.

Использованные источники позволяют максимально полно воссоздать развитие армянского вопроса в рассматриваемый период.

Целью данной работы является:

- установить причины армяно-турецких противоречий;

- изучить политику России и европейских держав в армянском вопросе;

- выявить факторы и обстоятельства, из-за которых Турция смогла избежать наказания за истребление армянского населения;

- рассмотреть прецеденты несения государством ответственности за преступления против мира и человечества (на примере Германии);

- исследовать проблему применимости конвенции ООН о геноциде (1948 г.) к фактам массового уничтожения Турцией армянского населения в годы Первой мировой войны;

- выяснить, каковы, с учётом современных политико-правовых реалий, перспективы признания Турцией геноцида армянского народа.

Для достижения поставленных целей в работе всесторонне изучены существующие по данной теме источники и литература, проведён их системный анализ, поэтому выводы базируются на объективной оценке событий. Проблема геноцида армян, равно как и весь армянский вопрос рассмотрены в тесном контексте международных отношений.

* * *

Автор благодарит декана исторического факультета ЮФУ, кандидата исторических наук, доцента **Николая Алексеевича Трапш** за помощь и поддержку в издании данной работы.

* * *

За оказанную финансовую помощь автор выражает признательность:

Гарибяну Аршаку Еремовичу – директору управляющей компании ООО «Железнодорожник»;

Мкртчяну Александру Мушеговичу – генеральному директору туристической компании «Розовый слон»;

Налбандяну Самвелу Армаисовичу – генеральному директору издательского дома «Рус-медиа групп»;

Хаймахяну Маркару Амазасповичу – генеральному директору ООО «Авто-Ревю 2».

Глава 1. ТУРЦИЯ, АРМЯНЕ И ВЕЛИКИЕ ДЕРЖАВЫ (50-гг XIX в. – 1914 г.)

1.1 Турция после вхождения в круг европейских держав

*Турки жили в стране как завоеватели,
а не как устроители её.*

А. Тыркова, российский публицист, 1916 г.

В результате успешных захватнических войн турецкое государство постепенно превратилось в огромную империю, раскинувшуюся на трёх континентах (в Азии, Африке и Европе), контролирующую также огромные водные бассейны Средиземного и Чёрного морей.

Османское государство отличалось этнической и религиозной неоднородностью. Помимо самих турок и других мусульманских народов (албанцы, арабы), в нём проживали ещё и христиане: болгары, румыны, сербы, черногорцы, греки, армяне и др. Поскольку мусульманский религиозный догмат «объявлял всякого чужеземца врагом», и создавалось «состояние непрерывной вражды между мусульманами и неверными», неверные, то есть, христиане ставились вне исламского закона [161, т. 10, с. 167, 168]. По этой причине глава государства – султан, делегировал верховные права над армянским и греческим населением империи, соответственно, армянскому и греческому патриархам. Помимо вопросов чисто религиозного плана патриархи осуществляли власть и над другими сферами жизнедеятельности населения: светской (браки, рождение детей, крещение ...), финансовой (сбор налогов, пошлин ...), судебной (вопросы виновности и невиновности, приведение приговора в исполнение). С первого взгляда картина выглядит полной идиллией, может даже показаться, что армяне жили в полной автономии. Однако, позже мы убедимся, что такое представление очень далеко от истины (см. пар. 1.2).

Что касается взаимоотношений Турции с Европой, замечу, что подданные из стран Европы (т.е. христиане) являлись такими же «неверными», как и армяне. Поэтому, с целью урегулирования взаимоотношений, точнее говоря, обеспечения безопасности европейцев во время их пребывания в Османской империи (поездки деловые, религиозные, частные) установили систему капитуляций. Она отличалась от обычных двусторонних договорных отношений тем, что имела односторонний характер: султан выдавал тому или иному европейскому государству специальный документ («*капитуляцию*»), в соответствии с которым граждане этой страны, будучи на территории империи, не были подсудны местному турецкому суду. Они находились под т.н. «*консульской юрисдикцией*», то есть, их могли судить суды, существовавшие при консульствах европейских стран в Турции.

Таким образом, можно провести некую параллель между пребыванием армян под верховенством власти патриарха (в судебном плане) и европейских граждан под консульской юрисдикцией своих стран. В обоих случаях первопричиной создания такого положения вещей являлось отнюдь не уважение турецких властей к христианам (европейским гражданам или армянам), а совсем наоборот – они, чужеземцы, не были достойны того, чтобы их судили мусульманские суды.

Франция – «первопроходец» в системе капитуляций, позже добилась от султана права установить свой протекторат на находившиеся в Палестине монастыри, где исповедовалась «франкская» религия (имеется в виду *католическая* конфессия), и на французов, совершавших паломничество к святым местам [там же, с. 169].

Новизну в отношения с Турцией внесла и Россия. После победоносной войны с Турцией Петербургу удалось включить в мирный договор 1774 г. выгодный для себя пункт, дававший царю право покровительства над христианами Османской империи (см. работу Е. Дружининой [141]). Аналогичному методу прибегла и Франция. «Наполеон в 1802 году счёл полезным сделать существование и сохранение капиту-

ляции предметом одной из статей договора и придать капитуляции характер взаимно связывающего договора» [161, т. 10, с. 169]. Не лишним будет напомнить, что впоследствии именно со спора между Россией и Францией о святых местах (кто из них на что имел право в религиозной сфере) начался Восточный кризис, переросший в итоге в кровопролитную Крымскую войну [там же, с. 65, 86, 145].

Время шло. Османская империя, достигнув пика своего могущества (XVI в.), потихоньку начала слабеть. Ведь одно дело захватить большие территории, совсем другое – грамотно ими управлять. Это как раз не и удавалось турецким властям. Со временем последовали и первые военные поражения (от Австрии, Польши, России), а вслед за ними и территориальные потери.

В то время как в Европе развивалась экономика, внедрялись технические изобретения и налаживалось мануфактурное производство, в Турции по-прежнему господствовал феодальный строй с коррумпированным аппаратом и злоупотреблениями в финансовой сфере. К концу XVIII века стало ясно, что турецкие власти больше не в состоянии удержать империю в существовавших границах. Это означало одно – ведущим европейским странам предстояло вступить в борьбу за турецкое наследство. А.Ф. Миллер так сформулировал задачи конкурентов: «Либо захватить земли, отпадающие от Оттоманской империи, либо утвердить своё безраздельное влияние на них, либо не позволить своему сопернику сделать это» [164, с. 4].

Возникший тем самым *восточный вопрос* занял прочное место в международных отношениях. Стоит отметить, что Турция скорее выступала в качестве объекта, а великие державы являлись субъектами, т. е. действующими лицами этой длительной и насыщенной событиями эпохи. Именно европейские державы «повинны» в большей степени в возникновении этой исторической проблемы и её долгом существовании.

Известно, что война – это средство достижения своих экономических и политических выгод за счёт других стран. И великие державы, все без исключения, вели завоевательные войны, стремясь упрочить своё положение на международной арене. Вот неполный список стран, с которыми в разное время сражались великие державы: Австрия – с Пруссией, Данией, Италией; Англия – с Уэльсом, Шотландией, Ирландией, приплюсуюем колониальные войны на американском континенте, в Африке и Азии; Пруссия – с Австрией, Польшей, Данией, Францией; Россия – со Швецией, Польшей, Персией, Японией; Франция – с Пруссией, Россией, прибавим сюда колониальные войны в Африке и Азии (а при Наполеоне чуть ли не со всей Европой).

Захватническая политика великих держав была справедливо подвергнута жёсткой критике в меморандуме российской делегации (от 30.12.1922), представленной на Лозаннской конференции [6, т. 6, с. 127, 128]. Приведённый список показывает, что войны с участием великих держав охватывали почти весь земной шар. А что касается Османской империи, то её обширные территории для ведущей пятёрки служили ещё одним, может быть, самым лакомым местом «применения» сил.

* * *

Османская империя, не принявшая участия в Венском конгрессе 1814-15 гг., оставалась вне европейской системы международного права. Тем не менее, она занимала прочное место во внешней политике великих держав. Географическое положение Турции, простиравшейся на трёх континентах, определяло её политическую и экономическую важность в глазах ведущих игроков на политической сцене Европы. Особенно, если учесть, что в руках султана находился Константинополь, равно как и проливы Босфора и Дарданелл.

Ещё в начале XIX века, когда два самых могущественных монарха – императоры Франции и России Наполеон Бонапарт и Александр I пытались разделить между собой сферы влияния, на предложение царя отдать ему Константинополь,

Наполеон в ужасе воскликнул: «Константинополь! Никогда, ведь это было бы равносильно всемирному господству» [55, с. 191-192].

Около полвека спустя Карл Маркс отмечал, что «Константинополь, это – золотой мост между Востоком и Западом, и западная цивилизация, подобно солнцу, не может обойти вокруг света, не пройдя через этот мост; а через этот мост нельзя пройти без борьбы с Россией» [161, т. 9, с. 240]. К концу XIX столетия (1896 г.) английский еженедельник «Spectator» так оценил важность турецкой столицы: «Владеть Константинополем – это значит владеть всем миром» [цит. по: 153, с. 19]. «Большое влияние Константинополя, держащего в своей власти ворота Средиземного и Чёрного морей, на европейские дела заложено в природу вещей» [161, т. 10, с. 146]. – такая оценка точно отражала положение дел в международных отношениях. Приведённые цитаты показывают, что этот город с прилегающими к нему проливами, а вместе с ними и вся Турция сохраняли свою значимость на протяжении длительного периода времени.

Политические деятели в Европе осознавали, что от упадка слабеющей из-за национально-освободительных движений славянских народов Османской империи, больше всех выгод может извлечь Россия (в силу этнического и конфессионального сходства с ними, а также географической близости). Чтобы нивелировать эти, так сказать, естественного характера преимущества России, европейские державы считали необходимым вовлечь Турцию в договорную систему, в которой они наравне с Россией имели бы такие же права и возможности влиять на политическую жизнь в Турции. Этим объясняется тот факт, что премьер-министр Франции Ж. де Виллель в 1827 г. выдвинул предложение о том, чтобы «союзники... заключили договор, согласно которому Оттоманской империи гарантируется её status-quo» [там же, т. 9, с. 169]. Год спустя Меттерних от имени Австрии обратился к правительствам Англии и Франции с инициативой гарантировать неприкосновенность Османской империи [55, с. 191].

Что касается России, то она тоже не была против поддержать султана в сохранении суверенитета над его территориями, если бы он учёл политические приоритеты Петербурга, заключающиеся в том, чтобы военные корабли великих держав не допускались в Чёрное море. Царь Николай I, добившийся немалых успехов за счёт Турции (отторжение от неё Греции с предоставлением ей независимости, а также присоединение к России некоторых районов в Закавказье (см. Адрианопольский договор 1829 г. [5, с. 71-84]), на время мог себе позволить такую роскошь, как поддержка территориальной целостности Османской империи.

Николай I оказался расторопнее всех, когда египетский паша восстал против своего верховного правителя – султана. Опередив европейских конкурентов, и вовремя оказав ему вооруженную и политическую поддержку в подавлении восстания, Россия заключила с Турцией весьма выгодный для себя Ункьяр-Искелесийский договор (26 июня (8 июля) 1833 г.). Ст. 3 указанного документа гласила, что Петербург обязывается партнёра «... снабдить сухим путём и морем таким количеством войск и сил, какое ... договаривающиеся стороны признают нужным» [7, док. 148, с. 148]. На это Стамбул ответил «... закрытием Дарданелльского пролива, то есть не допускать никаким иностранным военным кораблям входить в оный под каким бы то ни было предлогом ...» (отдельная секретная статья [там же, с. 149]. Это положение давало России значительное стратегическое преимущество перед своими европейскими конкурентами.

Несколько месяцев спустя, в том же 1833 году, Россия и Австрия в Мюнхенграце подписали договор, в котором стороны брали обязательство общими усилиями оказывать султану помощь, в случае возникновения вопроса о территориальной целостности Османской империи (см. русско-австрийский договор [там же, № 149, с. 149-150]).

В 1839 г. пять великих держав (Австрия, Англия, Пруссия, Россия, Франция) в связи с новым конфликтом между султаном и его вассалом – египетским пашой, совместной

нотой обратились к главе турецкого государства, потребовав с него не принимать решительных шагов, не посоветавшись предварительно с представителями европейской пятёрки. Таким образом был создан прецедент коллективного выступления держав с целью разрешения проблем на Востоке [137, т. 1, с. 342]. Позже, в 1840 и 1841 гг. в Лондоне представители великих держав и Турции подписали трактаты, в соответствии с которыми они давали султану гарантии в оказании всесторонней помощи в случае войны с его египетским вассалом [7, с. 153-154].

Возникает логический вопрос: чем была обусловлена такая заинтересованность европейских правительств в турецких делах? Вот что писал по этому поводу генерал русской армии Г. Бобриков, размышляя о важности Османской империи в международных делах: «Нужно жить на Босфоре ... в центре интриг и торгово-промышленной деятельности всемирной цивилизации, чтобы иметь возможность с успехом воспринимать бурный поток жизни ... Как в калейдоскопе, быстро меняются события ... Чтобы не попасть впросак, нужно иметь свежую голову, твёрдую волю, обширный опыт и несокрушимую энергию ... Здесь ключ и разгадка большинства исторических событий» [90, 1913, май, с. 259].

Известный французский исследователь Рене Пинон указывал, что «уже с давних пор, Константинополь с его «восточным вопросом» и «вопросом о проливах» по справедливости пользуется репутацией лучшей школы дипломатов. Действительно, здесь легче чем где-нибудь в другом месте можно изучить на опыте всё то непрочное и дряхлое, что имеется во всех самых торжественных трактатах международного права» [цит. по: 140, с. 5].

В острой конкурентной борьбе великих держав одним из надёжных инструментов установления своего влияния в Турции являлось оказание ей финансовой помощи и взятие под контроль денежной системы страны. Ещё в самом начале восточного кризиса 50-х гг. XIX века газета британских деловых кругов «*The Economist*» писала, что «... интересы ...

Великобритании требуют, чтобы территориальная целостность Турции была гарантирована ..., и чтобы там власть была сильной и консолидированной». Далее газета поясняет, интересы эти обусловлены тем, что для Англии Турция является намного более выгодной в торговом отношении страной, чем Россия [97, 12.III.1853, с. 280].

Эти слова были сказаны в 1853 году. Интересно, что по прошествии 60 лет французский учёный и публицист Пьер Лоти в книге «Умирающая Турция» [Turquie agonisante], вышедшей в 1913 году в Париже, пожалеет «бедных турок», от которых «Европа отреклась», бросила их на произвол судьбы и т.п. Но, как указывает в своей рецензии российский обозреватель Л. Слонимский, француз всё же проговорился, «выдав» причины его жалости и симпатий к Турции. Господин Лоти пишет: «Мы имеем там два с половиной миллиарда, помещённые французскими капиталистами в турецких процентных бумагах, что делается с этими деньгами наших сбережений, когда хозяевами станут новые завоеватели?» [85, 1913, апрель, с. 384].

Возвращаясь к рассматриваемому нами периоду (50-х гг. XIX в.), приведу высказывание современника тех событий, русского публициста П. Чихачёва, разоблачившего алчную сущность всех без исключения великих держав: «Главная причина того, что Турецкая империя так долго существует, заключается в идее её раздела. Великие державы, опираясь на право самых сильных, считают себя законными наследниками Турции. Их интересует не уничтожение турецкой тирании и не освобождение угнетённых народов, а раздел империи между собой. Поэтому, с тех пор как существует вопрос о безнадежно больном, каждая из пяти держав озабочена, прежде всего, долей, которая может достаться соперникам; и пока кажется, что соседу достанется больше, они не могли до сих пор и никогда не смогут договориться» [82, с. 174].

Борьба между державами за обеспечение своих интересов в Османской империи была настолько ожесточённой, что

им даже пришлось подписать специальный протокол (так называемый «акт бескорыстия»). В нём европейские державы торжественно поклялись, что «не будут искать никакого увеличения территории и никакого исключительного влияния...» (за счёт Османской империи – К.С.) [5, с. 100-101]. Этот документ является образцом дипломатического лицемерия, обмана или даже самообмана. Подписывая вышеприведённый протокол, европейские политики отказывались, вернее, заявляли, что отказываются от того, что представляло смысл их деятельности – упрочить положение своей страны за счёт других. Но если помнить, что у политиков язык существует для того, чтобы скрывать мысли (Ш. М. Талейран) [161, т. 9, с. 420], и, что «ложь, ... есть первородный дипломатический грех» (выражение обозревателя «Русской мысли») [89, 1887, июнь, разд. 2, с. 165], всё становится на своё место.

Стоит ли удивляться тому, что на фоне длительного соперничества за преобладающее влияние на Востоке, европейские политические деятели не удосуживались подумать о христианских народах, в том числе и об армянах, томившихся под национальным и религиозным игом. Такую политику подверг резкой критике Ф. Энгельс, заявивший, что «... государственные мужи Европы из-за упрямого невежества, традиционной рутины и унаследованной лени мысли избегают даже попытки дать ответ» что будет с Турцией? В чём состоит status quo? Для христианских подданных Порты это означает просто увековечение их угнетения Турцией» [161, т. 9, с. 31].

Со временем (помня о прецеденте в виде Кючук-Каинарджийского договора) политики в Европе сообразили, насколько острым оружием может быть право покровительства христианских народов Османской империи. Ведь его можно было использовать в качестве средства давления на Стамбул, и соответственно, как инструмент получения политических и экономических уступок от турецкого правительства. Так что, ещё до того как великие державы занялись тя-

жѣлым положением армян, армянскому вопросу была уготована такая же роль рычага давления на турецкие власти.

* * *

Одержав победу в Крымской войне, Англия, Франция, а также примкнувшие к ним Австрия и Сардиния продиктовали побеждённой России выгодные для себя условия послевоенного урегулирования восточных дел. Всё это нашло отражение в Парижском трактате, подписанном 30 марта 1856 г. Ст. VII гласила, что по решению конгресса Турция вступает в «союз держав европейских», и Россия, Австрия, Франция, Великобритания, Сардиния обязываются, «...каждый со своей стороны, уважать независимость и целостность империи османской». Далее говорилось о том, что вышеназванные державы «...обеспечивают совокупным своим ручательством точное соблюдение сего обязательства...» и всякое нарушение независимости и территориальной целостности Турции, станет предметом обсуждения европейских держав [14, с. 51].

Западные державы, проповедовавшие христианские ценности и строившие государственную систему на принципах демократии и свободы, руководствовались именно «русской угрозой», включая в «союз держав европейских» Турцию – страну нехристианскую, неевропейскую и весьма далѣкую от западной демократии и свобод. При этом, они «забывали» о многомиллионном христианском населении разных национальностей, в том числе и армян, находившихся под турецким национальным и религиозным гнѣтом.

Политические деятели Европы понимали, что Турция не отвечает стандартам цивилизованного государства. Поэтому, основанием для её включения в круг великих держав представили подписанный султаном указ (18.02.1956), в соответствии с которым все граждане Османской империи, независимо от их расы, этнической принадлежности и вероисповедания, будут пользоваться равными правами. Указ был издан по инициативе западных держав. Но при этом они и после обнародования султанского фирмана не считали Турцию демократической и цивилизованной страной. Об этом свиде-

тельствует тот факт, что они отвергли просьбу стамбульских властей об упразднении консульской юрисдикции на территории Османской империи [там же, с. 54].

Европейские политики предвидели, что в будущем в русско-турецких отношениях всё же будут возникать конфликтные ситуации. Поэтому они настояли на включении в Парижский трактат положения о том, что в случае возникновения несогласия между Турцией и какой-либо страной, подписавшей данный документ, прежде чем применить оружие, следует обратиться к посредническим услугам других договаривающихся стран, чтобы предоставить им возможность мирным путѣм урегулировать возникшую конфликтную ситуацию (ст. VIII) [там же, с. 55].

Анализируя итоги Парижского конгресса, необходимо отметить, что на основании подписанного трактата Турция вошла в поле действия принципа легитимизма, то есть признание за главой государства суверенного права в управлении своей страной. Провозглашённый на Венском конгрессе 1815 г. принцип, стал направляющей линией в международных отношениях в Европе. Следовательно, парижский форум европейских держав 1856 г. можно рассматривать как продолжение (или дополнение) Венского конгресса. «В 1815 году она (Турция – К.С.) не была допущена в круг европейских держав. В трактате 1856 г. мы сочли нужным исправить этот дефект» [34, с. 19], – писал по этому поводу герцог Аргайлский. Стараниями английских политиков Турцию приняли в «союз держав европейских», а значит, на неё распространились нормы международного права со всеми выгодами и обязательствами [28, с. 59].

Следует обратить внимание на тот факт, что конгресс не предусмотрел никаких мер по отношению к Турции, если она не выполнит взятых на себя обязательств по улучшению положения христианского населения. Более того, трактат провозглашал (ст. IX), что издание султанского указа «ни в каком случае не даёт сим державам право вмешиваться совокупно или отдельно в отношения... султана к его подданным

и во внутреннее управление империи его» [14, с. 71]. Это означало, что улучшение жизни армянского народа в Османской империи являлось внутренним делом турецкого правительства. Но в случае неприятия реальных шагов в этом направлении, армянам даже жаловаться было некуда, поскольку, страны подписавшие трактат, заранее сняли с себя обязательство от того, чтобы добиваться от Стамбула выполнения зафиксированный в договоре положений.

Как видим, Турция, ставшая полноправным участником «европейского концерта», не обременялась никакими обязательствами в деле соблюдения норм европейского международного права. По этой причине обозреватель «Русского вестника» В. Уляницкий назвал ст. IX «дипломатическим призрак» [76, с. 748, 755]). То, что включение Турции в круг европейских держав являлось чистой фикцией, подтверждают британские политики, которые на «Турцию смотрели только как на государство-буфер», которому следовало «парализовать намерения России и считали поэтому, что её следовало поддерживать» (герцог Аргайлский [34, с. 13]), и что они «... поддерживали Турцию для себя и для ... собственных интересов» (Г. Палмерстон [там же, с. 29]).

* * *

После того, как государственные деятели в торжественной обстановке подписали трактаты и прогремели фанфары, оставалось «лишь» претворить в жизнь обязательства, зафиксированные в столь значимых документах международной политики. Речь, прежде всего, идёт о султанском указе, предполагавшем провести радикальные реформы политического, социального и финансово-экономического характера. Смысл намечаемых реформ состоял в том, чтобы все граждане Османской империи, независимо от национальности и религиозной принадлежности, пользовались равными правами и возможностями.

Как потом выяснилось, у султанского документа «жизнь» явно не задалась. Путешествуя по Турции 1858 г.,

публицист П.А. Чихачёв заметил, что «указ более известен в Европе, чем в стране, где предстояло открыть новую эру» [83, с. 61], и не удивительно, что положение христиан оставалось по-прежнему невыносимым [там же, с. 25]. Поэтому заявление известного британского политического деятеля Генри Лайярда о том, что за издание такого указа «правительство султана заслуживает всякой похвалы за проявленный либерализм» [21, т. 141, ст. 2074], выглядел скорее как аванс и необоснованный оптимизм. Лайярд, понимая в чём корни турецких бед, отметил: «нецелесообразно требовать от турок, чтобы они в один день изменили... законы, ... которые им достались от ... предков» [там же, ст. 2075]. Лайярд явно выдавал желаемое за действительное, когда говорил, что «в последнее время в Турции происходят значительные изменения; каждый день делается шаг вперёд, с возрастанием контактов с Европой, страна будет прогрессировать» [там же].

Граф Грей высказывал подозрение, что «если осуществление реформы будет предоставлено Турции, он (султанский указ – К.С.) не стоит и той бумаги, на которой написан, ибо записанные в нём положения противоречат Корану» [Цит. по: 200, с. 75]. Разочарованная результатами мнимых реформ английская газета «Морнинг пост» в 1860 г. заявила, что «пора покончить с Турцией», а «Русский вестник» в том же году отмечал: «... возрождение Турции становится всё более сомнительным» [74, с. 279].

Принимались множество разного рода законов, кодексов и нормативных актов, но они не выполнялись. «Сочинялись реформы, создавались законоположения, ... а в действительности от всех этих реформ бедствия Турции только увеличивались», – такой вывод сделали «Отечественные записки» в 1861 г. [72, с. 32-33]. Проработавший много лет на Востоке генерал Н.П. Игнатъев по этому поводу заметил, что турецкие политики обладали «всеми необходимыми качествами если не для искусного проведения реформ, то, по крайней мере для инсценирования их», чтобы расположить к себе общественное мнение Европы [39, март, с. 618]. «Дипломатиче-

ские увёртки турок так же бесчисленны, как песчинки в море», – иронично подметило английское издание «*Spectator*» [цит. no: 153, с. 9].

Российский дипломат А. Жомини в 1867 г. высказывал сомнения «относительно возможности обновления Турции турками» [цит. no: 191, с. 131]. В том же году британский консул в Салониках сообщал, что «постановления (указа 1856 г. – К.С.), касающиеся отношения Порты к её христианским подданным, никогда не были в действительности исполнены, постановления остались, как бы, вовсе неизвестными, или даже обращены в мёртвую букву» [79, с. 208].

Всё тот же Лайярд, хорошо разбиравшийся в привычках турецких властей, констатировал, что Турция, не проводя реально никаких реформ, «... давно научилась обращать противоречия, существующие между европейскими державами, в свою пользу» [244, с. 206]. Эти слова имеют особое значение, поскольку сказаны они человеком-знатоком Востока, являющимся «... самым ярким сторонником турок в пределах всего королевства» (выражение герцога Аргайлского) [34, с. 61]. В процессе формирования Лайярда как туркофильского политика важную роль сыграли молодые годы, проведённые им в Османской империи. Страсть к путешествиям и приключениям, которая влекла его на Восток, позже переросла в потребность серьёзного изучения древней истории этого края. Результатом успешно проведённых им археологических экспедиций стали блестящие научные открытия, принесшие ему мировую известность [267, с. 478-480].

В 40-е годы XIX в. Лайярд несколько лет прослужил внештатным сотрудником британского посольства, выполняя функции представителя посла Стретфорда по особым поручениям. Именно в этот период Лайярд познакомился и подружился с такими известными в будущем политическими деятелями Турции как Решид-паша, Фуад-паша, Али-паша, Кабули-эффенди, Киамил-бей, Сафвет-паша Ахмед-Вевфик Эффенди. Беседы Лайярда с ними проходили в неформальной обстановке, как правило, у них дома, где он часто оста-

вался ночевать. Всё это способствовало их сближению и возникновению доверительных и дружеских отношений. Лайярд изнутри изучил менталитет турецких политиков, что принесло ему, по его собственным словам, большую пользу [48, т. 2, с. 82, 92-95, 97-99, 110]. Он являлся инициатором и одним из главных действующих лиц по созданию «Оттоманского банка» [267, с. 280-281], того самого банка, захват которого армянскими активистами в 1895 г. вызвал широкий отклик и волну симпатий и сочувствия в Европе [109, 186-187].

Лайярд, безусловно выдающийся археолог и политик, знаменит ещё и тем, что, находясь на посту посла Великобритании в Стамбуле, благодаря высочайшему профессионализму склонил турецкие власти к заключению англо-турецкой конвенции (4.06.1878) и передаче Кипра под британский контроль (подробнее о взаимосвязи данного договора с судьбами армянского народа изложено в пар. 1.2).

Касаясь вопроса отношений Запада и Турции, приведу признание бывшего премьер-министра Великобритании лорда Абердина: «Я ненавижу турок, ибо считаю их правительство самым дурным и губительным во всём мире. Одной из самых печальных обязанностей моей политической жизни являлось оказание поддержки сохранению Османской империи; я выполнял, и буду выполнять этот долг как общественный деятель ...» [119, с. 241]. Эти слова можно отнести к деятельности, пожалуй, всех европейских политиков, для которых поддержка турок вошла в привычку, и им некогда было вспоминать о печальном положении христианского населения Османской империи, в частности армян.

Политикам европейских держав, как гарантов Парижского трактата 1856 г., казалось бы, следовало добиваться выполнения турецкими властями обещанных реформ. Но они, проводя предательскую по отношению к армянам политику, фактически и юридически ставили верховенство прав завоевателя (турок) над правом покорённых народов (в нашем случае армян) в их борьбе за освобождение от иноземного ига. Это при том, что сами западные деятели прекрасно

понимали нелепость проводимой ими политики сохранения территориальной целостности Османской империи. Британский публицист М. Макколь приводит выражение профессора Фримана о том, что турецкое правительство есть и всегда было в буквальном смысле «*организованным разбоем*», поэтому было бы крайней нелепостью применять к такому государству какие бы то ни было правила рациональной политики международного права [158, с. 313].

* * *

Для понимания исторической сущности Османской империи большую ценность представляет завещание крупного турецкого политического деятеля и представителя группы европейской ориентации Фуад-паши, написанное им перед смертью в 1869 г.

В завещании есть отдельные высказывания, с которыми никак нельзя согласиться. Например, Фуад полагает, что только исламская религия свободна от ограничивающих догм и, что это даёт мусульманам возможность раскрыть свои таланты и тем самым способствовать развитию общества. А «все другие религии, – по мнению Фуада, привязаны к догматам и к неизменным принципам, которые оказываются преградой для прогресса человечества» [43, с. 191]. Неверны также откровенно шовинистические суждения в отношении некоторых стран. Так Грецию, турецкий политик называет «страной ничтожной» и «подобием государства». И эта страна, якобы, является лишь «очагом интриг, анархии и разбойничества», а в самых греках он видит «фальшивый и злой народ» [там же, с. 194].

Касаясь Черногории, Сербии и Армении, Фуад утверждает, что их народы представляют «собой несчастные остатки старых раздоров человечества», а названные страны он рассматривает как «политические тела, вредные для прогресса, опасные для спокойствия мира» [там же, с. 195]. «... какая-нибудь Черногория, какое-нибудь Сербское княжество, какое-нибудь Армянское царство, не принося никакой пользы ни себе самим, ни миру могут быть только государствами

более или менее химерическими, представлять собою несчастные остатки старых раздоров человечества, неизбежную добычу всякого нового завоевателя, – политические тела, вредные для прогресса, опасные для спокойствия мира» [там же, с. 195].

Если «прогрессивный политический деятель» пишет такие вещи, легко представить, что могли думать и творить другие «менее прогрессивные и демократичные» турецкие политики. Несмотря на вышеприведённые высказывания, полные национального и религиозного шовинизма, детальный анализ документа показывает, что автор завещания является государственным деятелем с широкими политическими взглядами, обладающим проницательным умом. Эти качества хорошо видны в его характеристике отношений Турции с европейскими державами – ведь многие предположения Фуада в последующие годы сбылись.

Касаясь будущей политики Австрии, Фуад-паша считал, что она, «выброшенная из Германии», «будет лучше видеть опасность, надвигающуюся с севера» (то есть со стороны России – К.С.). Поэтому турецкий политический деятель высказал убеждение в том, что Австрия станет «самой естественной союзницей ... Порты» [там же, с. 192-193].

Пруссия, занятая мыслями о «единстве Германии», по выражению Фуада, в тот момент ещё оставалась безучастной в восточном вопросе. «Несомненно, что, добившись этого единства» она сразу увидит, что восточные дела представляют для неё такой же интерес, как и для других великих держав [там же, с. 193]. Эти предположения полностью подтвердились уже два десятка лет спустя. О пробудившемся германском интересе в турецком направлении говорилось в политическом обозрении «Русской мысли» за 1880 г. [89, 1880, кн. 2, с. 52-53].

Содержание завещания в целом, и особенно фрагменты, посвящённые России и её восточной политике, ясно показывают, что перед нами выдающийся политический деятель с обширным кругозором и глубоким пониманием объективно-

го хода истории. Так, Фуад-паша именует Россию не иначе как «невольный враг» Османской империи и считает, что «расширение этой державы на Востоке есть роковой закон судьбы Московии ...». Как крупный политик с присущими ему амбициями, Фуад признаётся, что «если бы сам я был русским министром, я взбудоражил бы весь мир для того, чтобы овладеть Константинополем» [43, с. 193].

Кроме понимания закономерностей исторического развития, нужно было обладать мужеством (пусть даже перед смертью), чтобы сказать, что «мы (турецкие власти – К.С.) не должны ... ни дивиться, ни жаловаться перед наступательными ходами русских. Они поступают с нами ныне ... так же точно, как мы поступали с греками Византийской империи». И как истинный политик Фуад заявляет, что «для ограждения себя от московских захватов было бы ребячеством с нашей стороны опираться только на наши права» [там же]. Хорошо понимая, что в международных отношениях право не самое сильное средство для решения стоящих перед страной задач, автор завещания предупреждает, что для борьбы с могущественным северным соседом Турции «... нужна ... сила». Постольку Порты не имеет «возможности одна противостоять» России, «мы принуждены искать друзей и союзников иностранных» для отражения ударов с её стороны [там же, с. 192, 193].

И самым верным другом для своей страны умирающий политик считает Англию, которую всегда можно будет найти «в первом ряду» среди «иноземных союзников». Он напоминает, что «Англия оказала нам огромнейшие услуги, и невозможно будет обойтись без тех, которые она в состоянии оказать ещё» [там же, 192]. Фуад осознавал, что у всех держав свои «интересы, завистливые, враждебные, несправедливые ...». И британская помощь является небескорыстной, а значит, пока политика Турции не будет противоречить устремлениям Лондона, он «будет главным и последним из наших союзников» [там же]. Ради сохранения дружбы и поддержки Великобритании, в случае необходимости, по мнению Фуада,

можно было пойти даже на определённые жертвы: «Я предпочёл бы потерять несколько провинций, чем видеть Блистательную Порту покинутой Англией» [там же]. Такое предположение с удивительной точностью сбылось в 1878 г., когда Лондон предложил Турции заключить оборонительный союз, что предполагало передачу Кипра под британский контроль.

Далее автор завещания предлагает меры, которые, по его мнению, смогут спасти Османскую империю от потрясений и гибели. Фуад пишет: «... средство для предотвращения разрушения нашего государства заключается в том, чтобы перестроить его на новом основании, широком и крепком, охватывающем все составляющие его элементы, без различия племён и религий. Этот принцип равенства должен естественно привести наших христианских подданных к занятию различных должностей в государственном управлении» [43, с. 195]. Но надо открывать «служебную карьеру лишь тем, кто искренно примет объединительные принципы нашей империи» [там же].

В связи с этим Фуад указывает: «Если какой-нибудь паша молится Богу по закону Моиссеу и или по уставам христианским, то это не может считаться поводом к тому, чтобы мы лишали себя пользы, приносимой его службой. Но если тот же паша, не признавая единства нашего отечества, мечтает о византийской империи и стремится служить царству киликийскому, то он перестаёт быть лояльным слугой и должен быть устранён!» Опытный политик завещает «... с большим вниманием относится к политическим убеждениям, так как эти последние часто заключают в себе теории несовместимости с нашим существованием» [Там же, с. 196].

Фуад-паша прекрасно понимал, что надо «позаботиться об организации юстиции», поскольку лишь в случае «установления законных гарантий, охраняющих жизнь и имущество всех граждан» можно надеяться на сохранение страны [там же].

Подводя итог рассмотрению этого, чрезвычайно важного документа, можно сказать, что внешне всё выглядит логи-

чески: уходящий из жизни политики сделал анализ истории страны, обнажил её проблемы и наметил пути их разрешения. Вот тут и возникла непреодолимая дилемма – турки не могли допустить, чтобы «неверные» (то есть христиане) имели права наравне с мусульманами, а значит, все реформы были обречены на провал. Фуад пророчески говорил: «Я знаю, что большинство наших мусульман станет проклинать меня, как гяура и как врага нашей религии», и продолжает: «Они признают – но, к сожалению слишком поздно – что я бился более чем какой-либо мученик, за спасение той религии и той империи, которые были бы ими доведены до неминуемой гибели» [Там же, 197].

* * *

Время гибели Османской империи ещё не наступило, однако её поэтапный распад уже шёл на протяжении XIX века: в разное время из-под власти султана вышли Греция, Сербия, Черногория, Румыния, получившие разные степени самостоятельности (от автономии до полной независимости). Тем не менее, под контролем Стамбула ещё находились значительные территории как в Европе, так и Азии и Африке.

Развернувшиеся на острове Крит события наглядно показали заинтересованность великих держав в сохранении территориальной целостности Османской империи. В 1866 г. на Крите вспыхнуло очередное греческое восстание, получившее большую моральную и материальную поддержку как от Греции, так и от широкой международной общественности. Критское Национальное собрание, взявшее власть на острове в свои руки, провозгласило присоединение Крита к Греции. Но европейские державы, собравшиеся на конференции в Париже в январе-феврале 1869 г., не только не поддержали волеизъявление греческого населения острова, но и запретили Греции оказывать помощь восставшим. Более того, *представители великих держав не допустили официальную делегацию Греции к обсуждению вопроса о Крите, отказав ей даже в предоставлении совещательного голоса на конференции* [137, т. 2, с. 325]. Это притом, что Греция в 1869 г. яв-

лялась признанным государством и выступала как полноценный субъект международного права. Что касается критских греков, им ещё предстояло бороться за освобождение от турецкого ига (восстание 1897-98 гг.), официально войдя в состав Греции лишь в 1913 г.

Проявляя такую небрежность к интересам древней европейской страны, западные политики совсем по-другому относились к Турции. Вспомним хотя бы поездку турецкого султана во Францию и Великобританию за полтора года до вышеуказанной конференции – летом 1867 года. И в Париже, и в Лондоне султана приняли с такой большой помпой и уважением, что сопровождавший султана принц и будущий султан Абдул-Гамид много лет спустя с восторгом об этом вспоминал [244, с. 204].

Следующее потрясение Османская империя испытала в середине 70-х гг. XIX века, причиной которому являлось восстание в турецких провинциях – Боснии и Герцеговины. Местное население выдвинуло целый ряд политических социально-экономических реформ. Свой голос недовольства подали также Сербия и Черногория. Стамбульское правительство, отвергавшее требования восставших, действовало против них жёстко. К урегулированию конфликта центр – регионы подключились европейские державы. Они приняли несколько важных постановлений (т.н. *Ноту Андраши* от 30 января 1876 г., *Берлинский меморандум* от 11 мая 1876 г.), провели международные конференции (в декабре 1876 г. в Константинополе и в январе-марте 1877 г. в Лондоне) [137, т. 2, с. 424-431, 438-443]. Однако им не удалось найти взаимно приемлемого варианта выхода из создавшейся непростой ситуации. Ничего удивительного, если учесть что взгляды и устремления ведущих держав, прежде всего Англии и России, сильно отличались друг от друга.

Россия, убедившаяся в бесплодности усилий заставить Турцию приступить к реальным преобразованиям по улучшению жизни христианского населения империи, и подталкиваемая панславистской пропагандой, решила военным пу-

тём добиться желаемых целей. 24 апреля 1877 г. (по новому стилю) она объявила Турции войну, вошедшую в историю как русско-турецкая война 1877-78 гг. Её итоги общеизвестны: насколько блестящую победу одержала Россия на поле боя, настолько внушительным оказалась перечень выгод, зафиксированных в Сан-Стефанском мирном договоре, подписанном 3 марта 1878 г. Признавалась или подтверждалась независимость Черногории, Сербии, Румынии, Болгарии. Кроме этого Россия вернула себе Бессарабию, утраченную в результате проигранной Крымской войны.

Окончательные итоги русско-турецкой войны, как известно, подвёл Берлинский конгресс (13 июня – 13 июля 1878 г.), который в ущерб интересам России и в угоду Турции произвёл пересмотр Сан-Стефанского договора (см. пар. 1.2). Форум европейских стран, состоявшийся в германской столице, стал по существу, водоразделом в восточной политике великих держав.

О том, какое значение имела русско-турецкая война 1877-78 гг. в жизни армянского народа, подробнее рассказано в параграфе 1.2, здесь же следует коснуться двух событий, происшедших в начале и в конце войны, показывающих насколько турецкие политики и пресса могут врать и исказить факты.

1) Ф.Ф. Мартенс, работник российского МИД, профессор права и видный юрист-международник указывает, что «султан жаловался ... английскому послу ... на то, что Россия начала войну без предварительного объявления её ...» [159, с. 354]. В действительности эти жалобы не имели никакого основания, поскольку 11 апреля (по новому стилю 23 апреля) был обнародован циркуляр канцлера Горчакова, а на следующий день (12/24 апреля) – манифест царя об объявлении войны Турции. В этот же день представителю турецкой дипломатической миссии, поверенному в делах Тевфикубею, предписали «взять свои паспорта». Кроме этого, российский поверенный в делах в Стамбуле Нелидов объявил турецким властям, что «дипломатические отношения между

Россией и Турцией прерваны и вместе всем составом посольства покинул страну» [там же, с. 353]. Приведённые выше шаги, предпринятые Петербургом, показывают, что Россией были соблюдены все формальности, необходимые при объявлении войны. И вот резюме Ф.Ф. Мартенса по этому поводу: «В виду таких заявлений турецкого правительства не знаешь, чему больше удивляться – недобросовестности или наивности его» [там же, с. 354].

2) После окончания войны, в которой Турция потерпела сокрушительное поражение, в Стамбуле распространили манифест, в котором говорилось: «Правда восторжествовала, милостивый и победоносный султан вышел из борьбы победителем неверных собак и в своей неимоверной благодати и милосердии согласился даровать нечистым собакам мир ... брат повелителя русских явится с большой свитой в Стамбул привести раскаяние, ... а 50000 русских останутся заложниками в провинции султана – Болгарии» [85, 1913, январь, с. 355].

Приведённый пассаж настолько неожиданен и далёк от действительности, что требуется необходимое пояснение. Дело в том, после прекращения боевых действий и до выработки полного текста мирного договора и его подписания образовалось своего рода временное «окно». Пользуясь случаем (или возможностью), брат царя Великий Князь Николай Николаевич, он же главнокомандующий Балканским фронтом, в рамках визита вежливости посетил султана Абдул-Гамида II. Война – войной, а ритуалы, принятые среди королевских особ (чаепития, преподношение друг другу подарков и заверение в обоюдных дружеских чувствах) должны быть соблюдены. А почему бы и нет?! Ведь на войне гибнут не султаны, цари или короли и их ближайшее окружение, а простые солдаты.

Возвращаясь к приведённому выше манифесту, скажу, что в нём всё поставлено вверх ногами: а) султан, соответственно, Турция объявлена победителем в войне; б) получается, что не турки, а русские просили мира, если султан даро-

вал сопернику мир; в) российские войска, стоявшие в пару десятков километрах от турецкой столицы, и готовые в любой момент продолжить наступление, сделались вдруг заложниками. В этом документе, кажется, перейдены все грани вранья, и по сей день его можно считать настоящим эталоном «чёрного пиара».

* * *

Проигранная война и глубокие потрясения не внесли особых изменений во внутреннюю жизнь страны. Все усилия султана по-прежнему направлялись на сохранение власти (особенно после неудавшегося путча в мае 1878 г. под руководством Али Суави). Абдул-Гамид II, панически боясь за свою жизнь, не доверял никому. Считая талантливое политического деятеля Мидхат-пашу личным врагом, султан добился его физического устранения. Получив известие об его убийстве, кровожадный султан велел доставить голову убитого в Стамбул, чтобы лично во всём убедиться.

Руководители правительства менялись так часто, что ни о какой работе не могло быть и речи. Абдул-Гамид всё так же занимался тратой денег, используя имеющиеся средства на то, чтобы строить дворцы на личные нужды. Это притом, что не могли платить жалование судьям и полисменам, а казна пополнялась благодаря жесточайшему налогообложению. Взятничество оставалось нормой жизни. Чиновничья волокита убивала всякую частную инициативу турка-предпринимателя [164, с. 103-104]. Так что, ни о каких реальных преобразованиях нельзя было говорить. Собственно говоря, султан и его окружение в них не нуждались, поскольку казна пополнялась за счёт грабежа и обнищания народных масс. Не могли добиться проведения реформ и европейские державы. Старый и испытанный метод противопоставления одного государства-фаворита другому работала исправно. Поэтому никто не мог достичь искомого результата в реформах – «ни энергичный и могущественный Лайярд, ни хитрый и остроумный Игнатъев» [244, с. 164].

Попытку спасти страну от гибели предприняли *младотурки*, члены политического движения, сформированного в конце 80-х – начале 90-х гг. XIX века (первые попытки создания организации были предприняты в 60-е гг. [164, с. 85-86]). Они происходили из разных слоёв населения и имели различные политические взгляды, но сходились в том, что необходимо восстановить конституцию 1876 г., провести экономические реформы и вывести империю из кризиса. Пройдя длинный и традиционный путь – тайные собрания и конспирацию, жизнь в эмиграции, выпуски листовок и агитационной литературы, организация фактически оформилась в политическую партию «Единения и прогресса».

В результате успешно проведённого переворота летом 1908 г. младотурки взяли власть в свои руки. 27 апреля 1909 г. парламент низложил султана Абдул-Гаида II. Ныне турецкое правительство, не желая признавать факты армянского геноцида, утверждает, что происшедшая во время Первой мировой войны трагедия с христианским населением Османской империи являлась побочным эффектом принимаемых тогдашними турецкими властями мер, якобы вызванных военной необходимостью. Однако, изучив деятельность младотурецких политиков со времени их прихода к власти в 1908 году, мы видим, что концепцию по истреблению и изгнанию армян они разработали *ещё до начала мировой войны, и ждали лишь удобного случая, чтобы привести свои преступные намерения в исполнение* (подробнее об этом см.: В. Дадрян, «Геноцид армян, содержание преступления», с. 7-14).

А начиналось всё так красиво. Оттоманская лига Единения и прогресса разослала 13 июля 1908 г. к иностранным консулам сообщение: «Главная и окончательная цель лиги заключается в том, чтобы добиться свободного ... применения конституции 1876 г. Лига торжественно заявляет, что она не относится враждебно к немусульманам, напротив, осуществление конституционного режима скажется одинаково благоприятным для всех, без различия расы и религии» [85, с. 791]. Звучало всё так заманчиво. Народу хотелось во всё это

верить. Очарованный происшедшим и услышанным, корреспондент «Вестника Европы» сообщал из Стамбула: «Перед нами не простая революция, задуманная и исполненная по готовым образцам, а какая-то необыкновенная, свободная ... от всяких порывов злости и мести, пропитанная духом расчётливой справедливости и миролюбия» [там же, с. 790]. Завладев властью, младотурки выдвинули лозунг – «Турция для турок» [94, 1908, № 8, с. 101], в соответствии с которым все граждане Османской империи объявлялись равноправными, но при условии, что все они станут «оттоманами». Это означало, что в приказном порядке нетурецким народам (в том числе и армянам) предлагалось перестать быть тем, кем они являлись.

Общеизвестно, что в любом многонациональном государстве тот или иной народ, претендующий на роль титульной нации, должен обладать над другими народами достаточным превосходством в трёх аспектах: экономическом, культурном и по численности населения (при этом все эти три составляющие одинаково важны):

а) обязательным условием ассимиляция одного народа другим является количественное преобладание последнего над первым. В Османской империи турки не составляли подавляющего большинства населения страны, более того, арабов насчитывалось даже больше (!), чем самих турок – 9–10 миллионов против 7–8 миллионов (по оценочным данным, поскольку в Турции переписи не проводились) [85, 1910, июнь, с. 330]. А по общему показателю турки составляли неполную одну треть (!) всего населения империи – слишком мало, чтобы быть доминирующей нацией. В помещённой в журнале «Историческая летопись» статье профессора А. Яценко (перепечатка из газеты «Биржевые Ведомости»), говорится, что в Османской империи практически нет территорий, где из компактно проживающего населения турки составляли бы большинство, в отличие от греков, армян, арабов или албанцев [86, 1915, №1, с. 117]. А власть турок над этими народами держалась только на «военной диктатуре» и «поли-

тическом деспотизме, одинаково чуждом всем подвластным народам» [там же, 118]. Поэтому ни о какой ассимиляции не могло быть и речи.

б) невелик был вклад турок и в экономику страны: 1) их роль в торговых сношениях с внешним миром выглядела мизерной, поскольку «*вся мало-мальски крупная торговля сосредоточена в руках греков, армян, салоникских евреев...*» [85, 1910, июнь, с. 330]. Ещё за 50 лет до описываемых нами событий К. Маркс в 1853 году писал: «*Удалите всех турок из Европы, торговля от этого ничуть не пострадает*» [161, т. 9, с. 25]; 2) промышленность Турции пребывала в то время в зачаточном состоянии, и почти все предприятия находились в руках иностранного капитала [85, 1910, июнь, с. 330]; 3) то же самое можно сказать о финансовой системе страны, где государственного банка не существовало, фактически его функции выполнял «Оттоманский банк» [там же, 1912, май, с. 316] (основанный по инициативе Генри Лайярда), средства которого принадлежали иностранным финансистам.

в) в культурном отношении турки играли такую же малозначительную роль, как и в приведённых выше двух критериях. Они (наряду с албанцами) представляли собой самую непросвещённую часть населения империи, в то время как другие народы стремились к образованию, поддерживая и развивая школьную систему, издавая учебники, газеты. По свидетельству К. Маркса «греческая буржуазия» была «подлинной опорой всякого рода цивилизации, которая только проникает в страну» [161, т. 9, с. 25]. Неудивительно, что упомянутый нами профессор А. Яценко господство турок над более развитыми в культурном отношении народами назвал «историей ... печального политического недоразумения» [86, 1915, №1, с. 118].

Турецкие власти осознавали, что им выгодно иметь в стране неграмотных граждан, которых легче держать в повиновении. В. Анушкин в 1913 году констатировал: «Расчёт на невежество народа (турецкого – К.С.) возведён в основной принцип политики оттоманского государства» [85, 1913, ян-

варь, с. 355]. Современники писали о том, что «турки вообще безграмотны. Абдул-Гамид пытал ненависть к просвещению, ... жестокий и трусливый, он боялся мыслей ещё больше, чем людей» [там же, 1912, май, с. 312]. Экономические и торговые реальные вынуждали представителей «потенциально» титульной нации (турок) учить языки тех народов, которые с их точки зрения подлежали ассимиляции (например, армян, греков или болгар).

О слабости стамбульских властей говорит и тот факт, что им не хватало умения и такта найти общий язык даже с албанцами – единоверцами, выдвигавшими вполне умеренные требования центральному правительству о предоставлении им прав на некоторое самоуправление. Албанцы желали лишь, чтобы они сами ведали такими вопросами как вопросы образования, религии, чтобы местная полиция состояла из местных же албанцев. Ответом со стороны турок были только репрессии и ужесточение режима [там же, 1912, июль, с. 414-415].

Вполне очевидно, что в стране не существовало силы, способной противостоять центробежным тенденциям. В такой роли не могла выступить даже исламская религия, поскольку арабы, количественно превосходящие турок, считали, что *главой страны должен быть истинный мусульманин – представитель рода пророка Мухаммеда из Мекки, а не какой-то стамбульский султан* [85, 1910, июнь, с. 331].

Младотурецкие политики понимали, что турки не обладают достаточной жизненной силой для того, чтобы занять доминирующее положение среди других народов империи. Достижение такой цели они видели в насильственной ассимиляции нетурецких народов, которым следовало, изменив собственной вере, перейти к чуждому им исламу и кроме этого, «забыть» свой родной язык.

Прожившая достаточный период времени в Турции публицист А. Тыркова резюмировала: «Одно из причин надвигающейся гибели царства халифов является то, что турки жили в стране как завоеватели, а не как устроители её. В пе-

струю смесь различных религий и языков, составляющую население грандиозной по пространству ..., Оттоманской империи, турки врезались как чужеродное тело и таковыми и остались до сих пор» [73, с. 129]. Профессор Ф. Мартенс считал, что «никогда турки ... не связывали своих обязанностей в отношении христианских народов, никогда их не связывали с христианским и цивилизованным миром ни общность правосознания, ... ни общие культурные стремления». Далее Мартенс указывал, что для турка христиане оставались «миром гяуров, которые не могут иметь равных прав с последователями пророка» [31, с. 67].

«Где им отуречивать, или обосманивать, когда они слабее других в культурном отношении», – вопрошала А. Тыркова [85, 1912, май, с. 312]. Обозреватель «Вестника Европы» допускал возможность оттоманизации проживавших в империи народов – турок, албанцев, курдов, армян. «Вопрос национального мира в Турции, а затем ... и Балканском полуострове был бы наполовину решён. Но чувствовать себя единой нацией мешает ... культурный уровень» турок [там же, 1909, апрель, с. 837-838]. «Вестник Европы» приводит слова болгарина – общественного деятеля Турции относительно замысла *«оттоманизации»*: «Все оттоманы! ... да это пустое. 500 лет не могли оботтоманить нас, когда были в силе, теперь где же!» [там же, с. 829].

Не верили в оттоманизацию и сами турецкие политические деятели. Талаат-паша в обращении центральному комитету Партии прогресса и единения (1910): говорил: *«Согласно конституции все подданные Турецкой империи, как мусульмане, так и христиане равны перед законом. Но вы сами понимаете, что в сущности такое равенство невозможно»*. Причиной тому Таллат считал Шариат, противоречащий равенству христиан и мусульман, а также прошлое Турции и «чувства миллионов правоверных». Далее один из лидеров младотурецкого движения указывает, что «сами христиане противятся этому равенству, так как они не хотят быть оттоманами. Стремление вызвать в них оттоманское самосозна-

ние потерпело крушение и не даст результатов, пока вокруг неё будут существовать независимые балканские государства, поддерживающие и возбуждающие в наших подданных сепаратистские чувства». Талаат, не теряя надежду, заявляет: «*О равенстве в Турции можно будет говорить тогда, когда оттоманизация станет свершившимся фактом*» [78, с. 200-201]. Но как же быть с шариатом, не допускающим равенство христиан и мусульман, автор обращения так и не объяснил.

Получалось, что разные народы турецкого общества имели совершенно разные цели, что отдаляло их друг от друга. Всё это указывало на то, что при сильном ударе хилое государственное здание под названием Османская империя могло рухнуть.

* * *

После русско-турецкой войны 1877-78 гг. в действиях великих держав начинают просматриваться изменения. Ещё до войны английский посол в Турции Г. Эллиот призвался: «Я разделяю убеждение выдающихся государственных деятелей, определявших нашу внешнюю политику, что эти интересы настоятельно требуют предотвратить распад Турецкой империи» [118, с. 133]. Новый же посол, уже известный нам Генри Лайярд, изучивший турецкие дела, убедился, что страна глубоко пропитана коррупцией [244, с. 203] и пришёл к выводу, что все его надежды на успешное проведение реформ тщетны, а значит, для Турции «падение и распад – это только дело времени» [там же, с. 155].

Это касается положения вещей внутри страны, к распаду которой стали прикладывать руку сами великие державы, якобы заботящиеся о территориальной целостности Османской империи. «Пионером» в этом оказалась Англия, громче всех заявляющая о её поддержке. В соответствии с англо-турецкой конвенцией, подписанной 4 июня 1878 г. в Константинополе, британское правительство получило от султана остров Кипр «для оккупации и управления».

Берлинский конгресс продолжил начатую Англией «работу», санкционировав отторжение от Турции земель: Бесса-

рабии (перешла к России), а также Боснии и Герцеговины (к Австро-Венгрии). Таким образом, мы видим изменяющуюся тенденцию. Если прежде земли, входившие в состав Османской империи, выйдя из-под контроля султана, в основном образовывали самостоятельные государства (Греция, Болгария, Румыния, Сербия, Черногория), теперь и великие державы начали прибирать к себе части султанских владений. Продолжился процесс отделения турецких провинций захватом Англией Египта (1882 г.) и Францией – Туниса (1881 г.).

В 80-х гг. XIX века на берегах Босфора появился новый мощный игрок – Германия. Прошли те времена, когда канцлер Бисмарк утверждал, что на Востоке у его страны нет никаких интересов, и небрежно добавлял, что он даже не читает дипломатическую почту, присланную из Константинополя. Установлению влияния Германии на Востоке началось проникновением немецких финансов в турецкую экономику. Б.А. Борьян очень точно подметил: «Казалось, её (Германии – К.С.) проникновению в Турцию мешает отсутствие общих с Турцией границ, казалось бы без возможности непосредственно воздействовать нет места и влияния на турецкие дела, а в особенности мало надежды на успех в соревновании с остальными великими державами» [117, т. 2, с. 414.].

Для начала в Берлине создали «Торгово-промышленное общество для Анатолии», располагавшее капиталом в 50 миллионов марок. Успешно вкладывал свои активы «*Deutsche Bank*». Получив право эксплуатировать железнодорожную линию Стамбул – Измид, немцы приобрели также разрешение продолжить её до Анкары. Позже замаячила перспектива постройки железной дороги до Багдада с возможным выходом к Персидскому заливу. Немецкие офицеры направлялись в Турцию для повышения боеспособности местной армии. Император Вильгельм II называл себя «покровителем всех мусульман» [164, с. 109-111]. Так удачно «вложившись» в Турцию, Германия желала там мира и спокойствия, поскольку она имела шансы извлекать немало выгод от

сотрудничества с Турцией. Всё это сделало влияние Германии в Османской империи преобладающим.

Вышесказанное означает, что в восточном вопросе произошло принципиальное изменение. Если раньше великие державы заявляли о принципе сохранения территориальной целостности Османской империи, втайне стремясь получить преимущество перед конкурентом, то после того, как они уже «оттяпали» от неё кто что смог (см. выше), перестали даже в декларативной форме заявлять о сохранении империи. Этим «промыслом» занялась и Италия, ещё совсем недавно боровшаяся за объединение отдельных итальянских земель в одно целостное государство (конец 50-х – начало 60-х гг. XIX века). Набравшись силами, в 1912 г. она захватила у Турции Триполитанию (Ливию) и Додеканезские острова.

Германия же «весьма искусно использовала кажущуюся слабость своей позиции. Ей очень легко было доказать Турции свою незаинтересованность в территориальных приобретениях. Она вопреки России, в интересах борьбы с ней, была заинтересована в могуществе и боевой подготовке Турции. Естественно, что Германия всё своё внимание сосредоточила на реорганизацию военного строя Турции, ... экономическом захвате малоазиатских турецких районов», – пишет Б.А. Борьян [117, т. 2, с. 414].

Характеризуя политику Берлина в отношении национального вопроса, проводимого турецкими властями, журнал «Современник» в ноябре 1914 г. отмечал: «Если ранее Германия оказывала противодействие державам ... и под шумок одобряла действия султана, то в 1913 году это противодействие его проявилось ещё решительнее, ибо экономический, да и политический захват ею Турции достиг уже к тому времени широких размеров» [77, с. 149].

Помимо турецкого направления берлинское правительство захватническую политику начало проводить также и в Африке, там, где почти всё уже было поделено. Начинался процесс передела уже поделённого мира. Тем самым Германия сделалась глобальным противником трёх великих дер-

жав: Англии, Франции и России. В силу чего постепенно оформились два враждующих лагеря: Германия – Турция – Австро-Венгрия и Англия – Россия – Франция.

Именно эти две группировки станут главными действующими лицами в Первой мировой войне, в войне, где столкнутся интересы агрессивно настроенных друг против друга больших и малых государств, в войне, во время которой турецкие власти уловив возможность, совершат поразительное по масштабам истребление армянского населения империи.

1.2 Возникновение армянского вопроса

Приступая к рассмотрению положения армянского населения в Османской империи, выйдем чуть-чуть за тематические и хронологические рамки данного параграфа и посмотрим по каким законам жила она – страна, в которой проживали народы разных национальностей, приверженцы различных религий.

«Мусульманское право по отношению к завоёванным странам немусульманского исповедания точно определить невозможно, ибо действие правовых норм и произвол должностных лиц покрывали друг друга» [117, т. 1, с. 182]., – указывает Б.А. Борьян. А обозреватель «Современного мира» охарактеризовал Турцию, как страну, «где есть свобода, и нет порядка» [94, 1915, №8, с. 146]. Свобода эта выражалась в том, что «личная инициатива должностных лиц и вооружённых курдских беков в изобретении “норм” для регулирования общественной жизни подвластных лиц играла первенствующую роль, а государственное право и закон существовали скорее в теории» [117, т. 1, с. 182].

Изучив правопорядки в Османской империи, К. Маркс сделал следующий вывод: какое бы социальное положение турок «ни занимал, он принадлежит к привилегированной религии и национальности – он один имеет право носить оружие и самый высокопоставленный христианин обязан при

встрече уступить дорогу мусульманину, принадлежащему к низшему слою общества» [161, т. 9, с. 6]. И по сравнению с турецким городским населением по своему культурному уровню «чернь времени Римской империи представляла собой собрание мудрецов и героев» [там же, с. 7].

Привилегированность турка выражалось и том, что христианин не имел права построить жилище выше жилища мусульманина. От последнего христианин должен был отличаться одеждой. Он не должен был вслух читать священное писание. Совершенно уродливые формы приняло такое постыдное явление, как «квартирный постой» – согласно которому христианин обязан был в течение трёх дней содержать у себя дома проезжающего мусульманского чиновника или путешественника. Пользуясь гостеприимством хозяина, «гости» часто позволяли себе много лишнего [117, т. 1, с. 256].

Жизнь христиан отравляло часто повторяющееся и ненавистное им мероприятие – сбор налогов. Алчность сборщиков, стремившихся выжимать из своего «клиента» всё, что им казалось возможным, переходила все разумные пределы.

Чтобы закончить эту печальную картину, приведу высказывание Генри Лайярда, в течение нескольких лет вдоль и поперёк изъездившего просторы Османской империи и хорошо знавшего тамошние жизненные реалии. Вот что писал он в своей книге, вышедшей в 1851 г.: «Красная феска и хорошо знакомый костюм турецкого солдата вызывают общую панику. Женщины укрываются в самых потаённых местах, чтобы спастись от позора; мужчины собираются в домах и напрасно защищают свою собственность от захвата» [цит. по: 67, с. 142].

* * *

И вот такая страна в 1856 г. стала участницей Парижского конгресса, на котором Турцию приняли в круг европейских держав с распространением на неё прав и обязательств международного права. Турция со своей стороны торжественно обещала предоставить всем народам, проживающим в империи равные права и возможности, независимо

от национальности и религиозной принадлежности (султанский указ от 18 февраля 1856 г.).

А теперь посмотрим, как выполняли турецкие власти принимаемые ими самими же законы. Британский консул в Салониках сообщал, что «постановления (указа 1856 г. – К.С.), касающиеся отношения Порты к её христианским подданным, никогда не были в действительности исполнены, постановления остались как бы вовсе неизвестными, или даже обращены в мёртвую букву» [79, с. 208]. По описанию П.А. Чихачёва, после очередного представления какого-нибудь иностранного консула о безобразном отношении того или иного турка – провинциального должностного лица по отношению к христианским гражданам, ответственный работник министерства тут же садился на коня и скакал в эту провинцию, чтобы снять с поста нехорошего чиновника. Но потом оказывалось, что его перевели на другую, не менее почётную должность [83, с. 74].

Об отношении турецких властей к этому обожаемому Европой документу говорит следующий факт. Ведхи-паша, городской глава Эрзрума, после получения им текста указа пригласил к себе двух армянских епископов, «дал им прочесть указ султана и передал каждому по копии со словами, что им надлежит ознакомить с этим ... документом своих единоверцев. В этом случае, добавил паша, он не будет отвечать ни за их собственную жизнь, ни за жизнь тех, кто составляет их паству» [там же, с. 62]. Известно, что мусульманское население всегда с возмущением воспринимало даже намёки на то, что христиане (для них «неверные») могли бы пользоваться равными с ними правами. Так что, легко представить состояние епископов, с каким настроением они могли бы говорить о султанском указе...

«Турецкий военный, услышав, что он мог бы оказаться под начальством генерала и полковника из числа армян или греков, умер бы со смеху. Такая гипотеза была бы настолько нелепа, что сами райя, услышав о ней, невольно разделили

бы весёлость турецкого военного ...», – так остроумно обрисовал картину «равноправия» П.А. Чихачёв [там же, с. 61].

В любом государстве важнейшей сферой для защиты прав человека являются суды. Особую актуальность этот тезис приобретал в Османской империи, где проживали народы разных национальностей и вероисповеданий. Прямым доказательством того, что в турецких судах творилось неравноправие, является самый высокий по значению документ, принятый на конгрессе европейских держав 1878 года. В ст. 62 Берлинского трактата сказано: «Все будут допускаемы, без различия вероисповеданий, свидетельствовать в судах» [14, с. 205]. Совершенно логично, что если бы все граждане действительно допускались в суды в качестве свидетелей, то не существовала бы сама проблема, и не возникла надобность зафиксировать в Берлинском трактате указанное обязательство Турции. «Принимаются ли их показания в суде, согласно объявленному указу?» – вопрошал П.А. Чихачёв. И вот его вердикт: «Теоретически – да, практически – нет, так как я сам видел случай не раз, когда показания христиан отвергались судьёй» [83, с. 61].

Сказанное подтверждает британский генконсул в Анатолии Вильсон: «В большей части Анатолии свидетельства христиан хотя и признаются по закону, но на практике оно не имеет никакой силы. Если показания мусульманина и христианина расходятся, то на показания последнего не обращается никакого внимания» [цит. по: 176, с. 82]. В силу сложившихся обстоятельств, чтобы как-то обезопасить себя от возможных неприятностей, «... у христиан вошло в обычай при расплате с долгами брать в свидетели лишь мусульманина» [там же].

Далее Вильсон отмечал, что турецкие *кади* т.е. судьи округов «большой частью люди невежественные, без всякого образования, знают лишь законы шариата ..., да иногда не знают и его. Что касается простых членов суда, то они почти все «находятся в полном невежестве и неведении закона и что едва ли 25% из них умеют писать по-турецки и читать те

приговоры, которые они должны утверждать своей печатью» [117, т. 1, с. 255]. О каком правосудии и справедливости можно было говорить, если арестованные воры пользовались покровительством судов, которые за это получали большую часть из их добычи [там же]?

* * *

Следующее десятилетие после принятия султанского указа о равноправии всех подданных империи и включений Турции в круг европейских держав началось чрезвычайным происшествием в Ливане (1860 г.), одном из провинций Османской империи. Оно выразилось в массовых избиениях христианского населения, принявших такие масштабы, что великие державы – подписавшие парижские трактаты, вынуждены были вмешаться. Точнее говоря, они уполномочили Францию остановить произвол турецких властей в отношении христиан (с применением силы). Высадившиеся в Ливане французские войска принесли относительный мир и безопасность гонимому населению. Данная операция получила название «гуманитарная интервенция». Признавая её позитивное значение, вместе с тем, следует заметить, что данная акция являлась явным нарушением ст. 9 Парижского трактата о невмешательстве во внутреннее управление Османской империи.

Данный факт наглядно показывает, насколько далеки были друг от друга заложенные в Парижский трактат положения и существовавшие реалии. Хотя, посмотрев на проблему с другой стороны, можно сказать, что великие державы не в состоянии были соблюсти ими самими же принятые условия договоров. Так или иначе, операция в целом оказалась успешной, завершившейся предоставлением Ливану автономии.

Ливанские события вселили определенные надежды зейтунским армянам, восставшим в 1862 г. Армяне направили французскому императору Наполеону III петицию, прося их родной край тоже взять под опеку. Султан направил значительные военные силы для подавления восстания, устроив

осаду Зеитуна. И только благодаря вмешательству Наполеона турецкие власти сняли осаду города. Для урегулирования конфликта создали специальную комиссию, куда вошли один чиновник от Турции, два духовных представителя армян и один работник французского посольства в Стамбуле. В результате проведённых переговоров зеиутнацам пришлось признать верховенство султанской власти [117, т. 1, с. 219].

Параллельно примерно в это же время шёл процесс придания жизни армян какой-то организованной формы. С этой целью Армянское национальное собрание приняло «Национальную конституцию» (1860 г.). На фоне обязательств, взятых на себя турецкими властями на конгрессе 1856 г., факт этот производил весьма благоприятное впечатление. Но из-за зеитунских событий Стамбул лишь в 1863 г. утвердил официально данный документ под названием «Положение об армянской нации». Оно включало в себя 99 статей, в нём патриарх призывался главой армянской нации, а также посредником в исполнении турецких законов. В конституции оговаривались обязанности как общины перед отдельным человеком, так и индивидуума перед нацией, вопросы получения образования, религиозные вопросы. *«Утверждая Национальную конституцию, турецкое правительство стремилось ограничить жизнь армян рамками их национально-религиозных вопросов, отвлечь их внимание от общегосударственных политических задач, надеясь, что предоставлявшаяся иллюзия национальной власти приблизит армянские общественно-политические круги к турецкой государственности»* [109, с. 239].

М. Роллен-Жекмен, бельгийский юрист-международник, сделав подробный анализ документа, пришёл к выводу, что он представляет собой больше «статут» или «регламент армянской общины», чем конституцию. «Я склонен думать, это обманчивое и высокопарное название не было результатом простой ошибки» [176, с. 18], – писал он, а намеренным действием с целью предстать перед Европой в лучшем свете.

Кратковременное затишье, наступившее в Османской империи, нарушило восстание греков, начавшееся на острове Крит в 1866 г., с трудом подавленное турецкими властями (см. пар. 1.1). После этого не прошло и десяти лет, как в европейской части империи, а именно, в Боснии и Герцеговине снова начались выступления против султанской власти, обострившие до предела отношения между центром и регионом, и которые привели к восточному кризису. Попытки европейских держав, совместными усилиями урегулировать конфликт, не принесли успеха.

Новые оговорки и увёртки со стороны стамбульских властей и разногласия великих держав в видении проблемы привели к тому, что российское руководство, исчерпав запас надежд и терпения в разрешении проблемы, объявила Турции войну, вошедшую в историю как русско-турецкая война 1877-78 гг.

* * *

Эта война стала важной вехой в судьбе проживавшего в Османской империи армянского населения. Одержав убедительную победу на поле боя, Россия на правах победителя продиктовала побеждённой стороне такой мирный договор (заклѹчен 3 марта 1878 г.), о котором А. Дебидур, сказал: «Не приходилось заблуждаться: Сан-Стефанский договор являлся концом Турции» [137, т. 2, с. 452]. Концом, может быть, и не был, но мощнейший удар по стране он, несомненно, наносил.

Армяне, принявшие в войне активное участие на стороне России, рассчитывали, что их интересы будут учтены. Однако, в соглашении о перемирии, подписанном 31 января 1878 г. «об армянах и Армении ничего не было сказано, что вызвало полное недоумение армян» [117, т. 1, с. 231]. В ответ на армянский запрос, Н.П. Игнатъев, ведший переговоры о заключении мирного договора, произнёс: «Пока Армения не может рассчитывать на ту свободу, которую получит Болгария, так как армяне оказались неподготовленными и стали в Армении мёртвым элементом» [там же]. Если опустить гру-

бую форму выражения мысли и рассмотреть приведённую цитату с точки зрения дипломатии, то получится следующее: а) выступления турецких армян против своих угнетателей не были столь масштабными, как в своё время восстания греков, сербов, черногорцев, болгар; б) бедственное положение армян ещё не привлекло такое пристальное внимание Европы (политические круги, пресса, общественные организации); в) по этой причине пока не представлялось возможным так «с ходу» включить вопрос об армянах на уровне тех же болгар.

Вырабатывая конкретные условия мирного договора (после подписания акта о перемирии), у российской стороны имелся для включения в будущий договор проект, касающийся армян: «Султан обязывается перед царём российским создать автономное административное правление в населённых армянами провинциях: Эрзруме, Муше, Ване, Себасте, Диарбекире и пр.» и «введение этих реформ султан обеспечивает реальной гарантией» [там же, с. 231-232].

У большой политики свои законы, и политические вопросы следует рассматривать с учётом этих самых законов. Именно поэтому генерал Игнатъев, хорошо зная турок, во время переговоров по заключения мира не счёл нужным выдвигать в такой категорической форме армянский вопрос. Ведь сразу последовали бы возражения соперника по поводу того, что требование об армянской автономии ничем не подкреплены, что на сей счёт нет никаких представлений европейских держав, нет соответствующих документов, иллюстрирующих надобность такого шага и т.д. и т.п. Турки напомнили бы, что такой важный вопрос как предоставление автономии тому или иному народу, великим державам следует обсудить совместно. При необходимости турки привели бы пару богатых армян, которые заявили бы, что им (армянам) в Турции живётся хорошо. Это всё хорошо понимал Н.П. Игнатъев, который сам был мастером тонких политических игр.

Принимая во внимание всё вышеизложенное, совершенно логичным выглядит более мягкая форма поднятия *армянского вопроса* на международный уровень: «Ввиду того,

что очищение русскими войсками занимаемых ими в Армении местностей, которые должны быть возвращены Турции, могло бы подать там повод к столкновениям и усложнениям, могущим вредно отразиться на добрых отношениях обоих государств, – Блистательная Порта обязуется осуществить, без замедления, улучшения и реформы, вызываемые местными потребностями в областях, населенных армянами, и оградить безопасность последних от курдов и черкесов» (ст. XVI Сан-Стефанского договора [14, с. 168-169]).

Нельзя упускать из виду то обстоятельство, что Сан-Стефанский договор являлся «прелиминарным», то есть предварительным, подлежащим обсуждению и утверждению европейскими державами – подписавшими Парижские трактаты 1856 г. По этой причине российская делегация в переговорах с Турцией касательно армянского вопроса находилась в весьма шекотливой ситуации. С одной стороны, требовалось привлечь внимание Европы к проблеме армянского народа; с другой – сделать это так, чтобы не возбуждать ревность великих держав получаемыми Россией политическими выгодами. Благодаря высокому профессионализму переговорщиков, Россия успешно разрешила существовавшую проблему.

При изучении содержания мирного договора, бросается в глаза противоречие между ст. XVI («очищение русскими войсками занимаемых ими в Армении местностей, которые должны быть возвращены Турции») и ст. XIX, в которой говорится о переходе к России черноморского порта Батуми и четырёх армянских пунктов (Ардаган, Карс, Баязид и Алашкертская долина) [там же, с. 170].

Дело в том, что завоевание и присоединение к себе кавказских земель не значилось в русском манифесте о целях войны (в нём говорилось об обеспечении мира и спокойствия на Балканах). Поэтому указанные кавказские районы подлежали очищению от российских войск. Но Турция на то и была Турцией, что она не могла даже возместить России военные издержки (тоже неписаное правило большой политики –

проигравший платит). Выход был найден в обмене денег на земли: «Принимая во внимание финансовые затруднения Турции, и сообразуясь с желанием е.в. султана, император всероссийский соглашается заменить уплату ... следующими территориальными уступками». В параграфе с) указано, что придунайские земли (а), а также Батуми, Ардаган, Карс, Баязид и территория Алашкертской долины (б) «уступаются России взамен суммы тысячи ста миллионов рублей» [там же, с. 169-170]. Тут возразить не мог никто, ни Турция, ни европейские державы. Всё было сделано в полном соответствии с правилами большой политики. Ведь война, как уже отмечалось выше, является средством обеспечения собственных интересов за счёт другого государства. А право победителя – диктовать волю проигравшему – никто не отменял.

Поскольку вопросы, затрагивающие Османскую империю, представляли собой предмет общеевропейского значения и Сан-Стефанский договор являлся предварительным, то требовался его пересмотр с целью придания ему окончательной редакции. Настойчивее других к этому стремились Австро-Венгрия и Англия, и у каждого из них имелись свои аргументы.

Так, венское правительство, заключив договоры с Россией (июль 1876 г. в Рейхштадте; январь - март 1877 г. в Будапеште), дало ей гарантии нейтралитета на случай её войны с Турцией. Взамен оно получило согласие Петербурга а) не содействовать созданию большого славянского государства на Балканах [14, с. 145, 155]. Это обстоятельство и послужило основанием для Вены не признавать Сан-Стефанский договор, посчитав, что предполагаемые границы будущей Болгарии означают образование крупного государства и нарушают русско-австрийское соглашение на этот счёт; б) Вена и Петербург согласились «оказывать друг-другу взаимную дипломатическую поддержку, если территориальные изменения (Османской империи – К.С.) ... стали бы предметом коллективного обсуждения великих держав» (ст. 2 секретной будапештской конвенции) [там же, с. 150]. Как видим, россий-

ское руководство понимало, что для послевоенного урегулирования «турецких дел» потребуется участие и других великих держав [173, с. 527].

Кроме этого, Россия соглашалась с переходом части земель Боснии и Герцеговины к Австро-Венгрии (русские и австрийские варианты договоров отличались друг от друга, что и стало причиной последующих недоразумений между двумя правительствами [12, т. 3, с. 65]). Не обнаружив этого пункта в Сан-Стефанском договоре, Вена посчитала себя неудовлетворённой, и потребовала созыва международной конференции великих держав для обсуждения и пересмотра условий Сан-Стефанского договора.

Отрицательную позицию в отношении русско-турецкого мирного договора заняла также и Англия, осудившая объявление Россией войны Турции [там же, т. 3, с. 65]. Англия и во время войны оставалась самым активным игроком на политической сцене Европы, оказывая мощное давление на Россию и требуя от неё не распространять боевые действия на те или иные регионы (Суэцкий канал, берега Египта) и не брать Константинополь.

Помимо ст. VII Парижского трактата (турецкие дела великие державы должны решать совместно), британское правительство ссылалось на протокол, подписанный 17 января 1871 г. В нём указывалось, что «... ни одна держава не может освободить себя от обязательств трактата, ни изменить его постановлений иначе как с согласия договаривающихся сторон, достигнутого посредством дружественного соглашения» [32, с. 410]. Для подкрепления позиции в требовании пересмотра Сан-Стефанского трактата новый министр иностранных дел Великобритании Солсбери не преминул сослаться на этот протокол [19, с. 376].

Свою официальную позицию в отношении русско-турецкого договора Лондон выразил в ноте Солсбери от 1 апреля 1878 г. Этот документ является типичным примером того, как в столкновении интересов великих держав малые народы используются в качестве орудий [там же, с. 372-380].

При помощи политических манёвров в своих целях можно задействовать тот или иной народ, «заступившись» за него (например, за греков), или же не заметить беды другого народа, если не удаётся последнего использовать для получения своих политико-экономических выгод (в данном случае, армян).

В то время как Грецию не допускали к обсуждению положения критских греков (см. пар. 1.1), и их «загоняли» обратно в ненавистную им Османскую империю, мистер Солсбери вдруг решил заняться защитой греческих интересов, проживавших на территории предполагаемой независимой Болгарии. Окончательно вжившись в роль защитника греков, глава МИД даже привёл греческое наименование Чёрного моря – «Ευχίνη», забыв при этом (а может быть и, не зная), что оно правильно называется «Ευξείνως Ροντος».

Беспокоясь, что будущая независимая Болгария попадёт под влияние России, господин министр попытался уменьшить размеры болгарского государства, «пустив в ход» интересы греков: они, мол, будут недовольны оказаться в Болгарии (предпочтя, наверное, остаться в Турции?). Хотя, если Солсбери действительно переживал за греков, то ему следовало потребовать передачи Греции населённых греками районов. Но цель была совершенно иной – срезав территории Болгарии, уменьшить влияние России на балканский регион, а греки пусть поживут в Османской империи.

Неслучайно, что в первоапрельской (отнюдь нешуточной) ноте британского министра греки упомянуты пять раз, в то время как Армения – всего лишь один раз. Но, как оказалось, этого одного раза хватило на то, чтобы принести массу бедствий армянским семьям, проживавшим на землях, оказавшихся в последствии предметом торга между европейскими державами. Солсбери пишет: «С присоединением армянских крепостей [strongholds of Armenia] население этой провинции окажется под непосредственным влиянием» России; и «европейская торговля, которая теперь ведётся от Трабзона до Персии, окажется в зависимости от воли россий-

ского правительства, способного установить запретительные барьеры» [там же, с. 378]. Вот так, чтобы российское влияние не распространилось на юг и помешало английской торговле, проживавших в Карсе, Ардагане, Баязете и Алашкертской долине (эти районы переходили к России по Сан-Стефанского трактату) армян следовало оставить в составе Османской империи.

Как говорят, человек предполагает, а бог располагает. В нашем случае армяне хотели вырваться из османских тисков, но располагавшие возможностями англичане (они же вершители судеб малых народов) имели на этот счёт совсем другие представления. Нота Солсбери, по сути, представляла собой программный документ действий Лондона в послевоенном устройстве Балкан и Ближнего Востока, с которым приходилось считаться российскому правительству. Поскольку британское правительство отказывалось принять приглашение на участие в конгрессе, если у неё не будут гарантий обеспечения свои интересов, Петербургу пришлось заключить с Англией сепаратное соглашение относительно изменений Сан-Стефанского договора. Стороны согласились, что «... если между русскими и английскими уполномоченными не будет установлено соглашение по поводу новых изменений, то настоящий меморандум предназначен служить взаимным обязательством для ... России и Великобритании на конгрессе» [14, с. 179-209].

Документ, подписанный Солсбери и российским послом в Англии П.А. Шуваловым 30 мая 1878 г. в Лондоне, предопределил печальную судьбу несколько десятков тысяч армян. 10-й пункт договора гласил: «Что касается долины Алашкерта и города Баязет, то поскольку эта долина является великим транзитным путём в Персию и имеет огромное значение в глазах турок, ... император (России) согласен вернуть её им ...» [там же, с. 178]. Обращает на себя внимание странное обоснование такого шага со стороны Петербурга, так как этот транзитный путь имел большое значение как раз в глазах англичан, что и отмечал Н. Игнатьев [39, 1916, май, с. 332]. О

важности трапезундского торгового пути ещё в 1853 г. писали Ф. Энгельс [161, т. 9, с. 12-13] и К. Маркс [там же, с. 117]. Я уже писал в своей диссертации и тут повторяюсь, что сама формулировка об «огромном значении» трапезундского пути «в глазах турок» выглядела совершенно нелогичной. Её инициатором являлось, как ни странно, российское руководство, надеявшееся тем самым получить определённые внешнеполитические дивиденды [12, т. 3, док. 55, с. 105]. Это с полным основанием можно расценить как грубый просчёт Петербурга. Данная формулировка выглядела, скорее, результатом требований Англии, чем инициативой России, хотя в действительности, дело обстояло именно так.

Помимо материальных выгод (возвращение двух районов Турции и тем самым обеспечение беспрепятственной торговли), Лондон добился и удовлетворения своих политических требований. В 7-м пункте договора Россия согласилась с тем, что «обещания в отношении Армении, содержащиеся в прелиминарном Сан-Стефанском договоре, должны быть не исключительно по адресу России, но также по адресу Англии» [14, с. 177-178].

Возникает вопрос – зачем нужны обещания по поводу Армении британскому правительству, уже показавшему свою антиармянскую сущность? Неужели в целях защиты армян в Турции? Никак нет. Дело в том, что, во-первых, Лондон стремился лишить России «монополии» на *армянский вопрос*, как на политический инструмент. Ведь иметь средства давления на Стамбул с целью получения политико-экономических выгод являлась альфой и омегой политики всех великих держав. Во-вторых, обязательство турецких властей проведение реформ в отношении армянского населения Англия намеревалось включить в готовившийся в Стамбуле к подписанию англо-турецкий договор, вошедший в историю как *Кипрская конвенция*.

Переходя к рассмотрению Кипрской конвенции, надо отметить, что она, по всей видимости, установила рекорд по количеству неверных интерпретаций, сделанных различными

исследователями (подробнее об этом см. мою монографию [147, с. 121-139]). Что же касается армян, то они в Кипрской конвенции присутствуют в «анонимном виде». Однако, обо всём по порядку. В начале конвенции говорится следующее: «Если Россия удержит за собой Батум, Ардаган, Карс или один из них, и если Россия в будущем предпримет попытку завладеть какими-либо ещё территориями Его Императорского Величества Султана в Азии, определёнными окончательным мирным договором, Англия обязуется присоединиться к Его Императорскому Величеству в защите их силой оружия» [234, с. 300].

Из вышеприведённого следует, что: 1) Англия давала Турции обещание оказывать ей военную помощь в защите не всей Османской империи, расположенной на трёх континентах, а лишь её части, а именно азиатской территории; 2) Под действие договора (военная помощь Англии в случае русской агрессии) подпадала азиатская территория Турции в тех границах, в каких она будет определена окончательным мирным договором между Россией и Турцией (с учётом того, передачу каких турецких земель санкционирует Берлинский конгресс). Напомню, что окончательный мирный договор две воевавшие стороны подписали 27 января (8 февраля) 1879 г. [14, с. 208].

Вернёмся снова к конвенции. В ответ за обязательство Англии оказать военную помощь, султан дал обещание «... провести в управлении страной необходимые реформы, которые позднее будут согласованы между двумя державами, в целях защиты *христиан и других подданных* Порты на этих территориях». Как мы помним, в договоре Шувалова-Солсбери Англия желала иметь гарантии защиты Армении, а в англо-турецкой конвенции речь пошла уже о защите «христиан и других подданных Порты». Интересно было бы знать, кто подразумевался «под другими подданными», которых англичане собрались защищать? Ведь там помимо христиан (то есть армян) проживали курды, наводящие неменьший ужас на армянское население, чем сами турки. Послед-

няя фраза («христиан и других подданных Порты») представляет собой не столько лингвистический трюк, сколько сознательную подмену понятий, чтобы иметь поле для политических манёвров. Самым важным же пунктом конвенции являлось решение султана «передать Англии остров Кипр для оккупации и управления» для того, «... чтобы Англия имела возможность необходимого снабжения для выполнения своего обязательства» [234, с. 300]

Таким образом, поэксплуатировав проблему армянского населения, Лондон заполучил в итоге Кипр – важнейший стратегический остров в Средиземном море.

* * *

Вскоре после подписания двух важных договоров (англо-русского и англо-турецкого) в германской столице с целью пересмотра Сан-Стефанского трактата начался международный конгресс. На этом форуме великие державы существенно изменили русско-турецкий мирный договор. В итоговом документе, принятом в Берлине, армянам посвящены две статьи. В ст. 61 говорится: «Блистательная Порта обязуется осуществить без дальнейшего замедления улучшения и реформы, вызываемые местными потребностями в областях, населенных армянами, и обеспечить их безопасность от черкесов и курдов. Она будет периодически сообщать о мерах, принятых ею для этой цели, державам, которые будут наблюдать за их применением». А в соответствии со статьёй 60, «долина Алашкерта и город Баязет, уступленные России статьёй XIX Сан-Стефанского договора, возвращаются Турции» [14, с. 205].

Как видим за короткий отрезок времени армянский вопрос прошёл несколько «орбит»: 1) русско-турецкую (Сан-Стефанский договор); 2) англо-русскую (соглашение Шувалова – Солсбери); 3) англо-турецкую (Кипрская Конвенция). На Берлинском конгрессе он окончательно превратился в настоящую международную проблему. А вопрос о том, где проживать армянам, решали не сами армяне, а поочерёдно Россия и Турция, Англия и Россия, Англия и Турция, а потом

и все великие державы вместе взятые. В конце концов, Алашкертская долина и Баязет пали жертвами многосторонних политических дискуссий. Б.А. Борьян совершенно справедливо отмечает, что «... армяне были объектом торга, а не субъектов для защиты их прав и освобождения» [117, т. 1, с. 235].

Подводя итоги рассмотрению событий 1877-1878 гг. (русско-турецкая война и последовавшие за ней договоры), следует поставить вопрос: каковы же их результаты с «армянской точки зрения»? Чтобы ответить на него, необходимо, прежде всего, выявить, каковы были исходные позиции России (как главного действующего лица) и других «замешанных» в деле великих держав к началу Берлинского конгресса, являвшегося, по сути, последней инстанцией решения всех затронутых войной вопросов.

Итак, в русском активе имелись выигранная война и сверхвыгодный Сан-Стефанский договор. В пассиве же числились следующие обстоятельства: а) противодействие России со стороны великих держав на основании трактатов 1856 и 1871 гг. (турецкие проблемы следует решать совместно); б) условия Сан-Стефанского договора вышли за рамки задекларированных целей войны; в) положение армян прежде официально не ставилось и не обсуждалось великими державами.

Получается, что для успешного продвижения «армянского проекта» негативных моментов было больше, чем позитивных предпосылок. Начнём с того, что восточный кризис возник в 1875-76 гг. на Балканах, а поводом объявления Россией войны Турции стали неудовлетворение положения православных балканских народов, а также неспособность (или нежелание) великих держав подвинуть Стамбул осуществить реальные реформы в этом регионе. Поэтому инициатору войны (России) следовало в первую очередь добиваться разрешения той проблемы, во имя чего была предпринята война.

Дипломатия, как ни одна другая профессия, зиждется на обычаях, традициях и неписаных законах, их придерживаются и соблюдают. Соответственно, балканский узел (сербы,

румыны, черногорцы, болгары) для Петербурга являлся приоритетным направлением, об этом свидетельствуют инструкции руководства, посланные в Лондон Шувалову. Враждебные великие державы это знали, и общественное мнение в этих странах было осведомлено (или даже, подготовлено).

В силу всего этого, на переговорах с Солсбери, когда встал вопрос об изменениях Сан-Стефанского трактата, точнее говоря, об урезании российских территориальных приобретений на Кавказе и касающихся армян, Шувалов старался в первую очередь сохранить «болгарскую добычу». Исходя из внешнеполитических приоритетов, Петербург старался сделать Болгарию независимой и максимально большой по величине (Сербия, Румыния, Черногория уже обладали разной степенью самостоятельности, и требовалось это лишь подтвердить).

Не стоит также сбрасывать со счетов психологический аспект проблемы: Балканы – это Европа, поэтому этот регион ближе и важнее для европейского общественного мнения, оказывающего в той или иной степени влияние на действия политиков. По этой причине, армянский вопрос был обречён оставаться на втором плане, несмотря даже на политико-географический казус в том смысле, что близкие европейцам боснийцы – мусульмане, а далёкие, живущие в Малой Азии армяне – христиане.

Перечисленные факторы вынуждали Россию (Шувалова), делая в своих требованиях упор в одном месте, уступать Лондону в другом, например, не препятствовать возврату турецких долгов Англии (см. пункт 9 англо-русского соглашения [14, с. 178]). Кроме этого, Солсбери, ссылаясь на цели войны, добился от Шувалова признания, что российский «император никогда не имел намерения превратить» возмещение военных издержек «в территориальные аннексии и не отказывается дать заверения в этом смысле» (пункт 9) [там же].

Ещё одной вынужденной уступкой (и самой несчастной для армян) являлась согласие России вернуть Турции два из

четырёх армянских районов (Баязет и Алашкертскую долину) [там же], при этом сохранив за собой два других района (Карс и Ардаган). Может показаться, что Россия так небрежно торговала землями, не слишком заботясь об армянском населении. Но это дилетантский взгляд на проблему. На практике же всё обстояло намного сложнее: существовавшие политико-правовые факторы, имеющиеся в арсенале британского правительства, требовали от России где-то поступиться своими устремлениями, ради спасения того, что возможно было спасти. Забегая вперёд, скажу, что с такой проблемой армянские политики сами столкнутся в конце ноября 1920 г., когда перед ними встанет дилемма: *подписывать с турками мир и тем самым спасти определённые территории и завоевать независимость, или же продолжать войну, не имея перспективы заключения более выгодного договора.*

Возвращаясь к вопросу об итогах войны, необходимо признать, что с учётом всех факторов и обстоятельств, несмотря на возврат Турции Баязета и Алашкертской долины, Россия всё же извлекла максимум из создавшейся ситуации, «выручив» немалую армянскую территорию (районы Карса и Ардагана). Добиться большего – автономии для армянских регионов, как того рассчитывали некоторые прогрессивно мыслящие армяне [117, т. 1, с. 250], на тот момент представлялось невозможным. Для начала требовалось поднять проблему армян и зафиксировать его на международном уровне. Сделал это генерал Н.П. Игнатьев, который, показав присущее ему высокое дипломатическое мастерство, смог «затащить» армянский вопрос в русско-турецкий мирный договор (при том, что в соглашении о перемирии армянская проблематика отсутствовала вовсе).

Говоря об армянском вопросе в глобально-политическом плане, нельзя не сказать о рядовых армянах, проживавших в тех районах, которые в соответствии с Берлинским трактатом возвращались Турции. Нетрудно представить судьбы тех армян, чьи сыновья, братья и отцы воевали на российской стороне, или в какой-либо форме выражали

свою симпатию в адрес России. Хотя в статье XXVII Сан-Стефанского договора Турция взяла «... обязательство не преследовать никоим образом и не позволять преследовать турецких подданных, которые были бы замешаны в сношениях с русской армией во время войны» [14, с. 173-174]. Но, поскольку закон и жизнь людей в Османской империи друг от друга расходились, то не стоит сомневаться, что многие армянские семьи впоследствии подвергались мести со стороны турок. И никакая статья Сан-Стефанского трактата не могла их от этого уберечь.

Сравнивая заинтересованность Европы в Армении и в других странах, М. Ролен-Жекмен отмечал: «Босния, Герцеговина и Болгария не занимали в трактате 1856 г. привилегированного положения ... Почему же Европа так деятельно заинтересовалась ещё задолго до 1878 г. христианским населением этих стран и не выставила никаких требований относительно христиан Армении?» Далее, изучив суть вопроса, Ролен-Жекмен пришёл к неутешительному выводу: «К сожалению, не нахожу другого объяснения для различного отношения к этим народам, как то, что *армяне вместо того, чтобы восставать, ограничились только жалобами*. Армяне и ранее 1878 г. испытывали турецкое владычество, – и этого не могли не знать правительства великих держав, – как и босняки, герцеговинцы и болгары» [176, с. 16]. Посмотрев на проблему с точки зрения большой политики, Ролен-Жекмен констатировал, что «несмотря на плачевное положение Армении, Европа до 1878 г. ничего для неё не сделала ... Но казалось, *восстания в то время были единственным средством привлечения внимания европейской дипломатии*» [там же, с. 45].

Итак, на представительном конгрессе 1878 г. Турция официально дала обещание провести реформы с предоставлением равных возможностей всем народам, проживавшим в империи. В этом смысле интересно было бы посмотреть, насколько обещания соответствовали реальным делам. Так, упомянутый выше генконсул Вильсон в 1881 г. писал, что

«никогда престиж судов не падал так низко, и судебная магистратура не была так порочна как теперь [117, т. 1, с. 254-255]. Если и случалось, что благодаря какому-нибудь чиновнику удавалось арестовать того ли иного преступника, недолго справедливость торжествовала, поскольку арестованных разбойников выпускали на свободу.

Притеснения и грабежи происходили с молчаливого согласия властей: «... курдских беков, которые бесчинствуют, грабят и разоряют армян, власть не только не наказывает, но сыплет почестями». Сборщики налогов, зачастую не выдавали крестьянам расписки в получении налога, что давало возможность повторно взимания налога [117, т. 1, с. 253]. Это приводило к тому, что крестьянина, оказавшегося «не в состоянии платить налог», подвергали «конфискации его имущества, а при протестах против незаконных действий», протестующих убивали, как мятежников [там же, с. 253]. Такое положение вещей дало Христо Ботеву основание сказать, что «в Турции невозможны ни подлинный прогресс, ни какое бы то ни было человеческое развитие» [50, с. 82-83]. Это означает, писал Х. Ботев, что Турция «... стремится в пропасть...», и «смерть этого почтенного государства» неминуема [там же, с. 298].

Немного времени спустя после Берлинского конгресса, известный нам Генри Лайярд увидел потенциальную опасность для Турции. Министру иностранных дел Солсбери он писал: «Если Высокая Порта не остережётся, если она не будет действовать разумно и предусмотрительно, то в Азии в один прекрасный день может возникнуть армянский вопрос – подобному тому, как возник болгарский вопрос в Европе, следствием которого была последняя война ... Я предупреждал несколько раз турецких министров и правительство, что если они не поспешат ..., то они заметят слишком поздно, что султан подвергся опасности лишиться некоторых из этих провинций» [цит. по: 176, с. 56-57].

«Расшифровав» содержание этого документа, можно сказать следующее: поскольку армянский вопрос появился

благодаря тому, что существуют армяне, то дальнейшего его обострения возможно избежать в том случае, если исчезнут, так сказать, его «носители», т.е. армяне. Их отсутствие убежит империю от потери территорий.

Имея в виду многолетние близкие связи и доверительные отношения Лайярда с турецкой политической элитой, легко представить, что же он говорил этим самым министрам в личных беседах, скрытых от посторонних глаз и ушей. У Лайярда, разумеется, нашлись благородные слушатели. Например, в лице Кемал-паши, который заявил, что турки «... в Европейской Турции ... согрели змей (имеет в виду славян – К.С.), ... не должны в Азиатской Турции повторить ту же глупость; благоразумье требует уничтожить и снять с лица земли нашей все те элементы, которые могут впоследствии угрожать опасностью и служить объектом вмешательства и орудием в руках европейских держав» [цит. по: 117, т. 1, с. 243].

Полковник российской армии Я.Д. Лазарев, собрав доказательств от очевидцев творимых в Турции нарушений и бесчинств, указывал: «Оттоманская Порта со времени обязательства (1878 г.) перед великими державами Европы по Берлинскому трактату (ст. 61) о введении реформ в Армянских провинциях для ограждения безоружных Армян от насилий вооруженных Курдов и Черкесов, поставила себе задачу угнетать, разорять их и выжить из родины, дабы вопрос о реформах потушить или обратить в нуль» [64, с. III]

Великие державы, формальные гаранты взятых Турцией обязательств по проведению реформ в отношении армянского населения, время от времени выступали коллективными нотами. В частности, в ноте от 2 июля 1880 г., они указывали, что «правительства, подписавшие Берлинский трактат, считают себя вынужденными потребовать полного и немедленного выполнения ст. 61 этого акта. Державы считают необходимым как для интересов самой империи, так и для интересов всей Европы» обратить серьезное внимание на немедлен-

ное выполнение реформ в Турецкой Армении» [117, т. 1, с. 257].

Но турецкие политики давно научились давать на выдвинутые инструкции и требования длинные и обстоятельные ответы, выражающие искреннюю готовность и намерение приступить к преобразованиям. Вот один из таких ответов, автором которого является министр иностранных дел Абедин-паша: «Оттоманское правительство намеревается выполнить эти пункты и послать во все части Курдистана (употреблено вместо Армении! – К.С.) и в другие вилайеты нескольких знающих чиновников, которые должны изыскать наиболее действительные мероприятия для обеспечения безопасности как армян, так и других верноподданных ... султана» [там же, с. 257].

Внешне всё выглядело красиво и пристойно: великие державы обратились к Турции с призывом, та ответила позитивно – выполнить выдвинутые требования. Но всё это не имело ничего общего с действительностью, и «жалобы Армян на усиливавшиеся насилия и зверства необузданных Курдов и хищных шейхов, отнимавших у них имущество, жён и дочерей, с совершением среди дня убийств, – оставались гласом вопиющего в пустыне» [64, с. III].

Однако жизнь шла своим чередом, и лорд Солсбери признавался, что: «Турция живёт не благодаря своей жизнеспособности, а в силу соглашений держав, видевших в сохранении существования Оттоманской империи средство избежать столкновения между ними из-за раздела турецкого наследства» [164, с. 108]. Эти слова были сказаны в то время, когда великие державы, потихоньку откусывая территории от империи, всё ещё «старались сохранить» «территориальную целостность» Турции. Совершенно прав А.Дж. Киракосян, полагающий что «взаимное соперничество Англии и России составляло основу международной политики на Ближнем Востоке и это соперничество служило вернейшим залогом сохранения целостности Османской империи, что в свою

очередь делало вероятным повторение в будущем кровавых погромов армянского населения» [151, с. 19].

Все важные отрасли экономики находились под контролем иностранных компаний. Казна пополнялась в основном благодаря максимально жёсткому налогообложению граждан. Сборщики налогов, длительное время не получавшие жалованья, жили за счёт средств, вымогаемых у христианского населения.

Несмотря на приведённые примеры, показывающие катастрофическое положение дел и не сулившие ничего хорошего, гибель Османской империи была ещё далеко. В анализе книги французского дипломата Г. Ротана обозреватель «Русского архива» указывал, что «Турция пользовалась большей жизненной силой, чем иные предполагали; ибо народы, некогда поражавшие мир своим блеском и величием, умирают медленно и прежде чем исчезнуть, проходят века. Турцию хоронили не раз, но всякий раз везли пустой гроб, а «больной человек», покуривая свой наргиле, равнодушно поглядывал на свои похороны» [91, 1894, кн. 2, вып. 5-8, с. 320].

Агонизирующей несколько десятков лет Турции на «подмогу» пришла Германия, быстро развивающаяся экономика которой нуждалась в новых рынках сбыта и сырьевых ресурсах. «Начиная с 80-х годов XIX в., по мере усиления проникновения германского капитала в Османскую империю, враждебность правящих кругов Германии к национально-освободительному движению армян становилась все более очевидной», – верно подмечает Г.В. Пипия [172, с. 41]. «Об этом, в частности, свидетельствует и тот факт, что Бисмарк советовал маршалу Ахмеду Мухтар-паше, присутствовавшему на маневрах германской армии в сентябре 1883 г., не торопиться с проведением реформ в Армении, поскольку якобы это может подорвать престиж султана» [там же].

Со временем Германия заняла господствующее положение среди великих держав на Востоке. Она превратилась ведущим партнёром Турции в сотрудничестве финансово-экономической и военно-политической сферах. Важной при-

чиной того, почему берлинское правительство было заинтересовано в исчезновении армянского вопроса, было то, что армяне, как известно, занимали ведущие позиции в торговой системе Османской империи. Поэтому, с искоренением армян немцы получили бы непосредственные финансово-экономические выгоды. Таким образом, приступая к планомерному выживанию армян, турки имели надёжного единомышленника и подстрекателя. Как совсем скоро выяснилось (1904 г.), немцы сами таили в себе большой потенциал и стремление к истреблению целого народа на юго-западе Африки – к тому, что впоследствии назовут «геноцидом».

Однако вернёмся в 1894 год. Турецкие власти, поставив перед собой задачу – «ликвидировать армянский вопрос ликвидацией всех армян» [164, с. 107], начали её осуществлять целенаправленно. У. Гладстон, выдающийся британский политический деятель, с тревогой отмечал, что «в последнее время широко распространено убеждение ... что турецкое правительство поставило себе целью истребить христианское население в Османской империи, особенно в Армении, существуют доводы, по-видимому, подтверждающие это мнение» [45, с. XXVII]. Устроив через своих агентов несколько провокаций, они приступили к истреблению армян по всей империи, будь-то это в провинциях («Сосунская резня»), или в столице («Константинопольская резня» [152, с. 98-103]).

У. Гладстон, ссылаясь на корреспондента «*Daily Telegraph*», охарактеризовал происходящее в Турции четырьмя словами: «Грабёж, убийство, насилие, пытка» [45, с. XX]. Немецкая газета «*Nationale Zeitung*» в номере от 24 января 1896 г. рассказала о трагических событиях, имевших место в октябре и ноябре 1895 г.: преступники обворовали и осквернили более десяти монастырей в округе Кемах, в Баибурге население насильно обратили в мусульман, разграбили много деревень в округе Карасиаршаки [125, с. XII-XIII].

Английский еженедельник «*Spectator*», изучив политику турецких властей, в 1895 г. сделал неутешительный вывод:

«Искоренение армянского народа для османов является делом не только возможным, но и лёгким: если с умом организовать преследования и резню, то можно уничтожить треть армянского населения империи, а оставшая часть найдёт своё спасение на территории России ...» [цит. по: 153, с. 14].

В вышедшем в 1896 г. сборнике «*Братская помощь пострадавшим в Турции армянам*» отмечалось: «Когда в конце 1895 года в газеты проникали отрывочные известия о зверствах в Турецкой Армении, иные подвергали сомнению не только число жертв резни, но самый факт участия турецкого правительства и войска в зверских поступках» [52, с. XXI]. Далее автор указывал, что «появившийся теперь безусловно достоверный документ не оставляет на этот счёт никакого сомнения. Документ этот – официальная таблица, составленная представителями шести великих держав в Константинополе и врученная в феврале 1896 года турецкому правительству ... Источником для составления таблиц служили донесения консулов, а также сообщения протестантских духовных лиц ... Число точно зарегистрированных жертв, попавших во время резни 1895 г., определяется в 37,085 человек, но это лишь *небольшая часть* общей суммы жертв» [там же, с. XXI-XXII].

Г.В. Пипия справедливо указывает, что «организуя резню в 1894 – 1896 гг., султанское правительство хорошо понимало, что в армянском вопросе среди великих держав не было единства, а одна из них проявляла солидарность с турками; поэтому турецкое правительство было совершенно уверено в безнаказанности своих варварских действий» [172, с. 42]. Вот, например, позиция британского правительства, озвученная лордом Розбери в 1896 г.: политика Великобритании «...состоит из тысячи частей и интересов и мы вправе приносить в жертву девятьсот девяносто девять частей одной единственной, даже если она требует безотлагательных действий», «гибель армянского народа является тысячной долей забот Великобритании, ... пустяком» [цит. по: 153, с. 10].

Приведённая цитата является поразительным примером безразличия и цинизма политика великой державы в отношении маленького армянского народа, чьи представители «... боролись за свою свободу и национальную независимость наравне с греками, сербами, хорватами, черногорцами, албанцами и другими народами, ставшими жертвой завоевательной политики султанской Турции. Но, пожалуй, ни одному из перечисленных народов не приходилось так дорого расплачиваться за свое свободолюбие, как армянскому народу» [172, с. 39].

Рассматривая восточную политику Англии в целом, и её «армянскую» составляющую в частности, точно расставляет акценты в своей статье Г.М. Арутюнян, указывая, что Лондон всегда руководствовался исключительно своими интересами, в том числе и тогда, когда речь шла о тяжёлом положении армян в Османской империи и о необходимости проведения там реформ. Вместе с тем автор проявляет небрежное, если не сказать, оскорбительное отношение к армянским деятелям, стремившимся придать борьбе армян более-менее организованный характер, называя их не иначе, как «гнчакисты ... армянские националистические руководители» [110, с. 88]. В адрес тех организованных кружков армян, которые поддерживали связи с британскими политическими структурами, автор публикации употребляет выражение – «так называемые патриотические общества» [там же, с. 88], подвергая тем самым сомнению искренность армян, входивших в подобные объединения. Для Г.М. Арутюнян такие патриоты являются «армянскими националистическими буржуазными деятелями» [там же, с. 90]. Но разве можно негативно оценивать их деятельность на том основании, что они были состоятельными людьми (раз они принадлежат к классу буржуазии)? Ведь именно за их финансовые средства выпускались газеты, отправлялись дети на учёбу в европейские университеты, содержались армянские школы т.п.

Вернёмся, однако, к правовому положению Турции в конце XIX века. Российский исследователь Сергей Жигарёв

(1896 г.) с негодованием восклицал, что «теория невмешательства во внутренние дела независимого государства неприменима к оттоманской империи, как и ко всякому другому азиатскому или африканскому государству до тех пор, пока эта полуварварская страна не подчинится началам международного права» [142, с. 215]. Полуварварская страна – это ещё мягко сказано, если прочитать статью ирландского журналиста Э. Диллон, ставшего очевидцем бесчеловечного мучения турками армянина перед глазами его детей (этот эпизод воспроизведён в обзоре британской прессы А.Дж. Киракосяном) [150, с. 16-17].

После всего сказанного возникает вопрос: а была ли справедливость на свете, была ли сила, способная положить конец гонениям и лишениям армянского народа. Об этом же говорил У. Гладстон на митинге в Манчестере в 1896 г.: «Три великих европейских правительства, управляющие населением в 209 миллионов человек, превосходящих в восемь или десять раз население Турции, – правительства, средства которых в двадцать раз больше средств турецкой империи, влияние и сила которых в пятьдесят раз превосходит могущество Турции, взяли на себя по этому вопросу известные обстоятельства, если они отступят ввиду противодействия султана и оттоманского правительства, они будут опозорены в глазах всего света» [45, с. XXVII].

Отдавая дань уважения Гладстону (по прозвищу «великий старец»), тем не менее, следует отметить, что подобные откровенные заявления политики делали, как правило, тогда, когда они находились в оппозиции, но не во время пребывания у власти. В этом плане, Гладстон, четыре раза становившийся премьер-министром и руководивший правительством в общей сложности 14 лет, к сожалению, не исключение. Именно Гладстон, может быть, наиболее совестливый политик своего времени, отдал приказ бомбардировать в 1882 г. египетские города и захватить этот регион (1882 г.), входивший в то время в состав Османской империи. Будучи в оппозиции, он беспощадно критиковал Б. Дизраэли за то, что по

его инициативе Лондон в 1878 г. установил контроль над Кипром [20, с. 2460], и требовал, возвращения острова Турции [19, док. 155, с. 405, 406]. Но, сменив Дизраэли на посту премьер-министра, Гладстон не только не вернул Кипр прежнему владельцу, но вдобавок отхватил от него ещё Египет.

Приведённый пример показывает, что находящийся у власти политики не всегда и не полностью руководствуются своими личными желаниями и устремлениями, и, что им приходится учитывать государственные интересы, которые, в свою очередь, диктуются интересами господствующего класса.

Возвращаясь к трагическим событиям 1894-96 гг., надо отметить, что великие державы ограничились традиционными представлениями нот протеста и предлагаемых мер по урегулированию армянского конфликта. Так, в мае 1895 г. послы Англии, России и Франции в мае 1895 г. предложили стамбульским властям проект реформ, получившее название «Майские реформы». Лишь 5 октября 1895 г. издал султан соответствующий указ («Положение об армянских реформах»).

Любопытно, что три других великих державы, подписавших Берлинский трактат 1878 г. – Германия, Австро-Венгрия, Италия – самоустранились от участия в указанной акции. Но это был не единственный недостаток предложенного проекта преобразований. В самом документе отсутствовала ссылка на статью 61 Берлинского трактата, обязывающую принятие мер по улучшению жизни армянского населения в Османской империи. Тем самым, прерывалась преемственность в разрешении армянского вопроса, следовательно, исчезало обязательство Стамбула, данное на конгрессе. Кроме этого, представители Англии, России и Франции не позаботились заложить в представленный документ механизм, посредством которого они могли бы контролировать и принуждать турецкие власти к выполнению условий указа. С полным основанием можно утверждать, что проект майских

реформ являлся шагом назад в политике европейских держав в армянском вопросе [117, т. 1, 269-271]

А погромы, тем временем, продолжались по всей стране. В сентябре в столице разогнали демонстрацию, во время которой участники призывали к реальным преобразованиям. За жестоким разгоном демонстрации последовали избиения армян, унёсших жизни около 2 тысяч человек. В октябре имела место резня армян в Трапезунде, Ак Хисаре, Байбурте, Битлисе, Эрзруме, в ноябре – Кесари, Диарбекире, Арабкире, Урфе, Харберде, Сивасе, Мараше. В ноябре – декабре 1895 года между восставшими армянами и турецкими силами шли бои в Зеитуне.

Американский дипломат Г. К. Лодж в связи указанными событиями писал на имя президента США: «Кредиторы не переживают о том, сколько армян будет вырезано; ... зато они боятся, что если Англия начнёт спасать несчастных армян, это приведёт к колебанию акций и цены оттоманских бондов упадут... Неужели наша цивилизация (США – К.С.) капитулирует перед трудностями, как сделала это цивилизация Западной Европы перед Арменией?» [268, с. 95]. Эти слова были написаны в то время, когда Соединённые Штаты только начинали втягиваться в европейские дела, и поэтому ещё не вникли в хитросплетения восточных дел, в частности, армянского вопроса.

В декабре 1896 г. – январе 1897 г. проходила очередная конференция послов великих держав с целью прекратить погромы. Принятому с большим трудом проекту реформ не суждено было заработать из-за начавшейся Греко-турецкой войны. С наступлением нового века ничего не изменилось в положении армянского населения в Османской империи. Все те же гонения, притеснения, против которых периодически вспыхивали восстания армян (в частности в Сасуне в 1904 г.).

* * *

Теперь на короткое время прервём повествование о трагической участи армян в Турции, и перенесёмся в далёкую Африку, где примерно в это же время (1904-1907 гг.) про-

изошли события, которые многими историками характеризуются как первый геноцид XX века. Речь идёт об уничтожении германскими войсками около 80% населения племён Херро и Нама.

После образования Германской империи в 1871 г. её экономика стала развиваться быстрыми темпами, росла также военная и политическая мощь страны.

У Германии возникла потребность в дешёвом сырье и новых рынках сбыта, этого можно было достичь завоеванием заморских территорий. Колониальными захватами занимались и другие страны (Англия, Испания, Португалия, Франция и др.), но Германия интересна нам потому, что именно она выступала в роли союзницы Османской империи, став фактически соучастницей армянского геноцида.

С конца 70-х гг. XIX века немцы начали освоение, точнее говоря, захваты территорий на юго-западе Африке, нынешней Намибии (подробнее об этом см. работу И.С. Чарного [197]). Осев там, немцы занялись привычным для европейских колонизаторов делом: прогоняли местное население из родных земель, отбирали у них скот и пастбища.

Доведённые до отчаяния африканцы в январе 1904 г. восстали против пришельцев. Получив высочайшее повеление из Берлина германские военные ответили жесточайшими карательными мерами. Командовал этим мероприятием генерал Лотар фон Трота, приказавший: *«Каждый встреченный человек из племени херро - вооруженный или невооруженный, сопровождающий скот или без скота, должен быть немедленно уничтожен. Я лично приказываю не щадить ни женщин, ни детей. Всех без исключения следует убивать любым способом»* (95, 19.01.2001).

Сказано – сделано: немцы взялись за хладнокровное уничтожение местного населения. Действия германской армии вышли далеко за рамки подавления восстания и превратились в планомерное истребление целого народа: убивали всех подряд, независимо от того, участвовал тот или иной человек в восстании или нет, остальных гнали в пустынные

места, где они были обречены на неминуемую смерть в отсутствии пищи и воды. Трудоспособных мужчин немцы держали в концентрационном лагере, используя их для выполнения самых тяжёлых работ. Всё это очень напоминает действия турецких властей, изгнавших армянских мирных жителей и депортировавших их в сирийские пустыни. Благо пример для подражания турки уже имели.

Проведённые исследования за последние два десятилетия указывают на то, что истребление немецкими военными племён *хереро* и *нама* является самым настоящим геноцидом.

И вот, по прошествии ста лет потомки выживших тех несчастных африканцев выдвинули обвинения против Германии, требуя возместить ущерб за нанесённые страдания. Намибийская сторона, подключившая к делу высокопрофессиональных юристов, понимает, что применить международное законодательство против Германии невозможно. Ведь Конвенцию ООН и Римский Статут приняли позже, чем были совершены преступления в Африке. Да и конкретных исполнителей не накажешь – уже никого нет в живых. Исходя из этого, иски выдвинули против тех немецких фирм (и их правопреемниц), которые извлекали тогда финансовые выгоды из «африканского бизнеса» [101, 12.08.2004]. Таковым являются, например, фирма «*Deutsche Afrika-Linien*» – правопреемница бывшей «*Woerman-Linie*». Эта транспортная кампания осуществляла на своих кораблях перевозку солдат и доставку грузов в Африку, заработав около 6 миллионов рейхсмарок.

После того, как история с подобными исками получила общественный резонанс, правительству ФРГ пришлось отозваться на возникшую проблему. МИД страны заявило, что не следует ничего платить Намибии, поскольку она и так регулярно получает финансовые средства от ФРГ, имея в виду деньги, которое выделяются в рамках оказания помощи для развития [т.н. *Entwicklungshilfe*]. Немецкое издание «*Tagesspiegel*» справедливо заметило: да, по правительственной линии из ФРГ деньги действительно поступают в Намибию, но,

сколько из них доходит (и доходит ли) непосредственно до потомков хереро и нама? В качестве выхода из ситуации газета предложила: уже при перечислении денег намибийскому правительству Берлину нужно заранее оговорить, чтобы определённую часть финансовых средств передали указанным адресатам. Для такого случая в немецком языке есть подходящий термин – *Zweckgebundene Mittel*, т.е. средство, «привязанное» к конкретной цели [там же].

Заканчивая этот короткий рассказ о «подвигах» немцев, можно сказать, что, какое бы истребление народа ни считать первым геноцидом в XX веке (гереро и нама на юго-западе Африке или армян в Турции), несомненно одно: именно Турция и Германия могут между собой оспаривать, кто из них является первопроходцем и кто прилежным учеником в самой непочётной «номинации» в истории человечества – геноциде.

* * *

Теперь вернёмся в Турцию, где в 1908-09 гг. в результате проведённого переворота власть в стране взяли *младотурки*, а потом свергли с престола султана Абдул-Гамида II. Их целью было проведение радикальных реформ, выведения страны из кризиса и превращение в современное передовое государство.

До определённого времени с младотурками активно сотрудничала армянская партия Дашнакцутюн, основанная в 1890 г. [109, с. 156]. Их объединяла наличие общего врага (султан Абдул-Гамид II), и общей цели (его свержение). Добившись желаемого, пути-дороги двух партий разошлись. Собственно говоря, такой исход был уже предопределён несколькими годами ранее на первом съезде младотурок (1902), когда выяснились, что две партии имеют диаметрально противоположные представления в национальном вопросе и в строительстве нового государства. Партия Дашнакцутюн стремилась к выходу из-под власти султана и к созданию независимого армянского государства, в то время как младотурки считали необходимым превратить Турцию в единое

целостное государство, в котором все жители империи становились «османами» независимо от национальности и религиозной принадлежности. Как верно подметил А.Ф. Миллер, целью этой, казалось бы, прогрессивной доктрины являлось «насильственное отуречение нетурецких народов» [164, с. 127].

Дальнейший ход событий показал, что младотурки не менее жёстки в отношении армянского вопроса, чем свергнутый ими монарх. Иллюстрацией тому служат погромы на юге страны, прокатившиеся в 1909-10-е гг. («Киликийская резня»), принесшие общее число жертв около 30 тыс. человек.

Академик Е.В. Тарле, приводя цитату из русской газеты «Речь», хвалившей за самокритику младотурок, совершенно справедливо подверг резкой критике подобные оценки: «Всё это – одно сплошное, вопиющее недоразумение и незнание фактов. Младотурки не только в 1915 г. истребили большинство армянского народа и хвалились этим, но они и в 1908 г. уже пришли к власти с этим твёрдым методом: разрешить национальные вопросы физическим истреблением всех национальностей, кроме турок и тех, кто согласится стать турком» [185, т. 5, с. 199].

Газета «Правда» в 1912 г. отмечала: «... Младотурки слишком скомпрометировали себя в глазах населения империи. Их власть покоилась исключительно на грубой физической силе. Беднота турецкая и подчиненные Турции народы угнетались и уничтожались по-прежнему, несмотря на существование «парламента». Зверства, подкупы, взяточничество нового режима ничем почти не отличались от таковых во времена «красного султана» [88, 17.08.1912].

Видя такое положение дел, великие державы предприняли в 1913 г. ещё одну попытку принудить стамбульские власти провести реформы. Делегации совещались долго, выработывая совместный проект. В итоге, российский вариант (представлен 22 июня 1913 г.) лёг в основу русско-турецкого соглашения, подписанного 8 февраля 1914 г. По этому документу «... из 7 вилайетов Западной Армении образовывались

два сектора (1-й охватывал Эрзрумский, Трапезундский, Себастьянский (Сивазский) вилайеты; 2-й – Ванский, Битлисский, Харбердский, Диарбекирский вилайеты), управление которыми поручалось двум Генеральным инспекторам из иностранцев ... В ведение Генеральных инспекторов передавался контроль администрации, юстиции, полиции и жандармерии в их секторах ...» [109, с. 285]. Помимо этого «... Генеральные инспектора имели право освобождать от должности непригодных или провинившихся чиновников, отдавать их под суд, замещать младших чиновников новыми, а также делать представления турецкому правительству о назначении высших чиновников». Затрагивались также Земельные споры, вопросы образования, воинской службы [там же].

«Соглашение не предоставляло западным армянам тех широких прав автономии, которых они чаяли. Оно представляло собой шаг назад даже в сравнении с представленным на обсуждение умеренным русским проектом реформ, который предусматривал создание одной единой армянской области из шести вилайетов ...» [там же]. Но вскоре всё это не имело уже никакого смысла, поскольку началась мировая война и вопрос жизни армян перестал занимать умы европейских политиков.

* * *

Как видим, все попытки и старания великих держав по проведению реформ в Османской империи (по армянской проблеме в том числе) потерпели крах. Тут уместным будет задать вопросом: могли ли они увенчаться успехом? И тут же зададимся вторым вопросом: хотели ли великие державы, чтобы Турция действительно реализовала их рекомендации?

На первый вопрос (более лёгкий) можно ответить коротко: нет, не могли, поскольку недостатки турецкой государственной системы управления являлись глубоко укоренившейся традицией или даже нормой жизни (коррупция, казнокрадство, грабительское налогообложение, чиновничий произвол в отношении предпринимателей и т.п....). Добавим

сюда же высказывание Талаат-паши о том, что равноправие мусульман и «неверных» противоречит Корану, и по этой причине оно (равноправие) в стране не возможно (см. пар. 1.1).

А для того, чтобы получить ответ на второй вопрос, давайте смоделируем ситуацию. Допустим, что турецкие власти начали выполнять данные ими обещания и «заработали» принимаемые законы, касающиеся как финансово-экономической (справедливое налогообложение, внедрение достижений науки и техники в производство, целевое расходование бюджетных средств, повышение уровня образования и т.д.), так и социально-политической областей (уважение к личности, равноправие в судах всех граждан независимо от национальности и религиозной принадлежности, свобода предпринимательства, свобода слова и т.д.).

Во что в таком случае превратилась бы Турция с такими благодатными климатическими условиями и плодородными землями? – В страну с процветающей экономикой и стабильным внутренним политическим положением. Не забудем также и выгодное географическое расположение, благодаря чему Турция являлась перекрёстком торговых путей север – юг и запад – восток. Транзитная торговля стала бы не только постоянным источником доходов, но и важным политическим оружием в противостоянии с европейскими державами. Владея всем перечисленным активом, Турция сама могла бы диктовать условия в отношениях с европейскими странами.

Если хватило фантазии представить всё это, то давайте спросим: хотели бы европейские державы возникновение такого мощного конкурента? Разумеется, нет! И следом ещё один вопрос: желали ли державы выполнения Турцией постоянно выдвигаемых ими требований? Конечно же, нет! Ведь тогда у них исчезли бы причины вмешательства во внутренние дела и соответственно, рычаги давления для получения тех или иных экономических или политических выгод за счёт Османской империи.

Вспомним ироничные слова австрийского министра К. Меттерниха о том, что «Порта не имеет права, чтобы она так просто, как ей кажется, совершила самоубийство» [69, с. 7]. Под самоубийством Меттерних имел в виду распадение империи на отдельные части, в результате чего населяющие её народы образовали бы независимые государства. Об этом возможном кошмаре писали в своё время Маркс и Энгельс [161, т. 9, 32-33].

Получается, что с точки зрения европейских держав Османская империя не имела право ни «бесконтрольно» распасться, ни развиваться и укрепляться!

* * *

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что державы не были заинтересованы в выполнении Турцией выдвигаемых требований по проведению реформ [164, с. 75-76]. Они желали лишь прощупать пульс «больного человека» (выражение царя Николая I), и при удобном случае забрать у него какую-нибудь территорию. Поэтому, способствовать освобождению страдающих под османским игом народов (в том числе и армян), никак не входили в планы европейских держав.

Армянский вопрос же они использовали, прежде всего, как инструмент давления на турецкие власти с целью получения политических и экономических выгод.

И вот наступил 1914 год, год великих потрясений, год начала кровопролитной мировой войны, трагически отозвавшейся на судьбу армянского народа.

Глава 2. ФЕНОМЕН ГЕНОЦИДА АРМЯНСКОГО НАРОДА И МИРОВОЕ СООБЩЕСТВО

2.1 Массовое истребление армянского народа в годы первой мировой войны

Наша цель состоит в том, чтобы до конца войны Турция оставалась нашей союзницей, и всё равно, что там с армянами случится.

Т. Беттман-Голлвег, канцлер Германии, во время первой мировой войны.

В начавшейся в августе 1914 г. мировой войне воевавшие государства разделились на два враждебных лагеря: Австро-Венгрия, Германия, Турция (позже к ним примкнула Болгария) – с одной стороны; Англия, Россия, Франция (позже к ним присоединились США) и ряд других европейских стран – с другой.

Если великие державы преследовали в войне агрессивные захватнические цели, то маленькие народы (в нашем случае армяне), находившиеся под властью крупных империй, стремились воспользоваться возможностью и, сбросив ненавистное иноземное иго, создать своё независимое государство.

Поскольку совершённое массовое истребление армянского населения Турция оправдывает (точнее говоря, объясняет, поскольку объяснение не есть оправдание) военного времени необходимостью, то следует рассмотреть его (истребление) в контексте международных норм ведения войны. Как известно, задолго до начала первой мировой войны в Европе уже сложились чёткие правила ведения боевых действий, соблюдение которых было обязательным для воюющих стран.

Гуго Гроций, крупнейший мыслитель своего времени (прозванный «отцом науки международного права») в 1625 г. в своей книге «О праве войны и мира» вопрошал: «*Неужели во время международной войны нет никаких законов, ника-*

ких предписаний морали и нравственности, которые ограничивают проявление дикой силы и охраняют право и интересы безоружных обывателей и несчастных жертв войны?» [цит. по: 30, с. 8].

Прогрессивные деятели науки и культуры, осознавая невозможность полного запрещения войн, со временем начали заботиться о том, чтобы каким-нибудь образом ограничить вызываемые войнами бедствия.

Вот как описывает этот процесс один из видных специалистов международного права Ф. Мартенс: «По мере развития культуры и цивилизации, по мере того как в государствах утверждалось уважение к человеку, к его личной свободе, стремлениям, чувствам и правам, область международных отношений и войны мало-помалу подчинялась определённым правилам и порядку. Народы, положившие в основание всего своего общественного строя и культуры уважение к человеку как человеку, не могут не признать в других народах известных неотъемлемых прав ... *Благодаря этому обстоятельству ... вырабатывается сознание об известных обычаях и законах войны ... Вот каким путём право войны вырабатывалось в течение веков, и вот почему оно имеет обязательную силу* (курсив мой – К.С.)» [цит. по: 175, с. 113].

Известный немецкий юрист И. Блунчли в труде по международному праву (русское издание 1867 г.) писал, что «*война есть спор... между государствами, ... но никак не борьба ... против частных лиц*», «*война не может служить поводом к нарушению гражданских прав ...*», «*личная безопасность, честь и свобода – это такие гражданские права, которые война должна оставить неприкосновенными*» [25, с. 50].

Ф. Мартенс указывал, что во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. «турки не только не исполняли постановлений Женевской конвенции (о правах раненых и больных – К.С.), но не соблюдали даже никаких обычаев войны» [31, с. 64], и что турки «... раненых уродовали ... они неод-

нократно стреляли по парламентскому флагу ...» [там же, с. 65].

Принятие Турции в 1856 г. в круг европейских держав мало что изменило в этом плане, разве что османские политики научились, ссылаясь на Парижский трактат 1856 года, заявлять о своих правах, полностью забывая при этом об обязанностях. Турция, не соблюдающая общепринятых норм и обычаев ведения войны в XVIII - XIX веках, вряд ли сделала бы это в начале XX столетия.

«Турция, на основании существующих обстоятельств, является *полноправным членом* союза европейских цивилизованных государств. Ввиду этого обстоятельства мы юридически обязаны приложить к ней тот жёсткий масштаб, который существует для христианских народов. *Мы вправе и обязаны требовать от турецких армий соблюдение правил, принятых в остальных европейских войсках*» (курсив мой – К.С.) [там же, с. 69], – эти слова Ф. Мартенса, сказанные в 1879 году и обращённые к правительствам великих держав, были актуальны и в 10-е годы XX века.

Международные Гаагские мирные конференции 1899 и 1907 гг. выработали чёткие правила ведения боевых действий на суше. В соответствии с принятыми конвенциями международное сообщество признало, что во время войны *«следует уважать право и честь семьи, жизнь и частную собственность отдельных лиц, религиозные убеждения и культурные ценности», «грабёж безусловно воспрещается»* [94, 1914. №12, с. 14], *«честь и права семейные, жизнь отдельных лиц и частная собственность, равно религиозное убеждение ... должны быть уважаемы; частная собственность не подлежит конфискации»* [85, 1914, сентябрь, 360].

Ф. Мартенс указывал, что даже во время войны «население и воюющие остаются под охраною и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания» [33, с. 41].

* * *

С началом первой мировой войны по всему миру внимательно следили за развитием событий в Малой Азии, в частности за положением армянского населения. Уже в ноябре 1914 года обозреватель журнала «Современник» И. Флеровский с тревогой отмечал, что «едва ли найдётся народ, для которого исход войны был бы в такой же мере вопросом жизни или смерти, как для армян» [77, с. 134]. Далее обозреватель сообщал, что «... уже ... появляются известия о расправе с армянами в Азиатской Турции» [там же].

«Дата 24 апреля 1915 года занимает особое место не только в истории геноцида армян, но и в истории армянского народа в целом. Именно в этот день в Константинополе начались массовые аресты армянской интеллектуальной, религиозной, экономической и политической элиты, что привело к полному уничтожению целой плеяды виднейших деятелей армянской культуры ... Удар, нанесенный армянскому народу младотурецким режимом весной -летом 1915 года, оказался беспрецедентным по своей разрушительности. Именно поэтому, рассеянные сегодня по всему миру армяне отмечают 24 апреля, как день поминовения жертв геноцида», – с этими словами К. Вртанесяна следует согласиться полностью [123].

Уже четыре дня спустя американская газета «The New York Times» писала, что Католикос армян обратился к России с просьбой, чтобы она повлияла на турецкие власти и те перестали убивать армян, не участвующих в военных действиях, и по представлению российского посла в Вашингтоне США, предприняли попытку воздействовать на турецкие власти [99, 28.04.1915].

В телеграмме, направленной руководством Государственного департамента США 27 апреля 1915 г. американскому посольству в Стамбуле, говорилось: «Российский посол представил нам просьбу Католикоса Армянской церкви защитить *невоюющих* (выделено мной – К.С.) армян от уничтожения на турецкой территории. Вам поручается обратиться

внимание правительства [Турции] с целью защиты армян от преступных рук представителей других религий. Доведите до сведения правительства требование принятия эффективных мер для защиты армян от притеснений со стороны представителей других религий».

Важным моментом данного документа является ссылка на позицию России в религиозном вопросе: «Посольство России обращает внимание на тот факт, что на российской территории проживают много мусульман и они пользуются защитой от религиозных преследований» [24, RG59,867.4016/58a]

Поскольку преступные действия турецких властей в отношении армян приняли угрожающие размеры, представители союзной тройки Англии, России и Франции решили совместными дипломатическими шагами образумить стамбульское руководство и прекратить произвол и гонения мирного населения. Этому важному документу Ю.Г. Барсегов дал исчерпывающую с политической и юридической точки зрения оценку и нет надобности её повторять [112].

Здесь же приводим сам документ, обнаруженный 24 мая 1915 г. В нём сказано: «В течение всего последнего месяца в Армении происходит резня армян курдами и турками при явном попустительстве, а иногда и при прямом содействии оттоманских властей. В половине апреля н. ст. резня армян имела место в Эрзеруме, Дергане, Эгине, Битлисе, Муше, Сасуне, Зейтуне и во всей Киликии; поголовно вырезаны жители сотен деревень в окрестностях Вана; в самом Ване армянский квартал осаждался курдами. В то же время константинопольское турецкое правительство подвергает арестам и небывалым притеснениям мирное армянское население. Ввиду этих новых преступлений, совершаемых Турцией против человечества и цивилизации, союзные правительства России, Франции и Англии сим публично объявляют Порте, что они возлагают личную ответственность за эти преступления на всех членов турецкого правительства, а также на тех его ме-

стных представителей, которые окажутся причастными к подобной резне» [2, с. 601-602, прим. 26].

В последующие месяцы турецкие власти приняли ряд законов, положивших начало депортации армянского населения и грабежу их имущества:

– 27 мая 1915 г. «Порядок о переселении армян из-за военного положения и особенных политических требований»

– 10 июня 1915 г. дополнительный закон – указание о порядке обращения с «движимым и недвижимым имуществом, оставленным депортированными армянами в результате войны и чрезвычайных политических условий»

– 26 сентября 1915 г. «Временный закон об экспроприации и конфискации» [113; 210].

Дальнейшие события можно восстановить на основании документов и рассказов очевидцев.

Американский генеральный консул в Бейруте в донесении от 20 июня 1915 г. воспроизводит текст правительственного указа Турции (ст. 2): «Командиры армии, независимых армейских корпусов и дивизий вправе в любых случаях военной необходимости, подозрения на шпионаж или предательства выслать жителей городов и сёл и поместить их в другое место ...» Неудивительно, что, имея такое указание, военные низшего ранга «обращаются с женщинами, детьми и стариками жестоко. Целые деревни были в считанные часы опустошены, жителям даже не дали возможности подготовиться к дороге. В горной деревне Гебен женщин застали за стиркой, им приказали оставить одежду в воде и погнали их в дорогу босыми» [24, RG59, 867.4016/104].

7 июля 1915 г. американский консул в Трабзоне Оскар Гейзер на имя посла Генри Моргантау писал: «Армянское население Трабзонского вилайета сократилось на 36 тыс. человек. В самом городе Трабзоне и окрестных сёлах не стало около 10 тыс. человек. 5200 человек уже выслали» [там же, RG59, 867.4016/103]

Через несколько дней (16 июля 1915 г.) Генри Моргантау сообщал в Госдеп: «Депортации и эксцессы против мир-

ных армян возрастают. Судя по сообщениям очевидцев, кажется, что кампания расового истребления набирает обороты и делается это под предлогом репрессалий против бунтовщиков. Протесты и предупреждения не приносят результатов, наоборот побуждают оттоманское правительство к более жестким мерам» [там же, RG59, 867.4016/76].

Немец В. Шпикер, работник Багдадской железной дороги, 27 июля 1915 г. поведаль германскому консулу в Алеппо следующее: «Всё население Бесние – около 1800 женщин, детей, немного мужчин – изгнали; их собирались перевезти в Уфру. У Реки Гёксу им приказали раздеться, избili их и бросили в реку» [цит. по: 269, с. 131].

Г.А. Гиббонс указывает, что когда депортированные армяне «проходили через христианские селения, где еще не был получен приказ о выселении, им не позволялось принимать ни пищи, ни какой либо помощи от жителей. Больные, старики и дети падали на краю дороги, чтобы больше уже не встать. Женщин, находящихся в муках родов, подгоняли вперёд штыками или ударами кнута, пока не наступал момент разрешения от бремени, после чего их оставляли умирать на дороге без помощи, истекающими кровью!» [56, с. 14].

Сестра Альма Йоханссон, сотрудница «Германского союза помощи христианам на Востоке» записала в свой дневник: «Нам рассказывали одни и те же истории. Мужчин, кого поймали, застрелили за городом. Женщин и детей увезли, дома разграбили и сожгли» [цит. по: 269, с. 132]

«Привлекательные девушки ... изо дня в день насильвались конвойными, пока смерть не избавляла их от этой муки. Кто мог, лишал себя жизни. Обезумевшие матери бросали своих детей в реку, чтобы прекратить их страдания» [56, с. 14].

В августе 1915 г. журнал «Современный мир» информировал, что «французская палата депутатов, констатируя ответственность Европы в возмутительной резне в Армении. ... сожалел о реакционной алчности и зависти, которые ме-

шают современной Европе выступить сообща на Востоке в пользу оскорбленной человечности» [108, с. 146].

На страницах «*The New York Times*» в номере за 24 сентября 1915 г. говорилось: «Турки начали выселение армян, особенно последователей грегорианской церкви, к которой принадлежит 90 процентов армян. Правительство Турции сначала приказало выслать всех армян, но после протестов американского посла Моргантау, оттоманское правительство заверило, что оно изменит указ таким образом, чтобы не трогать армян католиков и протестантов». Далее: «Турецкие власти погнали армян с их домов, приказали следовать в направлении Багдада, который можно было достичь, только преодолев длинные расстояния по пустыне. По дороге на них нападали курды и избивали их, похищая женщин и девушек». [99, 24.09.1915].

Германский консул Вильгельм Литтен во время поездки 31 января 1916 г. по дороге между Деир ал-Сор и Тибни (ныне в Сирии) увидел ужасную картину: «2 час.: 5 свежевырытых могил. Справа один труп мужчины, половой орган оторван. 2 час. 05 мин.: справа труп разлагающегося мужчины. 2 час. 07 мин.: справа труп мужчины, лежит на спине, рот разорван... 2 час. 10 мин.: мужчина, одет ниже пояса, выше пояса тело изуродовано... » [цит. по: 269, с. 132]

Основываясь на рассказах очевидцев, Г.А. Гиббонс пишет: «В начале пути число несчастных путников таяло с каждым днём, в конце – с каждым часом. Самым горячим желанием этих страдальцев была смерть» [56, с. 14]. А если находился кто-нибудь, кто «пытался свернуть с этой адской дороги, он тотчас же безжалостно закалывался или пристреливался. Курды и крестьяне верхами пускались в погоню за теми, кому удавалось убежать от конвоя» [там же, с. 15].

Со слов жительницы Сирии узнаём, что «по рассказам многих рядом с железной дорогой между Анатолией и Сирией лежали тысячи трупов армян, ... иногда даже собаки съедали их остатки. Везде лежали человеческие скелеты. В Гюлеке (или Османии) она видела тысячи голодающих и заму-

ченных жарой армян ... Они лежали обессиленные ..., инженер поезда пробежался по их телам и крикнул своим: «Вы видели, как я поиздевался над этими армянскими свиньями?» Армянам приказали в кратчайшее время быть готовыми к отъезду. Но им не выделили транспорта, чтобы те могли взять свои вещи. Турки забирали всё это имущество ... (дата на документе 27 ноября 1916 г.) [23, FO 371/2783/24258].

Г.А. Гиббонс в своей книге приводит следующий рассказ одной англичанки: «Я была на железнодорожной станции в Адане и видела, как женщины протягивали своих детей из окон вагона и со слезами умоляли дать им воды. О хлебе они уже не просили – только воды – глотка воды! На станции имелся водопровод и я на коленях умоляла турецкого жандарма разрешить мне дать им напиток. Но поезд тронулся и еще долго слышались душераздирающие крики этих несчастных. И это отнюдь не является единичным фактом» [56, с. 15].

По свидетельству очевидца тех событий лейтенанта Саида Ахмеда Бааса султанский указ сопровождался «Фетвой», гласящей, что «поскольку армяне пролили кровь мусульман, убивать их – законное дело ... Начались депортации. Из Трабзона я доставил их в Гюмиш-Хана. Там забрали 120 мужчин. Как я потом узнал, их убили ... По дороге в Эрзиджан я видел тысячи тел убитых армян ...» (документ от 26.12.1916) [23, FO 371/2768/1455/folios 454-458].

Все подобные ужасы пережил Гарбис Агопян, которому в 1915 г. было восемь лет. Он, один из немногих выживших, рассказывает, что сам видел, как умирали люди от голода, жажды и бессилия, и как съедали собаки трупы умерших [269, с. 131]

Если у кого-то возникает недоумение, как такое было возможно, чем мотивировалось жестокое поведение турок, то следует ознакомиться с рассказом упомянутого американского дипломата Генри Моргантау. Вот как он описывает отношение турок к христианскому населению Османской им-

перии, населению, которое проживало на своей родной земле ещё до прихода турецких завоевателей.

«Сын мой, – сказал старый турок, – видишь стадо свиней? Одни из них белые, другие – тёмные, а некоторые – маленькие. Они чем-то отличаются друг от друга, но они все – свиньи. Точно также и христиане... Христиане могут носить хорошую одежду, женщины могут быть красивыми; у них белая и нежная кожа; многие из них образованы и строят прекрасные города ... Но помни, несмотря на этот внешний блеск, все они одинаковы, все они – свиньи» [47].

После приведённой цитаты вряд ли стоит удивляться тому, что значительная часть армянского населения, «преимущественно мужчины, перебиты, причем для сбережения патронов, которых в то время у турок было мало, людей большей частью предавали смерти способом наиболее экономичным: запирали в помещение и сжигали», – писал академик А.К. Дживелегов. «Другая часть, преимущественно дети и девушки, обращены насильственно в ислам. Наконец третья – выселена в отдаленные места Месопотамии и Аравии; выселение производилось с таким расчетом, чтобы как можно больше народа погибло в пути от голода, жажды и лишений ... Естественно, что путь через горы из Эрзерума, Сиваса, Байбурта к Алеппо и Мосулу превратился в самый настоящий путь смерти. Сотни тысячи оставались навсегда в ущельях и на перевалах Тавра» [13, № 79, с. 94-95].

«Саид Кучук-паша обещал превратить Армению в географическое понятие», – напоминал на своих страницах «Вестник Европы» летом 1917 г. «... Убеждаешься, с какой точностью было осуществлено превращение Армении в географическое понятие. Населения нет. Оно уничтожено ..., армянское население было истреблено систематически; план его уничтожения был выработан и осуществлён с математической правильностью» [68, с. 360].

Думаю, приведённых примеров достаточно для того, чтобы убедиться в преднамеренных преступных действиях турецких властей. Налицо намеренные действия, направленные

ные на уничтожение армянского населения из-за его национальной и религиозной принадлежности.

«Мы отнюдь не были жестоки, но я сознаю, что нам пришлось поступить решительно. Что же делать, теперь военное время», – говорил Талаат-бей [56, с. 13]. По словам одного из высших должностных лиц (министр) Турции, власти предприняли жёсткие меры, исходя из военной необходимости. Комментируя данное заявление министра, следует сказать, что во время войны, безусловно, действуют законы военного времени, позволяющие значительно ограничить права и свободы населения (в том числе и гражданского).

Несомненно, любое государство (и Турция тут не исключение) имеет право предпринимать различные меры, в том числе и вооружённые, для обеспечения собственной безопасности. Общеизвестно, что определённое количество армян – граждан Российской империи, действительно воевало в составе российской армии. Известно также, что некоторая часть армян, подданных Турецкой империи, поднимала восстания против существовавшей власти. Всё это имело место, и делать вид, что этого не было, означало бы проявить бездумное ребячество. Как говорится, на войне – как на войне. Армяне имели такое же право бороться за освобождение от иностранного господства, какое Турция имело для подавления восстания на своей территории.

Но вопрос тут в другом. С какой целью, спрашивается, турецкие солдаты гнали армян в пустыню, не разрешали брать собой еду, покупать пищу и отнимали деньги, не давали пить воду? Разве умершие от жажды и голода армяне улучшали военное положение турецкой армии на фронте? Разумеется, нет! Предпринималось всё это с целью физического уничтожения армянского народа Османской империей, мешавшего ей в «оттоманизации» страны.

С какой целью, турки насильно обращали детей в ислам, насиловали женщин? Сделав очередному армянскому мальчику обрезание, или обесчестив ещё одну армянскую девушку, или бросив под палящим солнцем только что родившего

сы младенца и лежавшую в крови женщину, – могли ли все эти безумные действия изменить в пользу Турции военное положение на фронте? Конечно же, нет! Делалось это с целью моральной деградации, перерождения и уничтожения генофонда армянского народа.

Поэтому, все ссылки тогдашних и нынешних турецких политиков на сложности и нужды военного времени ничего общего не имеют и не имеют с действительностью. Через тридцать лет подобные преступные действия турецких властных структур найдут определение, когда благодаря Р. Лемкину международное сообщество выработает целостную систему (политическую и юридическую), квалифицирующую и осуждающую их как геноцид.

Возвращаясь к событиям, имевшим место в годы первой мировой войны, отмечу, что Турция, как признанное государство и субъект международного права, *имела право* воевать против вражеских армий (в том числе и российской) и подавлять восстания на собственной территории, защищая тем самым целостность страны. Но Турция, как признанное государство и субъект международного права, также *имела обязанности*, а именно – охранять жизнь и имущество мирных граждан, причём как своих, так и чужих.

Действия турецких властей (начиная с высших чинов и заканчивая рядовым воинским составом) создавали парадоксальную в юридическом плане ситуацию. Ведь уже тогда всем миром было признано, что войска, вступающие во владения вражеского государства, не имеют права грабить местное мирное население (мародёрствовать). В случае с грабежами армян – граждан Турции (отнимали деньги, одежду, другое движимое и недвижимое имущество), мы имеем дело с преступлением, которому не придумано название – так и напрашивается слово-неологизм – *«самомародёрство»*.

* * *

Когда идёт война все воюющие страны преследует схожие цели. Вот их «стандартный набор»: нанести врагу как можно больше урона в военном плане и захватить макси-

мально больше земель – с целью присоединить к себе, или же вернуть их в обмен на определённые финансовые выплаты и материальные возмещения – репарации. Чем ещё можно наказать вражеское государство, не соблюдающее законы и обычаи военного времени, кроме как пригрозить *индивидуальной уголовной ответственностью* конкретных виновных? К сожалению, больше нечем (не грозить же войной стране, с которой и так уже воюешь?!). Поэтому Англия, Россия и Франция, не имея других средств воздействия, предупредили стамбульское руководство о том, что они «возлагают *личную ответственность* за эти преступления на всех членов турецкого правительства ...» (совместная декларация от 24 мая 1915 г.).

США, не воевавшие непосредственно с Османской империей, ограничились, как и ожидалось, дипломатическими демаршами. Единственной реальной силой, способной одёрнуть политиков, уверовавших, что настало время исполнения их мечты – стереть с лица земли армянское население, была Германия – союзница Турции в войне и пользовавшаяся большим влиянием на турецкие власти.

«Разве возможно допустить, что германское посольство об этом не знало, и что Талаат-Бей давал свои приказания, не уведомив о них барона Вагенгейма (посла Германии в Турции)? Разве можно поверить, что германское правительство в Берлине не было осведомлено о турецком плане, даже в том случае, если представители его в Константинополе упустили уведомить его о нём?» – с болью и удивлением спрашивает Г.А. Гиббонс [56, с. 26].

Но все вопросы и сомнения отпадут сразу, как только ознакомимся с позицией главы правительства Германии Т. Бетманн-Голлвега: «*Наша цель состоит в том, чтобы до конца войны Турция оставалась нашей союзницей, и всё равно, что там с армянами случится*» [цит. по: 269, с. 145].

Получается, что для политиков жизнь армян не могла значить ничего, если речь шла о государственных интересах Германии. Следуя курсу руководства, немецкий посол в

Стамбуле фон-Вагенгейм «... объявил послу Моргентау, что Германия не может вмешиваться во внутренние дела Турции, даже чтобы удовлетворить требованиям Соединенных Штатов». Также не стоит удивляться действиям посла Германии в Вашингтоне Бернсторфа, который «вначале пытался просто отрицать факты избиения ..., но, когда все факты подтвердились свидетельскими показаниями, и отрицать их стало невозможно, он заявил, что все происшедшее в Турции следует рассматривать как вполне законный акт подавления армянского восстания» [56, с. 27].

Чего же следовало ожидать от Германии, страны, которая сама не соблюдала общепринятые нормы войны. Обозреватель «Вестника Европы» в сентябре 1914 г. (обратите внимание на дату!) указывал, что «нет ни одного из правил (ведения сухопутной войны – К.С.), которое не было бы грубейшим образом нарушено германскими и австрийскими руководителями армий» [71, с. 361]. Автор материала со ссылкой на ноту правительства Франции от 20 августа 1914 г. писал: «Немцы добились значительное число раненых, стреляя в них в упор, как об этом свидетельствуют размеры ран» [там же, с. 363]. Всё это указывало на то, что немцы проявили «свое презрение к международному праву и к элементарным человеческим приличиям» [там же, с. 365].

Ну а турецкие власти, пользуясь тем, что все были заняты войной, продолжали гонения и избиения армянского населения. По самым приблизительным подсчётам, общее количество умерших и погибших армян составило около полутора миллиона человек. Огромное число, от которого становится не по себе. Хотя, происходящее на фронтах превалировало над всеми остальными событиями, армянской резне даже в годы мировой войны в международной печати уделялось пристальное внимание, настолько велики были масштабы истребления многострадального армянского народа в Османской империи.

Так, в 1916 г. в Петрограде вышла книга А. Тырковой «Старая Турция и младотурки». В этом же году на англий-

ском и русском языках появилась работа американского юриста и публициста Г.А. Гиббонса «Самая черная страница новейшей истории. Последние избиения армян». В Лондоне стараниями Джеймса Браиса был издан сборник «The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire 1915-16». Год спустя Ю. Веселовский в Москве выпустил труд «Трагедия турецкой Армении», а в 1919 г. немецкий общественный деятель, доктор теологии Йозеп Лепсиус в Потсдаме издал сборник документов «Deutschland und Armenien. Sammlung diplomatischer Aktenstücke».

В течение войны мировая пресса держала в фокусе своего внимания положение армян, высказывая надежду на то, что по окончании войны проблемы армянского народа должны наконец-то разрешиться.

* * *

Поскольку армянский вопрос с момента его возникновения (см. пар. 1.2) всегда являлся международной проблемой, и таковым остался он и в XX веке, будущее Армении в значительной степени зависело от внешних факторов. В решающий момент именно они, к сожалению, оказались для армян неблагоприятными. Хотя, после взятия русскими войсками Трапезунда, перспективы казались неплохими «Вестник Европы» в апреле 1916 г. писал: «Надо думать, что на этот раз освобождение многострадального армянского народа будет окончательным» [85, 1916, апрель, с. 286]. Но надеждам, которые так лелеяли армяне, не суждено было сбыться из-за событий, развернувшихся в октябре 1917 г. в Петрограде.

Большевистское правительство, взяв власть в свои руки в результате проведенного переворота, заявило о выходе страны из войны («Декрет о мире» [3, №75, с. 101-104]). Совершенно очевидно, что такое решение диктовалось отнюдь не благородными целями («мир без аннексий и контрибуций»), а, прежде всего, состоянием дел на фронте, которые с точки зрения нового правительства не сулили ничего хорошего (тут не стоит затронуть вопрос о предоставлении Гер-

манией крупной суммы денег В.И. Ленину для захвата власти и закрытия для кредитора его восточного фронта). Поскольку продолжение боевых действий только ухудшало положение России, а перспектива на перелом не просматривалась, казалось выгодным подписать мирный договор с противником сегодня (пусть даже невыгодный), чем отложить на завтра.

Проведя три раунда трудных переговоров (в декабре 1917 г., в январе-феврале и 1-3 марта 1918 г.), Россия 3 марта подписала Брестский мирный договор со своими противниками – Австро-Венгрией, Болгарией, Германией и Турцией. Перед тем как коснуться вопроса о том, как повлияло заключение Брестского договора на судьбу армянского народа, необходимо отметить, что *любой мирный договор есть законное насилие победителя над побеждённым*. Данный тезис, как бы жестоко это не звучало, является нормой международных отношений, и он вполне применим к положению России перед подписанием указанного документа.

Итак, заключив *Брестский мирный договор*, Россия решила главную на тот момент задачу, что и было зафиксировано в статье I: «Россия, ... Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция ... объявляют, что состояние войны между ними прекращено. Они решили впредь жить между собой в мире и дружбе» [6, т. 1, № 78, с. 119]. Платой за это были территориальные потери в европейской части страны (части теперешних Украины, Белоруссии, Эстонии).

Будущее Армении затрагивалось в статье IV: «Россия сделает все от неё зависящее, чтобы обеспечить скорейшее очищение провинций Восточной Анатолии и их упорядоченное возвращение Турции. Округа Ардагана, Карса ... также незамедлительно очищаются от русских войск. Россия не будет вмешиваться в новую организацию государственно-правовых и международно-правовых отношений этих округов, а предоставит населению этих округов установить новый строй в согласии с соседними государствами, в особенности с Турцией» [там же, с. 121].

А в ст. 1 отдельного русско-турецкого договора, подписанного в Бресте (3.03.1918), говорилось: «В целях урегулирования деталей осуществления эвакуации и возвращения оккупированных территорий, о которых идёт речь в абзаце 2 ст. 4 коллективного договора, 1) для этой цели Российская Республика обязуется вывести по ту сторону существовавшей границы все свои силы, находящиеся в упомянутых провинциях ... в срок от шести до восьми недель после подписания настоящего договора» [6, док. № 82, с. 199].

Ни одно государство не может руководствоваться в своей деятельности интересами другого государства или отдельного народа. И в этом отношении Россия не являлась исключением. Жёсткая реальность была такова, что из-за тяжёлого финансово-экономического положения и проигрышной ситуации на фронте России для выхода из войны пришлось кое-чем пожертвовать. Хотя это «кое-что» представляло собой значительные территории вокруг Карса, Ардагана вплоть до Трапезунда, и там проживало значительное количество армянского населения, надеявшегося вырваться наконец-то из-под турецкого господства.

Вне всякого сомнения, петроградское правительство осознавало, что ст. IV затрагивала судьбы конкретных людей, чьи семьи страдали и ещё могли пострадать после ухода русских войск из занятых ими во время войны территорий. Поэтому «при подписании договора советская делегация заявила решительный протест против отторжения Карского и Ардаганского районов, расценив это как «откровенный и насильственный территориальный захват важных стратегических пунктов» России [109, с. 86].

Как известно, Турция в нарушении Эрзнакайского перемирия от 5 декабря 1917 г. [6, т. 1, № 30, 31, с. 53-57], воспользовавшись уходом русских войск, двинула свою армию в направлении Эрзрума, Вана и причерноморских районов. Боевые действия сопровождалась гонениями гражданского армянского населения.

Вот что писал д-р Виктор Науман 6 марта 1918 г. (то есть через три дня после подписания мирного договора) в записке на имя рейхсканцлера: «Ясно, что турки сделали всё, чтобы истребить армян ... Я беседовал с ... немецкими офицерами, которые ... рассказали о страшных мучениях, которым подвергались армяне» [17, с. 480]. Пару недель спустя в другом документе, хранящемся в архиве МИД Германии, сообщалось, везде, откуда ушла русская армия, вернувшиеся турки проявляют крайнюю жестокость: стреляют, сжигают мирных жителей, детей сажают в мешки и бросают в море [там же, с. 481-482, 483, 487].

Видя бесчинства турецких властей, МИД России 13 апреля 1918 г. официально обратилось к Германии, заявив следующее: «Договор, подписанию которого нас в Бресте принудили, предоставляет право населению округов Ардагана, Карса ... самому определить своё будущее. Происходящее в этих местах показывает, что проводимая в течении 10 лет политика по уничтожению армянского народа продолжается. На турецком фронте Россия владела инициативой, но ей пришлось уступить Турции Ардаган, Карс ... лишь по настоянию Германии, поскольку последняя была союзницей Турции. Ответственность за ужасы, которым подвергается армянское население в районах, ныне занятых турецкими войсками, ложится на германское правительство, при поддержке которого Турция завладела этими землями» [там же, с. 488-489].

Тем временем в Трапезунде шли трудные переговоры Турции с делегацией трёх закавказских республик о заключении мирного договора. После распада Закавказской Демократической Федеративной Республики Армения провозгласила свою независимость (28 мая 1918 г.) и начала переговоры с Турцией о прекращении огня (примечательно, что в сборнике документов «Великая Октябрьская социалистическая революция и установление Советской власти в Армении» в приложении «Хронология важнейших событий» говорится не об образовании независимого армянского государ-

ства, а о создании буржуазно-националистического правительства дашнаков [3, с. 620]).

Ход боевых действий складывался не в пользу Армении. В силу военных неудач армянской делегации пришлось 4 июня 1918 г. подписать *Батумский мирный договор* на условиях Турции (вспомним тезис об узаконенном насилии победителя над побеждённым). От Армении договор подписали А. Хатисян, О. Качазуни, М. Пападжанов, от Турции – Халил-бей и Вахиб Махмед-паша.

В договоре имелись 14 статей. Ст. 1 констатировала прекращение войны и установление мира. Ст. 2-я определяла границу Турции с Арменией и двумя другими закавказскими республиками. Армения состояла из части Ереванского уезда и несколькими сопредельными районами – всего общей площадью около 10 тыс. кв. км.

В соответствии со ст. 4 правительство Османской империи обязывалось оказать правительству Республики Армения помощь оружием – в случае, если последнее запросит эту помощь – «для обеспечения порядка и спокойствия в стране». Эта статья предоставляла Турции возможность использовать любой повод для оккупации Армении. Правительство Республики Армения обязывалось не допускать формирования на своей территории каких-либо вооружённых банд (ст. 5-я). Статьи 6 – 10 предусматривали меры по защите прав мусульманского населения Армении, а также по использованию железных дорог, почты, телеграфа и т. д. По ст. 11-й правительство Республики Армения обязывалось после подписания договора незамедлительно эвакуировать все армянские вооружённые силы из Баку. Сохраняли силу все статьи Брест-Литовского договора, не противоречащие данному договору (ст. 12) [109, 74].

Батумский договор стал *первым международным документом* Республики Армения, и, к сожалению, не самым удачным. Однако ситуация для Армении благоприятным образом изменилась вследствие поражения Турции в войне с западными державами, нашедшее отражение в *Мудросском*

перемирии, подписанном 30 октября 1918 г. В этом документе были несколько пунктов, имевших важнейшее значение для армян. В соответствии со ст. 11 турецким войскам следовало уйти из Закавказья, а по ст. 16 эвакуировать Киликию. Кроме этого, армян, военнопленных и интернированных, собирались доставить в Константинополь и без всяких условий передать их союзникам (ст. 4). В ст. 24 оговаривалось, что «в случае беспорядков в одном из армянских вилайетов союзники сохраняют за собой право занять часть его» [там же, 233].

Положение Мудросского перемирия подлежали рассмотрению *Парижской мирной конференцией*, проходившей с 18 января 1919 г. по 21 января 1920 г. Этому представительному форуму предстояло подготовить документы для заключения окончательного мира с т.н. четверным союзом, потерпевшим поражение в мировой войне (Австро-Венгрия, Болгария, Германия, Турция).

На конференцию, которой следовало обсудить вопросы послевоенного устройства чуть ли не всего мира, *Армению не пригласили*. Хотя она имела конкретный адрес на мировой политической карте, являясь *государством de facto*, не говоря уже о том, что армянский народ понёс гораздо больше жертв в войне, чем некоторые другие страны, получившие приглашение в Париж.

По этому поводу вспоминается период Венского конгресса 1814-15 гг., когда сильные мира сего не сочли нужным заняться греческой проблемой. Отношение к ней со стороны великих держав точно выразил известный французский историк XIX века А. Дебидур, сказавший, что Греция Венским конгрессом «*презрительно отвергнута*» [137, т. 1, с. 76]. Несколько лет спустя, в 1822 г. греческая делегация во главе А. Метаксасом прибыла в Верону, где пятёрка великих держав обсуждала насущные вопросы Европы. Греческие политики надеялись, что «чувства любви к Богу, гуманности и справедливости, которыми проникнуты собравшиеся монархи ...» [163, с. 158] будут способствовать тому, что конгресс примет делегацию Греции. Греки желали, чтобы «судьба их страны

не была решена без участия их представителей» [137, т. 1, с. 182]. Они желали «... изложить свои претензии, представить свои права, свою потребность, свои наиболее существенные интересы» [163, с. 158].

Монархи, так громко говорившие о Боге и справедливости, монархи, строившие европейское сотрудничество на христианских ценностях, не только не оказали никакой помощи борющимся за христианскую веру грекам, но даже *отказались принять и выслушать греческую делегацию*.

Как видим, недопущение к обсуждению жизненно важных вопросов именно тех, кого эти вопросы касаются, имеет долгую традицию. Единственное, на что хватило «смелости» руководству форума, так это предложить армянским делегатам подготовить меморандум армянских требований к конференции. 12 февраля 1919 г. такой документ был представлен.

«Меморандум об армянских требованиях» включал следующие основные положения: признание независимого армянского государства в пределах семи армянских провинций и Киликии с присоединением к ним земель Республики Армения на Кавказе; одна из союзных держав или Лига Наций должна гарантировать целостность и неприкосновенность территории создаваемого армянского государства; одной из союзных держав должны быть предоставлены полномочия на получение мандата на Армению сроком на 20 лет; Армения должна получить денежную компенсацию за понесенные ею потери, насильственно депортированные в годы войны армяне должны получить возможность возвратиться на Родину; должны быть наказаны виновные за массовые избиения армян» [109, с.257].

Поскольку главную задачу для держав-победителей представляла выработка условий будущего мирного договора с Германией, армянские требования были отложены в долгий ящик.

В это время в умах европейских политиков зрела мысль возобновления войны против Турции (несмотря на подпи-

санное перемирие). С этой целью западные державы «уполномочили» Грецию напасть на Турцию. Таким образом, они решили чужими (греческими) руками захватить в Османской империи то, чем не успели завладеть к моменту подписания перемирия (30.10.1918). Греция, со своей стороны, поддавшись соблазну территориальных приращений, согласилась. Она, как известно, в первые годы в войне участие не принимала, сохраняя нейтралитет. Но из-за близости границ с Сербией и Болгарией, а также наличия морских портов с их огромным военно-стратегическим значением, для Греции представляло большую трудность полностью оставаться в стороне от военных баталий. В то время, когда на её территории находились и болгарские войска, и вооружённые силы западных союзников, по выражению обозревателя «Вестника Европы», греческое правительство могло соблюдать лишь «подобие нейтралитета» [85, 1916, август, с. 368].

Однако во время войны имело место событие, красноречиво характеризующее отношение великих держав (в данном случае Англии) к маленьким странам – в конкретном случае к Греции и в целом к греческому народу.

В октябре 1915 г. Лондон, денонсировавший к тому времени (в ноябре 1914 г.) в одностороннем порядке англо-турецкую конвенцию от 4 июня 1878 г. и объявивший об аннексии Кипра [там же, 1914, ноябрь, с. 366], обратился к правительству Греции с предложением. В нём британское правительство изъявляло согласие передать ей вышеназванный греческий остров. Присоединение Кипра к Греции означало бы осуществление важнейшей части «*мегали идеи*», о чём так долго мечтали и политические деятели и простой народ Кипра и Греции [148, с. 27-28, 83-84].

Но этот, казалось бы, благородный поступок британской стороны не должен ввести нас в заблуждение. Сделанное предложение о передаче Кипра вовсе не означало, что английские политики вдруг прониклись симпатиями к грекам и признали права и чаяния киприотов, желавших жить в единой стране со всем греческим народом. Лондонский кабинет

непременным условием своего согласия на присоединение Кипра к Греции выдвинул её вступление в войну, разумеется, на стороне коалиции западных союзников, в которую входила Великобритания [256, с. 88-90].

Король Константин отказался от британского предложения, которое Лондон немедленно отозвал [214, с. 210]. Исходя из задач данной работы, не будем рассматривать вопрос о том, насколько правильным было решение греческого монарха. Стоит лишь сказать, что греческие власти упустили самую реальную возможность присоединения Кипра, больше им такой шанс никогда не представился.

Однако, вернёмся к событиям 1919 г., когда Греция, приняв «заказ» от великих держав, напала на Турцию. По мере успешного продвижения греков на восток, росли аппетиты великих держав поглощать не только турецкие, но и армянские территории. 28 июня 1919 г. германский агент в Берне со ссылкой на надёжный армянский источник информировал МИД Германии, «Франция отказывается признать Киликию составной частью Армении» [17, с. 608]. Опережая события, скажу, что такая позиция Парижа получит объяснение через год, когда с Турцией будет подписан Севрский договор. В соответствии с этим документом Киликия войдёт в сферу влияния Франции.

Это притом, что ещё год назад Киликия воспринималась как часть будущего армянского государства, а Париж возлагал на армян большие надежды, поскольку в тот момент они были ему нужны. Так, по сообщению немецкого агента из Берна (30.03.1918), премьер-министр Франции Клемансо распорядился направить в Швейцарию историка и публициста некоего Берарда (из «*Institute de France*») для агитации среди армян-эмигрантов. Франция обещала армянам выделить финансовые средства, чтобы те с турками воевали подольше, и, растянув время, дать тем самым возможность Соединённым Штатам подготовиться к войне, а также привлечь на сторону Антанты нейтральные страны [там же, с. 484-485]. Кроме этого, бернский агент доносил, что поскольку

державы-победительницы признают власть адмирала Колчака, и так как последний категорически *возражает против признания независимости Республики Армения*, то и Антанте следует поступать также [там же, с. 608].

Хотя ещё недавно, в поданной на имя рейхсканцлера записке (6.01.1918), германские дипломаты указывали, что «Антанта, особенно Англия и Франция, обещали поддержать армян в создании независимого государства. Соединённые Штаты Америки ... также постараются выступить покровителями армян ... [17, с. 470]. Поэтому Германия не должна выглядеть ... безучастной нацией ... она должна позитивно поучаствовать в решении армянского вопроса» [там же]. Особенно примечательна тут последняя фраза. Поскольку намечается новый проект – «создание армянского государства» – то Берлину необходимо принять участие в его реализации с перспективой получить свою долю экономического и политического влияния в новом государстве.

Кроме этого на европейскую политическую сцену вышел заокеанский игрок – США. «С началом послевоенного торга Англии и Франции по дележу оттоманских территорий американские дипломаты начали энергично выдвигать “права Америки” (под которыми следовало понимать американские экономические привилегии как минимум наравне с Англией и Францией)» [210, с. 30].

Но потом, в соответствии с тем, как развивались события на греко-турецком фронте, и какие возможности открывались перед великими державами в деле захвата всё новых территорий (их юридический статус определили бы позже), нужды армян стали постепенно отходить на второй, или даже на третий план. Не являлись исключением в этом смысле и Соединённые Штаты, страна, которая в силу своего географического положения могла более объективно смотреть на европейские дела в целом, и на армянскую проблему в частности. Вместо этого в США, как совершенно верно пишет Д. Броксхэи, «... дипломаты развернули PR-кампанию по пересмотру недавней истории в пользу «побитых» турок и против

«вероломных, агрессивных» армян, выполняющих роль «подставных для европейских держав» [там же].

Таким образом, можно проследить *изменение позиции* великих держав в отношении армян. Прежде (начиная с 1878 г. до 1914 г., т.е. до начала мировой войны) армяне нужны были им в качестве инструмента для давления на Стамбул и получения экономических и политических выгод.

Во время войны армянегодились как пушечное мясо, им следовало воевать с турками для того, чтобы как можно сильнее ослабить последних. Это давало Антанте возможность добиться более убедительной победы с последующим подписанием максимально выгодного мира, что в первую очередь подразумевало территориальные захваты. А потом настал момент, когда державы начали смотреть *на армян как на конкурентов*, поскольку те тоже имели желание установить контроль над определённой территорией Османской империи. Но только с той разницей, что *армяне желали создать своё государство на своей земле*, а великие державы стремились к колониальным захватам чужих территорий. Но разве могли великие державы видеть эту разницу, такой, с их точки зрения, «пустячок»?

На протяжении войны противоречия и конкуренция существовали не только между странами двух противоборствующих военных лагерей, но и между странами внутри союза. Англия и Франция, воюя против общих противников, тем не менее, внимательно следили, чтобы партнёр его «не кинул» с целью получения какого-нибудь преимущества (военного, политического), будь это в Турции или где-то в Европе. Эти разногласия проявились и на Парижской конференции, например, по немецкому вопросу. В то время, как Франция желала выжать все соки из Германии и максимально ослабить своего восточного соседа, Лондон старался этого не допустить, отводя последней роль противовеса Франции на континенте.

Союзицу Англии и Франции – Россию объединяло с ними наличие общих противников (Германия, Турция), одна-

ко в дележе «турецкой» добычи Россия являлась конкурентом названных двух держав. Не изменилось это после октябрьской революции и перехода от монархической формы правления к советской (см. ниже турецко-советские отношения).

В более узком смысле тезис о том, что каждая страна выступала конкурентом каждой независимо от «блочной» принадлежности, действителен в армянском вопросе. Помимо вышесказанного по общим подходам к армянской проблеме, обращает на себя внимание тот факт, что независимость Республики Армения первым признала не кто-нибудь, а ... Турция. Но произошло это вовсе не потому, что турки больше всех хотели создания и упрочения армянской государственности, а по той простой причине, что других желающих просто не нашлось.

Даже Германия, которая, казалось бы, должна была быть заинтересованной в стабильности своей союзницы на восточных границах, не собиралась признать независимость Армении. Для этого нашли благополучный повод, явствующий из письма немецкого дипломата фон Кюльмана (3.06.1918) на имя посла Германии в Стамбуле: «Мирные договоры, которые Турция отдельно от своих союзников подпишет с кавказцами, мы не можем признать, так как они противоречат статье 3 германо-турецкого договора от 26 сентября 1916 г. Мы можем признать только те договоры, которые будут заключены с участием четырёх союзников» [17, с. 520].

Начнём с того, что в указанном документе речь шла о том, чтобы договаривающиеся стороны не подписывали отдельные договоры с теми государствами, с кем они находятся в состоянии войны (Англия, Франция, Россия и т.д.). Но действие германо-турецкого соглашения не распространялось на Республику Армения по следующим причинам: а) на момент подписания договора (16.09.1916) армянского государства ещё не существовало; б) Республика Армения не входила во враждебный четверному союзу военный лагерь (Англия, Франция, Россия ...); в) следуя нормам междуна-

родного права, Республика Армения не находилась в состоянии войны с Турцией, так как они не объявляли войну друг другу (см. пункт (а)).

Принимая во внимание вышеприведённые обстоятельства, Берлин вполне мог признать независимость Армении. Но оно (признание) влекло за собой определённые обязанности, а именно: признание верховной власти армянского правительства на вверенной ему территории. Вследствие этого пришлось бы легализовать не только дипломатический персонал, но и военных и разного рода агентов-разведчиков. Кроме этого, передвижение транспортных средств, перевозку солдат и доставку грузов пришлось бы согласовывать с правительством Армении. А немцы ведь имели серьёзные виды на Бакинскую нефть (конкурируя в этом аспекте со своей союзницей – Турцией)! Поэтому, новое государство могло принести Германии только новые хлопоты, создавая ей серьёзные помехи. Оставаясь же всё по-старому, немцы могли всё также вольготно вести свои дела на турецкой территории.

Воздерживалась с признанием Армении и Россия, с переменной политического строя которой её внешнеполитические приоритеты не изменились. Являясь главным политическим игроком на Кавказе и считая этот регион сферой своего влияния, она не могла пойти на скорое признание Армении, не урегулировав пограничные вопросы с Турцией. К тому же, если Армении признали бы и другие страны, то она тут же стала бы местом для открытой конкуренции и соперничества (финансово-экономического, политического), в котором России отнюдь не были гарантированы лидирующие позиции. Кроме этого, для обеспечения своих международных интересов на Кавказе Москве требовалось, чтобы власть в армянском государстве принадлежала дружественной к России партии (большевистского толка).

Для России, находящейся в дипломатической изоляции [144, т. 3, с. 132], в тот момент более важной задачей являлось установление партнёрских отношений и урегулирование спорных вопросов с кемалистской Турцией, чем признание

Армении. Ведь невозможно позаботиться о другом государстве, не обеспечив прежде свои интересы. Поэтому, российское руководство живо откликнулось на предложение Мустафы Кемаля (27.04.1920) об установлении дипломатических отношений (3.06.1920) [6, т. 2, с. 555] и оказании финансово-военной помощи [109, с. 231-232]. При этом оно прозондировало почву в «армянском направлении»: «Советское правительство надеется, что дипломатические переговоры позволят Великому Национальному Собранию установить между Турцией, с одной стороны, и Арменией ... с другой, точные границы, которых требует справедливость и право народов на самоопределение. Советское Правительство готово в любой момент, по приглашению заинтересованных сторон, принять на себя обязанности посредника» [6, т. 2, с. 555].

За этим заявлением вскоре последовали практические шаги. В июле-августе того же года в Москве прошла первая русско-турецкая конференция, задачей которой было разрешить территориальные споры в Закавказье, а также вопросы оказания Советской Россией финансовой и военной помощи Турции. Москва согласилась выделить Турции финансовую помощь в размере 5 млн. руб. золотом и поставить необходимое количество оружия и боеприпасов [109, с. 231-232].

Переговоры по армяно-турецким территориальным проблемам выглядели достаточно необычно. Россия вроде выступала в роли посредника, но в действительности это было не так – ведь участие посредника в переговорном процессе предусматривает наличие как минимум двух сторон. Армения же в нём не участвовала – не участвовала из-за отказа турецкой делегации встретиться с армянскими политиками (находящимися в то время в Москве!) якобы по причине отсутствия на то полномочий (обычный дипломатический трюк с целью оттянуть время или избежать нежелательного хода событий). Поэтому, можно сказать, что Россия, по сути, являлась не посредником, а одной из сторон переговоров.

Россия предложила «принцип этнографической границы», основанной на национальных взаимоотношениях, суще-

ствовавших до великой войны и предлагала «произвести взаимное переселение для того, чтобы создать с обеих сторон однородную этнографическую территорию» [6, т. 2, с. 726]. Турки же настаивали на границах, определенных Брестским договором и требовали признания «Национального обета», т.е. согласия России на включение Карса и Ардагана в состав Турции.

В согласованном проекте договора (24.08.1920) Россия и Турция договорились не признавать договоры, «навязанные сторонам силой» [там же, с. 232]. Тем самым, режим Мустафы Кемаля обеспечил себе весомую международную поддержку для непризнания Севрского мирного договора, подписанного стамбульским правительством двумя неделями ранее (10.08.1920).

В проекте «особую важность для Армении имела ст. 4, в которой «говорилось, что РСФСР согласна взять на себя посредничество между Турцией и теми пограничными третьими государствами, которые распространили свою власть на какую-либо территорию, включенную в «Национальный обет». Получалось, что Москва признавала право Турции на ... Карс и Ардаган. Поскольку эти территории находились в составе Армении ..., было решено отложить вопрос об определении северо-восточной границы Турции, и в силу этого было отложено также окончательное подписание подготовленного договора. Этот проект договора был затем положен в основу подписанного 16 марта 1921 г. в Москве русско-турецкого договора «о дружбе и братстве» [там же, с. 232].

Возникает логический вопрос: могла ли Россия, точнее говоря, имелись ли в её арсенале средства, чтобы выторговать более выгодные условия для Армении, следовательно, и для себя (с учётом внешнеполитической стратегии России в Закавказье)?

Ответ тут однозначен – да, имелись. Во-первых, переговоры проходили в Москве, соответственно Россия владела, или, по крайней мере, должна была владеть инициативой и регулировать переговорный процесс. Во-вторых, Турция вы-

ступала в роли просителя (оружия и денег), что ставило её в зависимом от России положении.

Но турки, со своей стороны, тоже располагали кое-какими козырями: 1) имея превосходство над армянами, они воевали и продолжали захватывать армянские территории, ставя советское правительство перед свершившимися фактами; 2) Турция, занимая всё новые армянские земли, объявляла их своей территорией (с последующей уступкой части из них). В это время Россия, хотя и имела аналогичные планы (советизация Армении и её вовлечение в «советском виде» в состав СССР – тому доказательство), но, являясь формально посредником, не могла прямо заявить о своих территориальных притязаниях.

Заканчивая рассмотрение русско-турецкого проекта, нужно заметить, что он значительно урезал размеры Армении, предусмотренные Севским мирным договором. Данный документ, подписанный 10 августа 1920 г. между Турцией (в лице стамбульского правительства) с одной стороны, и западными державами и Арменией с другой, зафиксировал полное поражение Турции в мировой войне. В это время английские подразделения оккупировали Стамбул и окрестности, французы и итальянцы контролировали южные районы Турции, западная часть была занята греческими войсками. В соответствии с договором от 10 августа Турция теряла больше половины своих территорий, которые поделили между собой Англия, Греция, Италия, Франция.

Севрский договор кардинально менял положение Армении в международном плане, превращая её в субъект международного права: «Турция заявляет, что она признаёт Армению, как то уже сделали Союзные державы, в качестве свободного и независимого государства» (ст. 88). Другим важнейшим пунктом в указанном документе была статья 89, в которой говорилось следующее: «Турция и Армения, а также другие ... стороны, соглашаются представить на третейское решение Президента Соединенных Штатов Америки, определение границы между Турцией и Арменией в вилайетах

Эрзерума, Трапезунда, Вана и Битлиса и принять его решение, а также всякие меры, которые он может предписать относительно выхода Армении к морю и относительно демилитаризации всякой оттоманской территории, прилегающей к границе» (полный текст Севрского договора см. в: «*The Treaties of Peace 1919-1923*», Vol. II, Carnegie Endowment for International Peace, New York, 1924).

Значение указанной ст. 89 в истории армянского народа невозможно переоценить. Многовековая борьба армян за освобождение от иноземного господства, сорокалетнее пребывание армянского вопроса в ранге официальной проблемы международной политики, огромные жертвы, понесённые армянами как в годы мировой войны, так и до и после неё – всё это, казалось, принесло достойный результат: армянское государство с достаточно большими территориями получило международное признание.

Говоря о важности Севрского договора для армянского народа, нужно заметить, что в советских изданиях этот вопрос преподносился в искажённом виде. Так, в высококлассной работе А.Ф. Миллера читаем следующее: «На востоке Анатолии предусматривалось создание *якобы* (курсив мой – К.С.) «независимой» Армении ... форпоста империализма» [164, с. 179]. Тут пресловутый классовый подход взял верх над объективной оценкой факта. Ведь, предполагаемая Армения становилась государством всего армянского народа, а не только армянской буржуазии. В другом издании – «Новейшая история зарубежных стран» при рассмотрении Севрского документа, почему-то замалчиваются существование статьи, посвящённых армянской проблеме [167, с. 317]. Ничего не говорится о Севрском договоре и в указанном выше сборнике документов «Великая Октябрьская социалистическая революция и установление Советской власти в Армении» [3, с. 627].

Севрский договор, помимо прав Армении как государства, зафиксировал также права армян – частных лиц на возмещение понесённого ими ущерба. Так, ст. 142 гласила, что

правительство Турции «... обязуется облегчать действия смешанных комиссий, ... с тем, чтобы принимать жалобы самих жертв, их семейств и их близких, производить необходимые расследования и выносить в окончательной форме постановления ... Оттоманское Правительство обязуется ... обеспечивать безопасность и свободу лиц, восстановленных таким образом во всех своих правах». Кроме этого Стамбул признал «несправедливость закона 1915 года об оставленной собственности (Emval-i-Metrake), а также дополнительных к нему постановлений», объявив «их ничтожными и не имеющими силы как в прошлом, так и в будущем».

Далее договор предусмотрел, что отнятое несправедливо имущество следовало вернуть прежним владельцам. С этой целью Турция обязалась «... облегчать в пределах возможности оттоманским гражданам нетурецкого племени, насильственно изгнанным после 1-го января 1914 года из своих очагов либо страхом перед зверствами, либо в силу всякого иного способа принуждения, возвращение к своим очагам, а также возобновление своих дел. Оно признает, что недвижимые и движимые имущества, которые могут быть разысканы и которые составляют собственность названных оттоманских граждан или общин, к которым принадлежат эти граждане, должны быть возвращены, насколько возможно скоро, в чьих бы руках они ни оказались» (ст. 144).

В приведённых статьях хотя и не упоминаются армяне, но эти положения больше всех касались именно их, понёвших самые большие жертвы и убытки от произвола турецких властей.

Казалось, что наконец-то восторжествует справедливость, казалось, что армяне смогут хоть как-то залечить полученные раны, казалось, что открывается путь для строительства полноценного армянского государства ... Но Севрский договор, как вскоре выяснилось, оказался мертворождённым документом. В Турции его не признали не только *кемалисты*, к которым постепенно переходила реальная власть в стране, но и само стамбульское правительство, под-

писавшее договор, но потом отказавшееся ратифицировать его.

Сосредоточив значительные силы на восточном фронте, кемалистские войска нанесли Армении несколько чувствительных ударов, вынудив её заключить мир. Приведённая выше формула о том, что *любой мирный договор есть узаконенное насилие победителя над побеждённым*, со всей очевидностью проявилась в *Александропольском договоре, подписанном в ночь с 2 на 3 декабря 1920 г.* (его официальное название – «Мирный договор между Турцией и Арменией»).

Ввиду военного поражения армянскому правительству пришлось согласиться на весьма суровые условия, предложенные турками. Речь шла, в первую очередь, о территориальных проблемах. Говоря об этом, очень тяжёлом договоре, надо отметить, что С.С. Степанян, критикуя действия правительства Республики Армения, указывает, что оно подписало «*позорный*» договор [182, с. 208]. Как мне представляется, уважаемый автор, бесосновательно подозревая членов армянского правительства в отсутствии патриотизма, совершенно не учитывает обстоятельства, обусловившие и вынудившие армянскую сторону заключить невыгодный договор. Ведь неподписание его означало продолжение войны, что привело бы к ещё более тяжёлым условиям мирного договора.

Согласно ст. 2 к Турции отходили Карсская область и Сурмалинский уезд (более 20,7 тыс. кв. км). Районы Нахичевана, Шарура, Шахтахи объявлялись временно находящимися под защитой Турции. Там посредством плебисцита предполагалось установление особой администрации. [3, с. 438].

По ст. 4, Армении запрещалось введение обязательной воинской повинности и содержание армии; она могла иметь лишь отряд в 1500 штыков, при 8 орудиях и 20 пулеметах. В ст. 5 Армянское правительство дало согласие *признать Севрский мирный договор 1920 аннулированным*. Помимо этого, согласно ст. 13, правительство Армении признавало *аннулированными все договоры, которые были заключены во вред*

Турции или затрагивали её интересы. Согласно ст. 7, обе стороны «отказывались от всяких претензий по возмещению убытков, понесенных во время мировой войны» [там же, с. 439]. Тем самым Турция освобождалась от возмещения убытков, нанесенных как уничтоженным, так и депортированным армянам. Это притом, что Парижская мирная конференция определила ущерб, нанесённый армянскому населению в размере около 19 млрд. франков [113].

Трудно представить более тяжёлый договор, чем тот, что был подписан Александрополе. Он подлежал ратификации в течение месяца после подписания. Но пришедшее на смену правительству Республики Армения правительство советской Армении не признало Александропольский договор и аннулировало его [109, с. 20]. Кстати, данный договор являлся первым международным документом, подписанным *анкарским* правительством; он же стал последним договором, заключённым правительством Республики Армения.

Параллельно, в то время, когда в Александрополе шли переговоры по заключению мира (конец ноября – начало декабря 1920 г.), в северных районах Армении, а потом и по всей республике развернулись события совершенно иного свойства, которые принято коротко называть как установление советской власти в Армении. Прежнее правительство Республики Армения было устранено, и вся власть перешла к временному революционному комитету. В соответствии с соглашением, заключённым 2 декабря 1920 г. Советской Россией и Арменией, последняя объявлялась *независимой социалистической республикой* [3, № 295, с. 441-442].

То, что независимость новой Армении была неполной, или точнее говоря, была зависимостью от Советской России, можно увидеть в *русско-турецком договоре*, подписанном после окончания второй московской конференции 16 марта 1921 г. В указанном документе стороны определили границы между Турцией и Арменией, но сделали это без участия самой Армении. Хотя, Москва первоначально планировала быть именно посредником в разрешении армяно-турецкого

конфликта. Об этом говорилось в телеграмме комиссара иностранных дел Г. Чичерина на имя М. Кемалья, посланной 11 ноября 1920 г. [3, № 284, с. 422]. Позже, 9 декабря 1920 г. российское руководство известило турецкую сторону о том, что оно считает необходимым участие в переговорах представителей Армянского Советского правительства, «поскольку будут подлежать разрешению территориальные ... вопросы» [6, т. 3, № 210, с. 371].

В основу Московского договора от 16.03.1921 г. был положен проект, выработанный без участия Армении на первой русско-турецкой конференции в июле-августе 1920 г.

Несмотря на то, что турки и в марте 1921 г. выступали перед Москвой в роли просителей – нуждались в военно-финансовой помощи России, они весьма искусно вели переговоры, оказывая давление продвижением своих войск в направлении Нахичевани. Касаясь будущих границ Армении, руководитель российской делегации «Г. Чичерин заявил, что русское правительство не будет настаивать на проведении границы западнее Арпачая и южнее Аракса. Это означало, что к Турции отходила не только вся Карсская область, но и Сурмалинский уезд, который никогда не входил в состав Турции» [109, с. 231].

В самом договоре присутствуют статьи, прямо или косвенно затрагивающие интересы Армении. Так, ст. 8 констатировала: «Считается установленным, что под турецкой территорией, упомянутой в настоящей статье, подразумевается территория, находящаяся под непосредственным военным и гражданским управлением Правительства Национального собрания Турции». Это означало, что, закреплённые Севрским договором за Арменией земли, московский документ рассматривал как турецкие. Севрский договор был «под откос пущен» 1-й статьёй, в которой Москва и Анкара согласились «... не признавать никаких мирных договоров или иных международных актов, к принятию которых понуждалась бы силою другая из договаривающихся сторон. Правительство РСФСР соглашается не признавать никаких международных

актов, касающихся Турции и не признанных Национальным Правительством Турции ...» [6, т. 3, с. 597-598].

Чтобы окончательно закрыть пограничные проблемы в договор включили ст. 15, в которой Россия обязалась «... предпринимать в отношении Закавказских Республик шаги, необходимые для обязательного признания этими Республиками в договорах, которые могут быть заключены ими с Турцией, статей настоящего договора, непосредственно их касающихся» [там же, т. 3, с. 602]. «Переведя» смысл данной статьи с дипломатического языка на «общегражданский», получится следующее: Россия окажет давление на закавказские республики, в частности, на правительство советской Армении, с целью признания им условий русско-турецкого договора от 16 марта 1921 г.

Такое намерение получило воплощение в *Карском договоре*, подписанном 13 октября 1921 г. между Турцией и Арменией, а также двумя другими закавказскими республиками. Посредником в переговорах, разумеется, выступала Россия. Армяно-турецкий территориальный спор разрешился по «сценарию» русско-турецких переговоров: Карс и Ардаган с прилегающими землями вошли в состав Турции (см. ст. 4) В ст. 2 стороны согласились «... не признавать никаких мирных договоров или иных международных актов, к принятию которых понуждалась бы силою одна из них» [там же, т. 3, с. 422]. Таким образом, Армения во второй раз отказалась от Севрского договора (первый раз это сделало правительство Республики Армения в Александрополе).

Слабым утешением для Армении могла служить ст. 1 Карского договора, в соответствии с которой Армения и Турция обязались считать «... отменёнными и не имеющими силы договоры, заключённые между правительствами, ранее осуществляющими свои суверенные права на территории, входящей ныне в состав территории Договаривающихся сторон, и касающиеся вышеупомянутых территорий, а равно и договоры, заключённые с третьими державами и касающиеся Закавказских Республик» [6, т. 4, № 264, с. 421]. Тут подра-

зумевался, в частности, Александропольский договор, подписанный правительством Республики Армения, т.е. правительством, «ранее осуществляющим свои суверенные права на территории, входящей ныне в состав территории» Армении.

* * *

Кемалисты помимо того, что успешно продвигали свои интересы в «армянском направлении» перед правительством Советской России (две русско-турецкие конференции, Московский договор от 16 марта 1921 г.), они добились впечатляющих успехов и на западном фронте. Собрав свои внутренние резервы (людские, материальные ...), а также, задействовав подоспевшую военно-финансовую помощь из Советской России [там же, т. 3, с. 675, прим. 54], войска под руководством Кемаля не только остановили греческое наступление, но и сами перешли в атаку. Одержав несколько важных побед над греками, в частности при Сакарии 13 сентября 1921 г.

Видя возрастающую силу анкарского правительства, великие державы, желавшие разделить Турцию, поспешили с заключением сепаратных договоров, чтобы выйти из ситуации с наименьшими потерями, а может быть и с кое-какими приобретениями. Так, Франция, спохватившись, подписала 20 октября 1921 г. соглашение, предусматривающее, в частности, прекращение военных действий и эвакуацию французских войск из Киликии (из той самой Киликии, которую державы сначала отдавали Армении, потом Париж захотел сделать своей подконтрольной территорией). Указанным договором, Франция фактически признала правительство Анкары, получив взамен серьёзные предложения экономического характера: концессии на железные дороги, разработку рудников, пользование портами, реками и др. [144, т. 3, с. 218]. Такой поворот событий никак не мог понравиться Англии, запросившей у Парижа объяснений по поводу односторонних действий [там же]. Хотя английские политики и так всё прекрасно понимали: Англия и Франция, являясь союзниками в войне, оставались при этом острыми конкурентами друг дру-

гу в экономической сфере (новые рынки сбыта, источники сырья, инвестиционные проекты и т.д.).

Пострадавшей же стороной от заключения турецко-французского соглашения стали проживавшие в Киликии армяне (около 150 тыс. человек). С эвакуацией французских войск армянам пришлось покинуть насиженные места, поскольку оставаться там представлялось большим риском, хотя турецкие власти и обещали покровительство над национальными меньшинствами. «Турция обязуется предоставить всем жителям Турции полную и совершенную защиту их жизни и их свободы без различия происхождения, национальности, языка, расы или религии и всякого верования», — это положение, зафиксированное в 141-й статье Севрского договора, имело цену не больше самой бумаги, на которой оно было написано. По мнению французского историка Ж. Пишон, «все торжественные обещания, данные армянам, были таким образом преданы забвению [109, с. 320].

Перехватив инициативу у греков, кемалистская армия нанесла им несколько серьёзных ударов, вследствие чего в сентябре 1922 г. турецкая территория была фактически полностью очищена от греческих войск. Таким образом, после того, как из игры вышли Греция, Франция, Италия, оставалась одна Англия, желавшая продолжения войны. Не получив необходимой поддержки поисками из британских доминионов, Лондону пришлось вступить в переговоры с Анкарой.

Последовали длительные и непростые переговоры (о взаимных противоречиях между великими державами см.: «История дипломатии», т. 3, с. 307-310), приведшие к подписанию 24 июля 1923 г. Лозаннского мирного договора. Данный документ заменил собой не вступивший в силу Севрский договор (10.08.1920).

В результате выигранной «послевоенной» войны, Турция добилась значительно более приемлемых условий, чем в договоре трёхлетней давности. Утратив территории нынешних Сирии, Иордании, Ливана, Ирака, Палестины, Турция вместе тем сохранила земли, которые по Севрскому договору

предполагались передать Греции (Измир, Восточная Фракия), Армении (Трабзон, Эрзрум, Ван), или же подпадали под контроль Англии (юго-восток), Италии (юго-запад) и Франции (юг). Помимо этого, турки добились отмены системы капитуляций.

В актив Англии и Франции были занесены следующие пункты:

1) Ослабили Германию, сократив её территорию отторжением Польши, Эльзас-Лотарингии, отобрали колониальные владения в Африке, индустриальный регион Рур поставили под международный контроль, Саар на 15 лет передали под управление Лиги Наций, обязали Берлин выплатить крупные репарации;

2) Разделили Австро-Венгерскую империю, выведя из её состава и образовав самостоятельные государства – Чехословакию, Венгрию; некоторые части вошли в состав Румынии и Сербо-хорватословенского королевства (будущей Югославии).

3) Расчленили Османскую империю – отторгли территории Ливана, Иордании, Палестины, Сирии, Ирака, попавшие под непосредственное влияние Англии и Франции.

В самом большом проигрыше оказалась Армения, лишившаяся тех выгод, на которые она могла рассчитывать по Севрскому договору. Более того, в *Лозаннском мирном договоре армяне и Армения не упоминались вовсе*. Хотя армянский вопрос в Лозанне всё же обсуждали. Но обсуждали без участия делегации Республики Армения, поскольку ей *«не было разрешено официально участвовать в Лозаннской конференции, поскольку делегация более не представляла Армению, где была установлена Советская власть [109, с. 216]»*. Более того, к тому моменту Советская Армения перестала существовать как субъект международного права, войдя в декабре 1922 г. как часть Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республики, в состав СССР.

Армянская делегация всё же представила конференции меморандум, включающий три варианта разрешения армян-

ского вопроса: «Создание «Армянского национального очага» на территории, которую определит президент США В. Вильсон; расширение Ереванской республики (т. е. Советской Армении) путем присоединения к ней части Западной Армении с выходом к Черному морю; создание «Армянского национального очага» в Киликии» [там же, 216-217]. Турецкие делегаты отвергли эти предложения, заявив, что «Турция заключила договоры «согласно международному праву» (имелись в виду Московский и Карсский договоры 1921 г.) и установила «добрососедские отношения» с существующей ныне «независимой Арменией» (т. е. с Армянской ССР) и не представляет существования какой-либо «иной Армении» [там же, 217].

Так закончилась история создания независимого армянского государства, закончилась, толком и не начавшись. Причиной тому было поглощение Турцией армянских земель, определённых Севрским договором (а), и советизация Республики Армения с последующим включением её в состав Советского Союза (б). По меткому выражению Ю.Г. Барсегова *«... национальная государственность армянского народа была раздавлена совместной акцией кемалистской Турции и большевистской России» [113]*.

А что касается позиции великих держав, то они на Парижской конференции заботились в первую очередь об обеспечении собственных политико-экономических интересов. Конечно, державы были отнюдь не против захватить ещё какие-нибудь территории, или даже полностью разделить азиатскую империю, но им пришлось столкнуться со свершившимся фактом в виде военных успехов Кемаля против греков и установлением контроля Великого Национального собрания по всей стране. Не будучи в состоянии военным путём добиться создания полноценного армянского государства, им пришлось смириться со сложившимся положением вещей. Кроме этого, западные державы психологически были готовы признать армянские территории в частности, и закавказский регион в целом, сферой интересов России.

«Западные державы принесли права армянского народа в жертву своим корыстным ... интересам, вопрос о материальной ответственности за геноцид армян исподтишка, а потом и открыто переводился в совершенно иную плоскость "возмещения ущерба" или устройства беженцев» [там же]. Это был недостойный финал истории, если представить, сколько центнеров, если не тонн бумаги европейские политики потратили на всякие инструкции, ноты, представления и протесты по армянской проблеме, сколько часов и суток они посвятили её обсуждению.

На фоне того, как Советская Россия, выстояв против иностранной интервенции и преодолев последствия гражданской войны, начала потихоньку вставать на ноги, Турция приобретала особую значимость для Запада в противостоянии с мощным противником. Как правильно заметил Д. Броксхэм, великие державы, «... как только ... осознали свершившийся факт – контроль кемалистами над Анатолией», увидели новую «реальность – новую неэкспансионистскую анти-большевистскую Турцию выгодно инкорпорировать в их региональную политику. С тех пор они использовали Армению как пешку в имперских играх – и этот «реализм» не должен никого удивлять» [210, с. 30].

Как ни прискорбно, приходится с этим соглашаться. По точному выражению Б.А. Борьяна, «После войны армяне ... оказались в балансе держав в качестве издержек войны, но не субъектов права» [117, т. 2, с. 369].

Лозаннский договор являлся последним мирным договором, подписанным с проигравшей войну страной «четверного союза». Прежде такие договоры были заключены с Германией (29.06.1919), Австрией (10.09.1919), Болгарией (27.11.1919) и Венгрией (4.06.1920).

Проведя большое количество заседаний, задействовав в открытые и закулисные переговоры бесчисленное количество людей (начиная с самого мелкого чиновника и заканчивая президентами и премьер-министрами), заключив четыре объёмистых мирных договора, разрушив старые империи и соз-

дав новые государства, великие державы оставили открытым вопрос об ответственности Турции за совершённые ею беззакония и о возмещении армянскому народу понесённые им моральные и материальные убытки.

2.2 Вопрос об армянском геноциде после подписания Лозаннского договора

*Международные отношения – область
холодного ума, а не горячих чувств.*

В.Н. Виноградов

С подписанием Лозаннского договора закрылась последняя страница мировой войны, и мир вступил в новую послевоенную эпоху (через полтора десятка лет выяснилось, что это была эпоха между двумя мировыми войнами). Помимо восстановления разрушенных войной народных хозяйств, воевавшие страны вели также и конкурентную борьбу за обеспечение политико-экономических интересов на международной арене.

Так, Советский Союз, выстояв в борьбе с иностранной интервенцией, спонсируемой западными державами, и начав планомерную деятельность строительства новой экономической модели, стремился к выходу из дипломатической изоляции. Грамотно выстроенная тактика советского правительства с одной стороны (во главу угла был поставлен вопрос экономического сотрудничества), и осознание западными державами необходимости считаться с новыми реалиями (власть большевиков окончательно победила), с другой, привели к тому, что СССР постепенно начал получать международное признание.

США, благодаря войне превратившиеся в крупнейшего кредитора в мире, желали закрепить своё финансовое могущество ещё и торгово-экономическими и военными компонентами. С этой целью они инициировали международную конференцию, на которой американцы протащили принцип «равных возможностей» в торговле на китайской территории,

а также добились установления пропорциональных размеров морских вооружений для договаривающихся стран.

Англия, получив контроль над территориями, ранее входившими в состав Османской и Германской империй (на Ближнем Востоке и Африке, соответственно), мечтала об усилении повсеместно своего военно-политического влияния.

Больше всех пострадавшая в войне Франция стремилась к получению максимальной выгоды от финансово-экономических санкций, наложенных на Германию Версальским договором 1919 г. Англия, которая традиционно придерживалась принципа «равновесия сил» в Европе, преследовала цель не допустить чрезмерного ослабления Германии, чтобы она могла играть роль противовеса Франции на континенте.

Сама же Германия, где политические круги выражали недовольство чересчур жёсткими условиями Версальского договора, всеми правдами и неправдами добивалась облегчения возложенного «репарационного бремени». Проигравшая войну страна остро нуждалась в международной поддержке. Не случайно, что именно Германия первой подписала с Советской Россией договор о установлении дипломатических отношений (16.04.1922). Кроме этого, документ предусматривал развитие торгово-экономического сотрудничества на взаимовыгодной основе.

В условиях, когда ведущие страны мира были озабочены внешними (конкурентная борьба за политико-экономические влияния) и внутренними проблемами (экономический кризис в капиталистических странах, раскулачивание и голодомор в Советском Союзе), на горизонте замаячила новая угроза войны (немецко-фашистский фактор в Европе, и японский – на Дальнем Востоке).

Учитывая все эти обстоятельства, представлялось невозможным, чтобы на государственном уровне они занимались армянской проблемой, не получившей отражения в Лозаннском договоре и доставшейся им в «постлозанский пери-

од» по наследству (это не оправдание правительств великих держав, а простая констатация факта).

Хотя отдельные действия по этому поводу всё же предпринимались. Так, Герберт Асквит и Стэнли Болдуин, бывшие премьер-министры Великобритании, в сентябре 1924 г. направили действующему главе правительства Рамзею Макдональду меморандум, в котором они писали: «Ввиду того, что обязательства, принятые по отношению к армянам, не были выполнены», и «последние имеют моральное право на компенсацию», указанные политики поставили в меморандуме вопрос «о выплате армянскому народу гранта» чтобы «окончательно снять армянский вопрос». «По словам инициаторов предложения, оно "не имело никакого политического значения", а его целью была "окончательная ликвидация ответственности союзных держав в отношении армян"» [113].

Мы видим тут жалкую попытку уважаемых политиков неким одноразовым актом финансового характера подменить сложный политический и гуманитарный вопрос. На большее никто и не сподобился.

Может быть, великие державы проводимую Турцией политику в отношении армян перестали считать преступлением? Или, может быть, эта преступная политика перестала подпадать под действие ещё тогда существовавших законов?

В ситуации, когда правительственные структуры были заняты обеспечением важных, с их точки зрения, государственных интересов, армянская проблема неизбежно превращалась в предмет общественной и частной инициативы. Такой организацией стал Центральный комитет армянских беженцев, подавший петиции в Лигу Наций относительно незаконного отчуждения имущества армян – граждан Османской империи. Дальнейшие обращения армян, к сожалению, не привели к желаемому результату (подробнее об этом говорится в публикации Ю.Г. Барсегова, к которой мы позже вернёмся).

* * *

В сложившейся обстановке «правового вакуума» нашёлся человек, который приступил к разработке правовых основ, способных защитить народы от произвола властей. Речь идёт о Рафаэле Лемкине – польском адвокате еврейского происхождения, первым употребивший «геноцид» в том значении слова, которое оно теперь имеет.

Р. Лемкин, получив профессию юриста, начал заниматься созданием базы международного законодательства для определения признаков преступлений, имеющих транснациональный характер. Этой проблематике он посвятил свой доклад «*Акты варварства – преступление по международному праву*», представленный в Мадриде в октябре 1933 г. на заседании Правового совета Лиги Наций.

В 1944 г. Лемкин опубликовал книгу «Правление Оси в оккупированной Европе: законы оккупации – анализ управления...» Именно в этой работе он впервые использовал слово «геноцид», а также сформулировал основные признаки и содержание понятия геноцида [247, с. 79-95]. Термин «ГЕНОЦИД» сложился из двух слов: от греческого *γένος* – род, вид, происхождение и латинского *caedere* – убивать.

Труд Лемкина был настолько актуальным, что изобретённый им термин «геноцид» вскоре получил официальный статус – он фигурировал в резолюции Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций (№ 96 (I) от 11 декабря 1946 г.). В документе ООН говорилось, что «геноцид является преступлением, нарушающим нормы международного права и противоречащим духу и целям Организации Объединённых Наций» и что «цивилизованный мир осуждает его ...» (см. преамбулу конвенции [186, с. 292]).

Разработанные Р. Лемкиным положения о сущности геноцида нашли отражение в принятом 9 декабря 1948 года (резолюция № 260) на Генеральной Ассамблее ООН законе о геноциде – «**Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него**» [Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide].

В статье II данного документа говорится: «В настоящей Конвенции под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую:

- (a) убийство членов такой группы;
- (b) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;
- (c) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;
- (d) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;
- (e) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую.

А в статье III указывается, что *наказуемыми являются не только деяния непосредственно совершённого геноцида (a), но и:*

- (b) заговор с целью совершения геноцида;
- (c) прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида;
- (d) покушение на совершение геноцида;
- (e) соучастие в геноциде [там же, 292-23].

Статья XIII: Настоящая Конвенция вступает в силу на девяностый день, считая со дня депонирования двадцатого акта о ратификации или присоединении

Конвенция вступила в силу 12 января 1951 года.

* * *

С тех пор учёные из разных стран мира исследуют феномен геноцида, природу и причины его возникновения. В числе работ обобщающего характера, изданных по этой теме в последнее время, отметим труды Эрика Вейтца, Эрвина Стауба, Майкла Манна [148, с. 53].

Историками разрабатываются также вопросы, касающиеся геноцида, совершённого в разных частях света в XX веке: в юго-западной Африке (10-е гг.); в республиках быв-

шей Югославии (90-е гг.); в Руанде (середина 90-х гг.) [там же].

Больше всего трудов по теме геноцида издано об истреблении евреев в фашистской Германии. Это и неудивительно, поскольку после разгрома гитлеровского режима весь мир увидел результаты совершённых преступлений, в которых поражали не только жестокость, но и масштабы зверств нацистов. Несмотря на то, что правительство ФРГ давно признало факт геноцида еврейского народа во время Второй мировой войны, тем не менее, регулярно появляются всё новые исследования об уничтожении евреев в нацистской Германии. Из последних публикаций отметим коллективные труды Майкла Берренбаума и Авраама Пика, а также Гётца Али и Сюзанны Хейма [там же].

Следует заметить, что проблему массового истребления народов во время Второй мировой войны активно исследуют и в Германии, – в стране, развязавшей самую разрушительную в истории человечества войну. В этом плане интересна позиция немецких интеллектуалов в лице редакции крупнейшего журнала *«Der Spiegel»*, в начале 2002 года опубликовавшей обширный материал о тяжёлой участи немцев во время наступления Советской армии на запад в 1945 г. [238; 249]. Позже редакция журнала выпустила на эту тему отдельную книгу под очень характерным названием: «Бегство. Об изгнании немцев из Восточной Европы». В ней хотя и не употребляется термин *геноцид*, но явно прослеживается стремление авторов квалифицировать события последнего года Второй мировой войны как геноцид немецкого народа со стороны советских войск (?!) [217].

Зато слово «геноцид» присутствует в другой публикации (в рубрике «Военные преступления») еженедельника *«Der Spiegel»*, рассказывающей о гонениях на немцев, живших на Балканах. Материал так и назван: «Геноцид этнических немцев» [Genozid an Volksdeutschen]. В нём речь идёт о якобы имевшем место геноциде немцев со стороны властей Югославии в 1944 г., то есть ещё при жизни Гитлера! [211].

Опубликование материалов такого содержания имеет чёткую цель – фальсифицировать историю и дезинформировать общество. Этот приём (по принципу: лучшая оборона – это атака) постоянно применяют и турецкие государственные и общественные деятели, о чём будет сказано ниже.

* * *

В наши дни представители турецкой интеллектуальной элиты, работающие или обучающиеся как в Турции, так и за рубежом, предпринимают активные шаги в деле навязывания международной общественности лживой точки зрения относительно совершённых властями Турции жестокостей по отношению к армянскому народу в 10-е – начале 20-х годов XX века. Обратимся к трудам некоторых из них.

Докторант Вашингтонского университета *Али Куючу* при рассмотрении процесса строительства нового государства в Османской империи, считает, что «турками», в понимании автора – гражданами Турции могли стать только мусульмане (курды, албанцы, лазы). Немусульмане же, в силу того, что те не могли быть «отуречены» [turkified], из списка граждан страны исключались [240, с. 369].

Далее *Али Куючу*, касаясь событий периода первой мировой войны, идёт против своей же собственной логики, называя истребление более миллиона армян просто «демографической трансформацией», вместо того, чтобы сказать, что они были целенаправленно убиты именно по указанной выше причине (армяне, будучи немусульманами, не могли стать гражданами Турции). Ведь ранее «уважаемый» докторант уже оговорился, заметив, что после проигранной Балканской войны (1912 г.) турецкие политики пришли к выводу о невозможности построения многоэтничного государства в Османской империи [там же].

Как видим, мнение автора статьи расходится с точкой зрения турецких политиков (тогдашних и нынешних, об этом см. ниже), считающих, что более миллиона армян погибли (не убили, а именно погибли) в результате предпринятого властями переселения, вызванного военной необходимостью.

Из статьи же вытекает мысль о том, что армян истребили по той причине, что они из-за религиозной принадлежности «не годились» для формирования нового монорелигиозного мусульманского государства.

Полна противоречий и публикация другого турецкого историка, докторанта университета города Торонто (Канада) *Бора Исиара*. Вызывает недоумение уже само её название: «Корни гражданства Турецкой Республики: рождение расы» [236, с. 343]. Если вспомним, что процесс формирования нового государства (теоретические разработки и практические мероприятия) шёл в 10-20-е гг. XX века, трудно представить, что в этот период могла родиться какая бы то ни было раса, в данном случае – турецкая. При чтении статьи становится ясно, что автор явно не в ладах с давно устоявшимися терминами и путает понятие «раса» с термином «нация». Исследуя проблемы и перспективы строительства нового государства в рамках Османской империи, Бора Исиар преследует цель выяснить, «какие группы были достойны гражданства», и «кто имел право существовать в империи» [там же, с. 344].

В основу создания нового государства лежала концепция «тюркизма», в соответствии с которой гражданами могли стать только этнические турки. Исходя из этого постулата, Б. Исиар делает вывод о том, что для построения турецкого государства «*другие расы должны были быть устранены* [had to be eliminated], если турки хотели достичь того, чего достигла Пруссия в войне против французов» [там же, с. 356]. Речь идёт о франко-прусской войне 1870-71 гг. После того, как автор публикации показал незнание в разнице между расой и нацией, вряд ли стоит удивляться тому, что он стоящую перед турками задачу сравнивает с достигнутым немцами результатом в войне с Францией.

Это обстоятельство вынуждает ненадолго отклониться от нашей темы и сделать короткий исторический экскурс. Как известно, вплоть до конца 60-х гг. XIX в. на политической карте Европы единого государства Германии не существовало, а было множество отдельных независимых коро-

левств, герцогств, княжеств: Пруссия, Австрия, Бавария, Баден, Гессен, Пфальц, Саксония и много др. Самыми крупными из них были Пруссия и Австрия, боровшиеся за преобладающее влияние на остальные немецкие государства. Это соперничество в 1866 г. вылилось в войну, из которой победителем вышла Пруссия.

Пользуясь плодами победы, Пруссия объединила большинство мелких и средних немецких стран в «*Северогерманский союз*» [Norddeutscher Bund], возглавив в нём процесс создания единого германского государства. Кроме этого, созданный в 1833 году «*Таможенный союз*» способствовал развитию торгово-финансовых отношений между немецкими странами, подготовив тем самым экономическую почву для объединения.

В пользу создания единого государства высказывались также прогрессивно мыслящие политические и общественные деятели. Против же выступали главы этих самых независимых государств (короли, князья, герцоги). Оно и понятно – какой монарх захочет добровольно расстаться с властью, дарованной ему свыше богом (как считали коронованные особы). Премьер-министр Пруссии Отто фон Бисмарк понимал, что для преодоления сопротивления указанных монархов нужно было событие чрезвычайного характера. В большой политике таковым является, прежде всего, война, война с внешним врагом. К счастью для Бисмарка, такой враг «нашёлся» – в лице Франции, чей император (Наполеон III) сам жаждал предпринять что-то неординарное для упрочения своей власти.

Все эти обстоятельства привели к франко-прусской войне, в которой пруссаки одержали впечатляющую победу. Воспользовавшись состоянием всеобщего ликования, в котором пребывало население во всех немецких государствах, прусские деятели склонили «отнекивавшихся» монархов к согласию на объединение. Так родилось новое государство – Германская империя, императором которой стал король Пруссии Вильгельм I. Всё это случилось очень быстро – от

объявления войны (17 июля 1870 г.) до провозглашения империи (18 января 1871 г.) прошло всего полгода.

Вот чего добилась Пруссия в результате победы над Францией. Спрашивается, что же имел в виду «уважаемый» Б. Исиар, заявляя, что если турки хотели достичь того, чего достигла Пруссия в войне против Франции, им следовало устранить другие расы, проживавшие в Османской империи? Призывая на помощь исторический пример из политической жизни Европы, автор тем самым, видимо, хотел «легализовать» преступные действия турецких властей в отношении нетурецких народов, в том числе армян.

Но если турецкому историку так сильно хочется сравнить Османскую империю с какой-либо европейской страной, так для этого больше годится Австро-Венгерская империя, похожая на Османскую по двум признакам:

1) помимо австрийцев население этого государства также составляли многие национальности (чехи, словаки, венгры, румыны, словенцы);

2) т.н. титульная нация (австрийская) по количеству населения не обладала превосходством над другими народами империи (вместе взятыми). Точно также турки находились в меньшинстве по сравнению с другими народами (армяне, албанцы, арабы, болгары, греки, евреи, курды, сербы).

Кроме этого, Османская и Австро-Венгерская империи были схожи тем, что они, будучи не в состоянии управлять теми народами, над которыми властвовали, стремились к дальнейшим территориальным захватам. Поэтому неслучайно, что обе империи, проиграв войну, распались и прекратили существование.

Однако, вернёмся к анализу статьи, в которой автор, изучив историю Османской империи, сделал вывод о том, что в ней «другие расы жили за счёт турецкой расы» [236, с. 356]. Получается, что армяне, греки, евреи, то есть экономически самая активная часть страны, были иждивенцами на шее у турок?! Тут же приводится цитата из работы турецкого исследователя Зафера Топрака, сказавшего, что девизом нету-

рецких народов Османской империи якобы являлся: «Сил турок хватит на всех» [там же].

Далее автор ссылается на турецкого историка Фюзуна Юстеля, который считает, что «другие расы никогда не были так сильны и жизнеспособны [strong and healthy] как турки. Поэтому смешанность населения империи ухудшала положение турок. Пришло время вернуться к чистым корням турецкой расы» [там же]. Потом следует ещё одна цитата (З. Топрака): «На протяжении веков только турки воевали за империю» и «длительная борьба» за всех остальных утомила их. (З. Топрак). Поведав читателю о бедственном положении турок, Б. Исиар делает вывод о том, что для них «... настало время начать жить для себя ... и быть турком» [236, с. 356].

Но туркам снова не везёт: «Именно в этот момент армяне стали историческими врагами из-за их цели создания своего государства» [там же, с. 357]. В связи с этим возникает вопрос: если турки захотели построить своё государство и жить для себя, то почему то же самое не могли сделать армяне, жившие на своей земле, в отличие от пришедших турков-османов?

В том-то и дело, что, создавая новое государство, турки нуждались в армянских землях, но не в самих армянах. Как же в таком случае, следовало поступать с армянами? По рецепту автора статьи – очень просто: их надо было устранить. Именно для выполнения этой задачи турецкие власти применили в отношении армянского народа «технологии устранения» [technologies of elimination] [там же]. Так, вполне пристойно называется в интерпретации названного историка массовое истребление целого народа.

Примечательно, что автор в своей статье обозначает армянское население Османской империи одним-единственным словом: «армяне» [Armenians], не применяя такие определения, как, скажем, народ, население, нация. Это неслучайно – он хочет представить армянский народ чуть ли не абстрактным существом, не имеющим ни формы, ни содержания.

Для оправдания преступных действий турецкого правительства в годы мировой войны, Б. Исиар прибегает даже к медицинскому сравнению: «... существование турецкой расы зависело от устранения нечистых элементов, ... в данном случае – армян».

В научном труде можно применять любое сравнение, если оно дельное и способствует пониманию исследуемой проблемы. Автор рассматриваемой статьи использует такую сферу человеческой деятельности как медицина. В принципе ничего плохого, но в данном случае турок представляют в роли человеческого тела, а армян – вроде аппендицита или какой-то лишней и ненужной частички, которую надо отрезать и выбросить.

«Врач сначала обследует тело, – пишет Б. Исиар, ставит диагноз и потом хирургическим способом удаляет ту часть тела, которая не может функционировать должным образом». Углубляясь в свои «медицинские» изыски, автор продолжает: *«Точно так же “Комитет единения и прогресса” обследовав территории, где жили армяне, установил, какую опасность они представляли, и определил методы “лечения” пространства путём искоренения “нездоровой” расы с целью сделать социальное тело здоровее»* [236, с. 358].

Это сравнение, претендующее на научность (раз статья напечатана в специализированном научном журнале), переходит все грани приличия и является откровенным цинизмом и оскорблением памяти более миллиона погибших армян – жертв геноцида.

Имеются веские основания подозревать в научной нечистоплотности ещё одного турецкого историка, преподавателя стамбульского университета *Эрала Юлкера*, который в своей статье имевшие место массовые истребления христианских народов, в том числе и армян, прячет за политическим процессом создания нового государства на идеологической основе тюркизма.

Анализируя последствия проигранных Османской империей балканских войн 1912-13 гг., автор обращает внимание на выход албанцев из империи и создание ими независимого государства. После чего возникает вопрос: если даже албанцы – их единоверцы-мусульмане, прежде считавшиеся лояльными подданными султана, не захотели жить вместе с турками в одной стране, то чего же можно было ожидать от немусульманских народов [264, с. 622].

Поэтому, младотурецкие политики занялись формированием национального ядра [national core], и вопрос встал следующим образом: какие народы включать в создаваемое ядро нации и какие – нет [там же, с. 615]. При любом раскладе, доминирующее положение в нём следовало занять туркам [там же, с. 618]. А что касается армян, «поскольку они обладали сильным национальным сознанием [strong national consciousness] и не могли трансформироваться в лояльные оттоманы, то они стали объектами *политики диссимилиации* [dissimilatory politics] [там же, с. 625]. Вот таким, внешне безобидным термином обозначил автор преступные действия турецких властей, выразившиеся в депортации с последующим уничтожением большей части армянского народа.

Но пока ещё не началась мировая война, и не настало удобное время для выполнения задуманных целей, власти начали притеснять армян более мягкими средствами. Например, армянам (также как и грекам) запретили в официальной переписке использовать родной язык [264, с. 620], старались выживать их из экономическо-финансовой деятельности [там же, с. 622], призывали к бойкоту армянского бизнеса [там же, с. 624-5]. Сразу возникает параллель с эпохой фашизма в Германии, когда власти призывали население не покупать ничего в еврейских магазинах!

А тут как раз подоспела война, и под предлогом военной необходимости правительство стало применять *«демографические меры»* (!) [demographic measures] [там же, с. 625]. В виду того, что армяне являлись *«потенциальными*

предателями» (!) [potential traitors], они подлежали перемещению [relocation] [там же, с. 626].

Как видим, автор явно запутался в своих лжедоводах в пользу оправдания (именно оправдания, а не просто объяснения) бесчеловечных действий турецких властей в отношении армян. Их следовало изгнать то ли потому, что они, идентифицирующие себя армянами, не годились для превращения в турок, то ли потому, что они, как «потенциальные предатели», представляли угрозу для страны во время войны.

Отдавая должное лингвистической изобретательности турецкого историка, нужно отметить, что все вышеуказанные термины и определения приводятся с целью прикрыть массовое и целенаправленное уничтожение армянского народа. Не останавливаясь на этом, Э. Юлкер призывает научное сообщество термин «туркификация» впредь применять исключительно в смысле реализации турецкими властями «проекта строительства нации» [project of nation-building] [264, с. 615].

Ещё один турецкий исследователь *Айла Гёл* весь спектр происшедших во время мировой войны трагических событий рассматривает исключительно с точки зрения построения турецкого государства путём выдавливания из страны нетурецких элементов любой ценой.

Этот процесс устранения (на самом деле – самый настоящий геноцид) автор обозначает словом «отчуждение» [othering] [227, с. 121]. По его версии, отчуждение христианских элементов произошло лишь по той причине, что они мешали туркам построить гомогенное турецкое государство. Но если это так, то теряют всякий смысл объяснения совершенного иного рода, а именно, ссылки на военную необходимость, из-за которой, депортировали сотни тысяч армян.

Но А. Гёл концентрирует своё внимание на территориальных спорах между Арменией и Турцией в 1918-1922-е гг., сознательно опуская предшествующие годы, когда согнали и отправили в ссылку армян, которые были убиты или погибли от болезней и голода. Автор явно старается принизить роль и

значение нетурецких народов страны: «Оттоманская Империя являлась многорелигиозной, многоязычной, многокультурной империей, но не многонациональной в современном понятии этого термина» [там же, с. 137, прим. 1]. По версии А. Гёла получается, что, например, греки или армяне, имеющие свою религию, язык и культуру, тем не менее, по национальности не были ни греками, ни армянами!

«Уважаемый» автор, опубликовав свою статью в журнале, издающемся на английском языке в Великобритании, явно рассчитывает дезинформировать и дезориентировать многочисленную публику, выдвигая тезис об отсутствии многонациональной империи, и, соответственно, об отсутствии на её территории разных национальностей. Известно, что на Западе термин «национальность» [nationality] давно подменил другой важный термин «гражданство» [citizenship] и соответственно «гражданин» [citizen].

Во многих официальных документах, в том числе и в паспорте, в графе, указывающей принадлежность владельца паспорта к тому или иному государству (то есть *гражданство*), стоит «nationality». Следуя такой практике, все жители, скажем, Франции, Великобритании, Германии *не только по гражданству* (юридический аспект), *но и по национальности* (вопрос самоидентификации), являются французами, британцами, немцами.

Турецкий историк, зная о шаблонном образе мышления западной общественности, стремится показать, что раз Османская империя не была многонациональной, значит, ей следовало стать мононациональной, то есть турецкой. По мнению автора, греки, армяне, а также арабы и албанцы, в случае их «пригодности», в этом процессе могли служить строительным материалом.

В своё время, в годы после аннексии Кипра Великобританией (1914 г.) до официального объявления острова британской колонией (1925 г.), английские власти сами имели юридические затруднения насчёт того, кем именовать греков-киприотов. Ведь их нельзя было уже назвать *турецкими гра-*

жданнами [Turkish nationals], или хотя бы *турецкими подданными* [Turkish subjects], как это имело место до аннексии. Но и британскими гражданами или подданными греки-киприоты ещё не являлись. Поэтому к ним применили термин *уроженцы Кипра* [Cyprus natives]. Но на острове жили ведь ещё и греки, которые родились в Греции и позже переселились на Кипр. Специально для этой категории людей в обиход ввели ещё одно определение – *жители Кипра* [Cyprus residents].

Турецкие историки, так же как и их соотечественники-политики, с удовольствием прибегают к западным критериям, чтобы обосновать права властей этой страны на те или иные действия (например, подавление восстания армян, выступивших против, как они говорят, *своего*, то есть *турецкого правительства*). При этом они «забывают» сказать о несоблюдении правительством Турции положений и обычаев ведения войны, которые были приняты на мирных конференциях в Гааге в 1899 и 1907 гг.

Заканчивая рассмотрение публикаций турецких историков, следует заметить, что все они солидарны в одном. В силу того, что власти убедились в невозможности сохранения империи в прежнем виде, они решили построить новое государство, население которого должно было состоять из турок и из тех, кто себя таковым считал. А все остальные народы (в том числе и армяне), неподходящие под этот принцип, подлежали удалению. По этой причине и переселили их на юг страны.

Но, как в таком случае быть с другой версией, согласно которой, депортации были предприняты в виду военной необходимости? Поскольку армянское население могло подержать наступавшие российские войска, то его выселили, чтобы лишить врага возможной поддержки. Если верить такому объяснению, тогда совершенно никакого значения не имеет, какие политические процессы разворачивались в довоенные годы и какие принципы вырабатывали младотурки для построения гомогенного государства.

Как видим, *эти две версии исключают друг друга*. Одно из двух: депортацию (считай – геноцид) предприняли или из

соображений создания чисто турецкого государства или из-за военной необходимости. Но турецкой стороне выгодно иметь обе версии на вооружении, дающие возможность маневрировать при оправдании совершённого в отношении армянского народа геноцида.

В действительности дела обстояли следующим образом: поскольку армяне мешали турецким планам построения нового государства, то во время мировой войны, воспользовавшись тем, что всеобщее внимание было привлечено к военным действиям, власти исполнили задуманное. Война являлась удобным случаем, а не причиной депортации и истребления армянского народа.

К сказанному надо добавить, что в печати появляются работы и западных авторов, искажающие картину происшедших трагических событий по отношению к проживающим в Османской империи армянам. Так, в сборнике немецких авторов читаем, что *«акты насилия были проявлением не ... ксенофобии и не фанатической ненависти мусульман к христианам, а скорее они были вызваны стремлением младотурок - реформаторов к созданию по европейскому образцу этнически гомогенного национального государства»* [217, с. 7]. Как видим, тут немецкие публицисты солидаризируются с турецкими коллегами, стремящимися убедить читателя, что цель (создание турецкого государства) оправдывает средство (истребление нетурецких народов).

Но авторы подобного рода публикаций «забывают», что никакие благие намерения, вроде построения этнически «чистого» государства, не могут оправдать уничтожение целых народов, которые, по их мнению, представляли собой «негодный строительный материал» в замыслах турецких политиков. В «Конвенции о предотвращении преступления геноцида и наказании за него» (статья VII) сказано, что такие деяния являются уголовно наказуемым преступлением, и не могут быть возведены в ранг политической деятельности, что могло бы помочь избежать наказания.

Точно так же беспочвенны разного рода ссылки, имеющие целью оправдать совершённые в Османской империи преступления против христианских народов необходимостью военного положения. Статья I вышеназванной конвенции говорит, что «... геноцид, независимо от того, совершается ли он в мирное или военное время, является преступлением».

Власти Турции, уничтожая армянское население страны, могли не бояться гневных протестов или санкций европейских держав. Они, по традиции, предпочитали сохранять хорошие отношения с Османской империей, опасаясь, чтобы конкурент не получил преобладающего экономического и политического влияния в Стамбуле. Потому и произнёс без стеснения д-р Риза Нур, делегат турецкой делегации на переговорах с западными державами в Лозанне, следующие слова: «Наша самая главная, самая существенная и высокая цель – добиться того, чтобы у нас на родине не осталось других народов, языков и религий» [цит. по: 240, с. 368].

Известный французский политический деятель А. Мильеран в 1920 г. писал: «Турецкое правительство не только не выполнило свою обязанность – защитить немусульманское население от грабежей, бесчинств и убийств, а, по видимому, правительство Турции само ответственно за организацию и направление жестоких атак против населения, которое оно должно было охранять» [148, с. 82].

* * *

Итак, мы видим, что армяне, большей частью женщины, старики и дети никак не могли представлять угрозу для безопасности Турции даже в военное время. Изгоняя и убивая армян, турецкие власти преследовали одну единственную цель – искоренить армянское население полностью и таким образом изменить в свою пользу неблагоприятное соотношение христианского и мусульманского (соответственно турецкого и нетурецкого) населения. Годы мировой войны предоставил турецким властям удобный случай для выполнения задуманных ими преступных замыслов.

Великие державы, увлечённые планами захвата чужих территорий, ничего не сделали для того, чтобы защитить армян от произвола турецких властей, что привело к многочисленным жертвам среди мирного населения, не принимавшего никакого участия в боевых действиях.

Когда стихли орудия, и настало время заключения мирных договоров, великие державы озаботились мыслями получения политических и экономических выгод при создании нового миропорядка. Они не только не выполнили обещания данные ими в адрес армян по созданию армянского государства, но и предали забвению свои же намерения по наказанию лиц, совершивших преступления против мира и человечества.

Глава 3. ПРОБЛЕМА ПРИЗНАНИЯ АРМЯНСКОГО ГЕНОЦИДА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

3.1 Прецеденты несения ответственности за военные преступления и преступления против человечества

При рассмотрении проблем, связанных с признанием Турцией совершённого ею геноцида армянского народа, историки, юристы и представители общественности нередко заявляют о том, что:

1) Турция должна понести ответственность (политико-юридическую в виде признания вины и извинения перед Арменией; финансовую в виде возмещения ущерба за отнятое у армян имущество), как в своё время сделала Германия в отношении евреев (после второй мировой войны)

2) Армяне, жертвы геноцида (так же как и евреи жертвы холокоста), имеют право на то, чтобы Турция возместила им понесённый материальный и моральный ущерб.

Поскольку в политике, равно как и в юриспруденции, прецеденты играют очень важную роль, возникает необходимость обратиться к итогам второй мировой войны и выяснить, какие факторы поспособствовали тому, что бы Германия понесла заслуженное наказание за совершённые ею злодеяния. С этой целью обратимся к трём прецедентам и попытаемся выяснить, почему Германия понесла ответственность за свои преступления, в то время как Турция, по сути, «вышла сухой из воды», при этом имея до сих пор очень сильно «подмоченную» репутацию палача армянского народа.

Итак, перед нами три эпизода: а) Нюрнбергский трибунал, б) возмещение Германией ущерба еврейскому народу, в) дело Эйхмана.

Рассматриваемые эпизоды расположены по хронологическому принципу.

а) Нюрнбергский Международный военный трибунал

Вторая мировая война, развязанная фашистской Германией, стала крупнейшей войной за всю историю: по географическому охвату военных действий, по количеству воевавших стран, по размаху используемых вооружений и по масштабам нанесённых разрушений военной и гражданской инфраструктур, вовлечённых в эту бойню стран. Тогда же имели место больше всех нарушений законов и обычаев ведения войны: убийство мирного населения, разрушение гражданских объектов, расстрел военнопленных, пытки – вот неполный список преступлений, совершённых в годы второй мировой войны.

Усиливало впечатление ужаса то обстоятельство, что прошло всего двадцать лет со времени окончания первой мировой войны, самой разрушительной на тот момент, и во всём мире полагали, что человечество обладает достаточным разумом, чтобы не допустить повторения трагедии подобного масштаба. Но это были, как оказалась, всего лишь иллюзии.

Учитывая маленькую временную разницу между двумя войнами, большая часть мирового населения хорошо помнила недавние трагические события первой мировой войны, а многие политики - современники тех ужасов, были теперь в своих странах в высших эшелонах власти. Это обстоятельство способствовало обострённому восприятию творимых нацистами беззаконий, и усиливало решимость наказать Германию – инициатора двух мировых войн.

Поэтому, уже в 1940 г. правительства Великобритании, Польши, Франции, Чехословакии выступили с протестами и обвинениями в адрес Германии за преступления, совершённые её войсками в Польше и Чехословакии [253].

Президент США Ф. Рузвельт в своём выступлении 12 октября 1941 г. осудил казнь пленных, заявил о необходимости наказания «нацистских лидеров, конкретно ответственных за бесчисленные акты зверств», и что «клика лидеров и их жестоких сообщников должна быть названа по имени, арестована и судима в соответствии с уголовным законом»

[10, с. 18]. К этому заявлению присоединился премьер-министр Великобритании У. Черчилль [253].

25 ноября 1941 г. Народный комиссариат иностранных дел СССР опубликовал официальную ноту («О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных») с осуждением жестокости в отношении мирного населения, проявленной фашистами в отношении советских граждан [10, с. 17]. Руководство Советского Союза 6 января 1942 г. распространило декларацию протеста «О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях» [там же].

В январе 1942 г. в Лондоне собрались представители 9 оккупированных Германией стран: Бельгия, Греция, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Польша, Франция, Чехословакия, Югославия. В совместном заявлении от 13 января 1942 г. («Декларация о наказании за преступления, совершенные во время войны») говорилось о намерении сделать всё для того, чтобы в судебном порядке наказать военных преступников, независимо от того, индивидуально совершили они злодеяния или являлись они соучастники (выполняли приказ) [253].

27 апреля 1942 г. советское правительство распространило заявление «О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных ими советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления» [10, с. 17].

В октябре 1942 г. представители 17 стран приняли решение сформировать «Комиссию по расследованию военных преступлений», к концу года соглашение одобрила указанная «большая тройка» (Англия, СССР и США) [253].

Девять стран, подписавших лондонскую декларацию (13.01.1942), обратились совместной нотой к СССР с пожеланием, «чтобы со стороны Советского Союза было сделано предупреждение об ответственности за злодеяния, совершае-

мые гитлеровцами в оккупированных ими странах». В ответ на это обращение советское руководство 14 октября 1942 г. официально заявило: «... преступное гитлеровское правительство и все его пособники должны понести и понесут заслуженное суровое наказание за злодеяния, совершенные ими против народов Советского Союза и против всех свободлюбивых народов на территориях, временно оккупированных немецкой армией и ее сообщниками» [9, с. 5].

На Московской конференции (19-30 октября 1943 г.) Англия, СССР и США приняв «Декларацией об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства» (30.10.2009), согласились, что виновников будут судить там и по законам в той страны, где они совершили преступление. Договаривающиеся стороны указали, что «эта декларация не затрагивает вопроса о главных преступниках, преступления которых не связаны с определенным географическим местом и которые будут наказаны совместным решением правительств-союзников» [9, с. 8]. Тем самым был подготовлен базис для создания военного трибунала в Нюрнберге.

Как видим, преступников, образно говоря, преследовали «по пятам». И хотя война ещё не закончилась, уже было известно, что их ожидало. *Тут следует провести параллель с турецко-армянским конфликтом и вспомнить о том, что во время первой мировой войны Англия, Россия и Франция также заявили о намерении судить турецких деятелей, которые окажутся причастными к резне армян* (нота от 24.05.1915) [2, с. 601-602, прим. 26].

После разгрома фашистской Германии на Потсдамской конференции главы Англии, СССР и США приняли 2 августа 1945 г. совместное коммюнике, в котором фигурировал пункт о наказании военных преступников (ч. VII) [10, с. 42].

Последним же шагом на пути к созданию Нюрнбергского военного трибунала стало принятие Лондонской конференцией двух главных документов: «Договора о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран "оси"» и «Устава международных воен-

ных трибуналов» (8 августа 1945 г.). Нужно заметить, что на этой конференции, длившейся полтора месяца (26.06-8.08.1945), к «большой тройке» присоединилась Франция, став, таким образом, соучредителем Нюрнбергского трибунала [там же, с. 63-65].

Такова вкратце предыстория создания Международного военного трибунала (МВТ). После подготовки необходимой юридической базы и разрешения некоторых организационных вопросов (место нахождения суда, состав судьей и прокуроров и т.п.) трибунал приступил к работе 20 ноября 1945 г. и продлился до 1 октября 1946 г.

А теперь посмотрим, какие факторы и обстоятельства способствовали учреждению трибунала, и каковы его результаты с политико-юридической точки зрения. Итак:

1. Помимо прочих европейских государств пострадавшими от фашистских злодеяний стали также и великие державы, прежде всего, это Советский Союз, а также Франция и Англия (что касается США, то их можно назвать, если не пострадавшими, то хотя бы оскорблёнными, имея в виду, что Германия объявила им войну).

Касаясь вопроса о том, *почему Англия, Россия и Франция не выполнили взятые на себя обязательства* (1915 г.) по наказанию турецких деятелей, виновных в истреблении армянского населения, нужно отметить, что если во второй мировой войне жертвами фашизма стали граждане указанных выше великих держав, *то от бесчинств турок пострадали армяне – граждане Османской империи, то есть, чужой для держав народ.*

2. Главным агрессором являлась Германия – страна, инициировавшая, по сути, и первую мировую войну. Проиграв войну и потеряв значительные территории, Германия, однако, не сделала должных выводов. Слишком мало времени прошло, и слишком свежи были воспоминания о той войне, чтобы не принимать экстраординарных мер в отношении «обнаглевшего» государства, возжелавшего господствовать чуть ли над всем миром. Как пишет британский публицист

Макс Гастингс, «... союзники поняли, что отказ от суда над кайзером в 1918 г. был большой ошибкой» [«Daily mail», 3.10.2006]. Так что, существовала настоятельная необходимость исправления оплошности, допущенной в тот раз победителями.

3. Масштабы совершённых немецкими войсками и другими структурами злодеяний превзошли всякие представления. И всё это случилось в Европе, на глазах тех стран, которые десятилетиями и столетиями считали себя цивилизованными, культурными, образованными, демократичными, гуманными нациями (по сравнению с народами Африки, Востока и аборигенами на американских континентах). Преступные действия в отношении военнопленных, гражданского населения, разрушения невоенных объектов и многие другие нарушения ведения войны больше не могли остаться ненаказанными.

4. Необходимость наказания нацистских преступников диктовалась и политическими соображениями – оно (наказание) должно было служить тому, чтобы больше никогда не повторились подобные ужасы и трагедии. Роберт Джексон, американский обвинитель в Нюрнберге заявил: «Последнее средство предотвращать периодические возникающие войны, которые неизбежно будут иметь место при отсутствии международного законодательства, заключается в том, чтобы призвать к ответственности перед законом государственных деятелей высоко ранга ... Позвольте со всей ясностью заявить: этот закон сейчас применяется в отношении немецких агрессоров, но в будущем он может и будет распространяться на любую другую страну ...» [253].

5. МВТ являлся важной, но всё же составной частью целого комплекса мер, предусмотренных «большой тройкой». Англия, СССР и США на Ялтинской конференции (4-11 февраля 1945 г.) наметили: «... уничтожение германского милитаризма и нацизма и ... разоружить и распустить все германские вооруженные силы, ... изъять или уничтожить все германское военное оборудование, ликвидировать или взять под

контроль всю германскую промышленность, которая могла бы быть использована для военного производства; подвергнуть всех преступников войны справедливому и быстрому наказанию (выделено мной – К.С.) и взыскать в натуре возмещение убытков за разрушения, причиненные немцами; стереть с лица земли нацистскую партию, нацистские законы, организации и учреждения ...» [10, с. 27].

Таким образом, приняв столь важные решения, великие державы не могли их не выполнить (собственно говоря, они и не давали повода усомниться в этом).

Совсем по-другому обстояли дела с наказанием турецких преступников, виновных в истреблении армян: а) Россия, одна из стран подписавших ноту от 24 мая 1915 г., вышла не только из войны, но и союза трёх держав; б) «оставшиеся» же Англия и Франция, прежде всего, заботились об извлечении экономических и политических выгод при заключении мирного договора с побеждёнными противниками, в том числе и Турцией; в) в отличие от Германии, Турция не потерпела разгромного поражения, более того, она выиграла вторую фазу войны (1919-22 гг.). По этой причине западным державам пришлось подписать с Турцией новый, «облегчённый» для неё Лозаннский мирный договор.

В силу приведённых выше обстоятельств Турция, совершив массовое уничтожение армянского населения, избежала такого масштабного наказания, которому подверглась Германия. Хотя злодеяния турецких властей вполне сопоставимы с преступлениями фашистского режима Гитлера.

6. Проведение МВТ являлось также и демонстрацией силы – это, как правило, является прерогативой великих держав. Как известно, все судьбоносные решения относительно будущего Германии, равно как и трибунала, принимали три державы: Англия, СССР, США. На лондонской конференции (26.06-8.08.1945) когда создавался трибунал и его Устав, к указанной тройке присоединилась Франция в лице Временного Правительства. В итоге она стала не только соучредите-

лем трибунала, но и получила свою долю оккупационной зоны Германии и Берлина.

И это несмотря на то, что Франция по сравнению с «большой тройкой» внесла ничтожно малый вклад в победу над фашизмом. Учитывая территорию Франции, потенциал её экономики, количество населения, вооружение армии и её численность, в конце концов, статус великой державы, можно сказать, что она сдалась без боя – менее чем за полтора месяца и после этого около четырёх лет находилась под немецким контролем. Сказанное не оставляет сомнений в том, что Франция получила место в МВТ и оккупационную зону отнюдь не за внесённый большой вклад в дело разгрома фашизма, а исключительно благодаря своему историческому статусу великой державы. Факт включения Франции в число соучредителей показывает, что учреждение трибунала являлось мероприятием политическим.

7. Поскольку трибунал представлял собой мероприятие политическое, то и участвующие в нём страны были объединены общими интересами: полным устранением «немецкой угрозы» путём демилитаризации и денацификации Германии.

Потом прозвучала знаменитая «фультоновская» речь Черчилля (1946 г.), и «железный занавес» стал опускаться между СССР и западной тройкой, в результате чего бывшие союзники превратились во врагов. Это непременно сказалось на ходе судебного процесса и его решений. Американский юрист Телбот Тейлор писал: «Со времени приговора МВТ от 1.10.1946 г. до приговора в процессе "Wilhelmstraßenprozeß" от 11.4.1949 г. прошло много времени. С Советским Союзом не было больше «союзнических отношений». Американская политика состояла в том, чтобы сделать Германию своей союзницей. Чем больше отдалялись от преступлений и от мая 1945 г., тем мягче становились намерения – особенно что касается тяжести наказаний. «Заметно возросла ясность в совершённых злодеяниях и тому доказательств, но стало снижаться желание наказать» [253].

Демилитаризация и денацификация Германии не были доведены до конца. Из-за нужды включения Германии в трансатлантический военно-политический блок (НАТО) западные державы начали спускать на тормоза процесс денацификации, благодаря чему многие деятели – пособники фашистского режима сохранили свои посты.

То же самое можно сказать и о Турции, уничтожившей более миллиона армян. Эта страна приобрела особую важность для западных держав в их противостоянии с Советской Россией, победившей иностранную интервенцию и постепенно становившейся на ноги. *По этой причине, в их глазах вопросы, связанные с армянской трагедией, потеряли актуальность в глазах западных политиков.* На первый план вышли внешнеполитические интересы. Советская Россия, о потом и СССР, со своей стороны, тоже рассматривали Турцию как форпост борьбы против западного империализма.

Поскольку в своей деятельности политики руководствуются интересами своего государства, в случае необходимости, они могут во имя этих интересов пожертвовать чем угодно, в том числе и самыми торжественными обещаниями, данными во имя восстановления справедливости и наказания фашистских преступников.

Хотя после окончания войны прошло уже более 60 лет, западные учёные и политики до сих пор стараются приписать к себе главные заслуги в победе над Германией, умаляя тем самым тот огромный, **самый большой и решающий вклад**, который внёс Советский Союз. На Западе в политический лексикон ввели даже слово-неологизм, т.н. «D-Day» (decision day, с англ. – *решающий день*), обозначающий высадку американских, французских и английских войск на севере Франции и открытие второго фронта. Если указанная операция (высадка в Нормандии) являлась решающим днём в победе над Германией, то, как же следует оценить разгром немецких войск под Сталинградом, или выигранное танковое сражение под Курском?!!

Как видим, ради достижения своих узко политических целей западные государственные мужи в купе с ангажированными историками не стесняются прибегать даже к самой гнусной лжи, тем самым не только искажая правду о войне, но и оскорбляя память миллионов советских людей, положивших жизнь на алтарь общей победы. Совершенно логично, что накануне празднования Дня защитника Отечества президент Российской Федерации Д.А. Медведев заявил о том, что необходимо *«беречь, защищать память о Великой отечественной войне, противостоять любым попыткам её искажения, отстаивать правду о решающем вкладе нашей страны в разгром фашизма и победоносное окончание Второй мировой войны».*

8. Сам трибунал столкнулся с немалыми трудностями – «ведь дело приходилось иметь с преступлениями “нового типа”, *которые не охватывались ни национальным, ни международным правом*» [«Daily mail», 3.10.2006].

Как отмечает британское издание «Daily mail», на процессе «прокуроры ... проявили опрометчивость, включив в список обвинений бомбежки Варшавы и Роттердама – ведь позднее союзная авиация сравнивала с землей большинство немецких городов. Только решение судей о том, что никакие встречные обвинения, связанные с эксцессами союзников, не будут приниматься в качестве доказательств защиты, избавило американцев, британцев, и особенно русских, от большого конфуза» [там же].

Как известно, немецкие боевые самолёты полностью разбомбили английский город Ковентри. Фашистская верхушка, радуясь, говорила, что немцы его «ковентрировали», обыгрывая название города и его бомбёжку [Coventry – «coventrieren»]. Когда настало время мести, английские воздушные силы поступили с Гамбургом точно также, заявив, что они его «гамбургизировали» [Hamburg – «hamburgisieren»] [208, с. 38].

Англия жестоко отомстила Германии за эти воздушные удары. Когда поражение последней не вызывала уже никаких

сомнений, англичане предприняли мощную авиационную бомбардировку немецких городов, разрушив и сравняв с землёй, в частности, Гамбург и Дрезден (хотя никакой военной необходимости в этом не было) [там же, с. 38-50]. О решимости Англии вести массированные воздушные бомбардировки Германии описано в книге британского историка М. Мидделбука «Нюрнбергские рейды» [250]. По своей жестокости английские бомбардировки никак не уступали немецким воздушным атакам над Англией или населенными пунктами Советского Союза.

Некоторые современные интеллектуалы в Германии полагают даже, что британского премьер-министра У. Черчилля следовало бы посадить в один ряд с фашистскими военными преступниками. Немецкий публицист Йорг Фридрих проявил похвальную прямоту и знание исторических реалий, сказав, что Черчилль «в юридическом смысле не может быть военным преступником, поскольку победителям, если даже они совершили военные преступления, никто не в состоянии даже обвинение предъявить» [208, с. 41]. Другими словами, прав тот, кто выиграл войну.

Американский учёный А. Найер отмечает, у трибунала нашлось много критиков, считающих его недостатком тот факт, что «выигравшие войну союзники по собственному усмотрению выбирали судей», и что такие судьи не могут быть беспристрастными и справедливыми ... поскольку «они ориентируются на правоту победителей» [165, с. 51]. Но с другой стороны, гитлеровцы заранее были предупреждены о том, что их будут судить, и что могло их ожидать, кроме как правосудие, свершаемое победителями?

Несмотря на все изъяны, трибуналы всё же наказали нацистских преступников, хотя, может быть, не всех и не по всей строгости закона. *В случае же с Турцией, великим державам не хватило ни сил, ни желания выполнить свои же обязательства и наказать её за резню армянского населения.*

б) Возмещение Германией ущерба евреям

Поскольку одним из вопросов, остающихся открытым до сих пор, является вопрос о возмещении ущерба Турцией армянам за отнятое у них имущество, есть необходимость обратиться к истории и выяснить, какие факторы обусловили согласие Германии произвести компенсационные выплаты жертвам фашистских преступлений (в том числе и евреям).

В предыдущем разделе (а) отмечалось, что одной из предпосылок, способствовавших принятия мер по наказанию нацистской Германии (МВТ) являлось то, что многие страны, и, прежде всего, «большая тройка», ещё во время совершения уголовно наказуемых деяний со стороны фашистов, заявили, что они намерены наказать преступников.

В таком же ключе действовали и евреи, уже в начале войны выработавшие план по предъявлению требований о возмещении материального ущерба за отнятое у них имущество. В США этой работой руководил Я. Робинсон, в Великобритании – С. Адлер-Рудел, а «палестинском» Израиле (до образования государства) – З. Мозес. Координировал всю эту деятельность Мировое Еврейское агентство [World Jewish Agency] [218, т. 3, с. 1219].

20 сентября 1945 г. Х. Вайцман – представитель Еврейского агентства [Jewish Agency] представил правительствам Великобритании, СССР, США, Франции меморандум о возмещении выжившим евреям или еврейским организациям ущерба за отнятое имущество. Часть из этих денег предполагалось направить на финансирование переселения евреев в «палестинский» Израиль [там же].

Инициативу по восстановлению справедливости взяли США. В своей оккупационной зоне они начали арестовывать и замораживать все материальные ценности, которые были силой отобраны в годы фашистской диктатуры. Американцы были первыми, принявшими закон о возвращении имущества (10.11.1947). Французские и британские власти последовали этому примеру в своих зонах (1947-49). Указанные законы распространялись и на Западный Берлин [218, с. 1237, прим.

322]. Помимо этого, были сформированы структуры, которым следовало заниматься еврейскими выплатами: в американской зоне – *Jewish Restitution Successor Organization*, в британской и французской зонах – *Jewish Trust Commission* [там же].

26 апреля 1949 г. Южно-германский Земельной совет [Süddeutscher Landtag – существовал в 1946–49 гг.] принял «Закон об исправлении последствий национал-социалистического беззакония» [Gesetz zur Wiedergutmachung nationalsozialistischen Unrechts]. В августе 1949 г. Его приняли также Бавария, Бремен, Баден - Вюртемберг, Гессен. После образования ФРГ и вступления в силу Конституции он стал федеральным законом.

Так началась работа по преодолению негативных последствий прошлого, чуть позже получившая название – *Vergangenheitsbewältigung*. Частью комплекса мер являлась так называемая *Wiedergutmachungspolitik* – политика восстановления справедливости, подразумевавшая возмещение материального и морального ущерба жертвам фашистского режима.

Под руководством Еврейского мирового конгресса 17 июля 1950 г. был создан *Центральный совет евреев в Германии* [Zentralrat der Juden in Deutschland]. В принятой им программе фигурировало требования о возмещении ущерба и наказании нацистских преступников. Со своей стороны евреи отказывались от мести и возмездия, обязывались активно участвовать в восстановлении Германии и построении единой Европы [203, с. 76].

В это время к процессу подключилось недавно образованное (1947 г.) государство Израиля, и тем самым вопрос о компенсациях приобрёл совсем другое звучание и был поднят на более высокий уровень. *В случае же с компенсациями армянам, жертв – турецких беззаконий, дела обстояли совсем наоборот. В самый нужный момент, когда Турция и прочие державы начали обсуждение условий будущего Лозаннского мирного договора, независимое армянского госу-*

дарство, как субъект международного права, перестало существовать (в результате вхождения в состав СССР).

Итак, 16 января 1951 г. правительство Израиля направило четырём державам официальную ноту, в которой говорилось, что принятые оккупационными властями законы недостаточны и их следует расширить. Нота призывала правительство ФРГ заняться возвращением отнятого имущества и перечислением денег в адрес тех евреев, которые проживали уже вне Германии [218, т. 3, с. 1219].

Через два месяца 12 марта 1951 г. Израиль передал Великобритании, СССР, США, и Франции вторую ноту. В ней указывалось, что из Германии в Израиль переселились 500 тыс. человек. Приём и обеспечение одного человека обошлись в 3 тыс. долларов, в сумме – 1,5 миллиардов долларов. Кроме этого, в ноте указывался также размер конфискованного у евреев имущества – 6 миллиардов долларов [там же, т. 3, с. 1220]. В то время как СССР на эти ноты никак не отреагировал, западные державы заявили, что они не будут чинить препятствий по вопросу репараций, и что данную проблему следует решать в рамках двусторонних германо-израильских отношений.

Хотя нота 12 марта 1951 г. адресовалась «большой четвёрке», а не Германии, бундесканцлер Конрад Аденауэр, для которого «моральные аспекты играли важную роль играли», решил отреагировать положительно, «не дожидаясь давления со стороны западных держав» [там же, т. 3, с. 1220]. Выступая в 27 сентября 1951 в Бундестаге, он заявил: «От имени немецкого народа совершены неопишуемые преступления, и они требуют мер по возмещению морального и материального ущерба» [230, с. 83]. К. Аденауэр заявил, правительство создаст необходимое законодательство по возмещению ущерба и обеспечит его выполнение, но при этом надо будет учитывать финансово-экономическое положение страны [203, т. 3, с. 1221].

Одновременно шла напряжённая работа и с еврейской стороны. 26 октября 1951 г. в Нью-Йорке еврейские общины

основали *Jewish Claims Conference* [полное название – Conference on Jewish Material Claims against Germany]. Председателем избрали президента Еврейского мирового конгресса Наума Гольдмана. Задачей созданной организации являлась представление интересов проживавших вне Германии евреев-жертв нацизма, а также поддержка правительства Израиля на переговорах с ФРГ по возмещению ущерба.

Через полтора месяца 6 декабря 1951 в Лондоне состоялась тайная встреча К. Аденауэра с Н. Гольдманом. Канцлер дал согласие вступить в переговоры по выплате денег за причинённый ущерб, поскольку «для немецкого народа это является моральным долгом и делом чести» [230, с. 83].

В январе 1952 г. парламент Израиля дало согласие правительству войти в контакты с правительством ФРГ по вопросу компенсаций [218, т. 3, с. 1221]. Переговоры начались 21 марта 1952 г. в Нидерландах, в городе Васенаар под Гаагой. Встречи проходили в трёхстороннем формате: ФРГ – Израиль – Jewish Claims Conference. *Говоря о возможности проведения аналогичных переговоров по выплате компенсаций армянам, надо сказать, что она исключалась в силу отсутствия самого важного субъекта в подобных переговорах – армянского государства.*

А в Лондоне примерно в это же время (начало 1952 г.) проходила конференция между ФРГ и тремя западными державами и другими странами (всего 21). Там речь шла о немецких долгах, наложенных на Германию Версальским договором 1919 г., а также репарациях, вытекающих из итогов второй мировой войны.

Переговоры по обе стороны Ла-Манша шли трудно. В то время как пострадавшая сторона требовала установления максимальных сумм для оплаты, представители ФРГ всеми силами стремились снизить размеры выплат. Делегат Германии на лондонских переговорах Г. Абс (из «Deutsche Bank») требовал, чтобы сумму, на которую согласятся ФРГ и Израиль в Гааге, учли в общую сумму, которую следует выплатить Германии. Немецкие переговорщики в Гааге профессор

Ф. Бём и адвокат О. Кюстер задали 25 вопросов, чтобы выяснить, из чего исходит израильская сторона, требуя полтора миллиарда долларов, которую они считали сильно завышенной. Г. Абс, недовольный чрезмерными, с его точки зрения, требованиями противной стороны, прервал работу, что привело к приостановке переговорного процесса в Лондоне и Гааге. Благодаря личным контактам Аденауэра с Гольдманом 22 июня 1952 г. переговоры продолжились.

ФРГ и Израиль, согласовав принципиальные вопросы, 10 сентября 1952 г. подписали соответствующий договор в Люксембурге. Германское правительство обязывалось выплатить 3,5 миллиардов немецких марок в товарах в течении 12 лет. 30% от общей суммы получала Великобритания за снабжение Израиля нефтью, Остальная часть предназначалась для покупки оборудования и техники для израильской экономики [233, с. 1263, прим. 391, с. 1264]. К договору прилагались два протокола. В первом из них Бонн подтвердил намерение создать закон о возврате имущества и возмещении ущерба евреям-жертвам нацизма. Во втором протоколе выражалось намерение перечислить 450 миллионов Израилю для передачи *Jewish Claims Conference*.

Переговоры в Лондоне шли дольше и закончились 27 февраля 1953 г. подписанием договора об оплате Федеративной Республикой Германии довоенных долгов, а также выплатить репарации западным державам (Англия, США, Франция) на сумму 13,5 миллиарда немецких марок.

Власти ФРГ занимались также созданием законодательной базы для выплаты соответствующих компенсаций и другим жертвам нацизма. 18 сентября 1953 г. Бундестаг принял федеральный закон о возмещении ущерба [Bundesentschädigungsgesetz], в его основу лежал закон о возмещении, принятый шестью годами ранее американской оккупационной властью. Закон определял: круг тех лиц, кто мог претендовать на возмещение ущерба; процедуру подачи заявления; государственные органы – ответственные за исполнение данного закона.

6 июня 1956 г. был принят модифицированный «Федеральный закон о возмещении ущерба жертвам национал-социалистического преследования». По новому закону на компенсацию могли рассчитывать те, кто проживал на территории Германской империи в границах 1937 г. Кроме этого, предусматривались выплаты для возвращающихся домой [Heimkehrer], угнанных силой [Vertriebene], а также беженцев из Советской оккупационной зоны и перемещённых лиц. Заявки следовало подать до 1 апреля 1958. Предусмотренная на эти цели сумма составила 7.5 миллиардов марок.

В последующие годы (1959-65 гг.) власти ФРГ выделили средства для выплат лицам без гражданства, а также граждан Норвегии, Дании, Греции, Нидерландам, Франции [233, с. 1252, прим. 351].

* * *

Таким образом, правительство ФРГ, взяв на себя ответственность за нацистские преступления, выплатила жертвам гитлеровского режима компенсации за нанесённый им материальный и моральный ущерб. С первого взгляда может показаться, что Бонн сделал это на исключительно добровольной основе, исходя из осознания вины за фашистские злодеяния. Если говорить об осознании вины, то такое явление действительно имело место среди немецких правящих кругов. Что же касается добровольно произведённых Германией компенсационных выплат, то на них оказывали влияние различные политические факторы.

В предыдущем подпараграфе (3.1.а.) указывалось, что вскоре после окончания войны бывшие союзники стали врагами (с одной стороны СССР, с другой – Англия, США, Франция). Это обстоятельство отразилось на ходе последующих Нюрнбергских процессов: одни обвиняемые получили очень мягкие наказания, несоизмеримые с тяжестью выдвинутых против них обвинений, другие и вовсе были оправданы. Заметно замедлился и постепенно сошёл на нет процесс денацификации, в результате чего многим немцам –

пособникам фашистского режима удалось удержаться на занимаемых должностях.

Сброшенные американцами атомные бомбы (август 1945 г.) на японские города Хиросима и Нагасаки (чем это не военное преступление?) имели прежде всего целью продемонстрировать руководству Советского Союза мощь США (поражение Японии не вызывало сомнений).

Бывшие западные союзники с ужасом смотрели, как СССР, выйдя из войны победителем, превращается в мировую супердержаву (вершитель судеб мира на мирных конференциях союзников, распространение политического влияния на освободившиеся от германских войск страны Восточной Европы, плюс огромный экономический и военный потенциал и т.п.). Этим ужасом и были продиктованы слова о том, что в Европе надо опустить «железный занавес», чтобы Советский Союз не продвинулся в западном направлении (в телеграмме У. Черчилля, посланного 12 мая 1945 г. на имя нового президента США Гарри Трумэна). В следующем году (5.03.1946) Черчилль употребил выражение «железный занавес» публичном выступлении в американском городе Фултон [206, с. 128], сделав его одним из самых известных терминов в истории XX века.

Принимая во внимание географическое положение ФРГ (находится в центре Европы, граничит с ГДР, попавшейся под плотный советский контроль), она могла играть важнейшую роль в противостоянии Запада с лагерем социалистических стран во главе с СССР. Но для выполнения этой миссии Западной Германии необходимо было стать полноправным суверенным государством, которым она в тот момент не являлась: даже после образования в 1949 г. Федеративной Республики Германии, многие её властные функции выполняли Англия, США и Франция в лице «Совета высоких комиссаров» (решение от 8 апреля 1949 г.). Это касается, в частности, внешнеполитических и внешнеэкономических отношений, индустриального региона Рур, кроме этого остатки немецкой армии подверглись разоружению.

Западные союзники понимали, что для усиления их блока, требовалось восстановление немецкой экономики и армии с одновременным внедрением в соответствующие военно-политические и экономические структуры. Первый шаг в этом направлении был сделан уже в 1951 г., когда пять европейских стран (Франция, Италия, Бельгия, Нидерланды, Люксембург) и ФРГ заключили договор о создании «Европейского союза угля и стали» (дата подписания – 18.04.1951, вступления в силу после ратификаций – 27.07.1952).

В 1952 г. с участием ФРГ был подписан ряд важных документов. Первый из них – «Договор об урегулировании вопросов, возникших во время войны и оккупации» [краткое название – *Überleitungsvertrag*]. В соответствии с ним оккупационные власти Англии, США и Франции передали немецкой стороне право выполнения судебных функций [www.documentarchiv.de/da/staatsvertraege.html].

В этот же день был заключён «Договор об отношениях между Федеративной Республикой Германии и тремя державами» [краткое название – *Deutschlandvertrag*]. Согласно этому документу немецкому правительству переходили большие полномочия социально-политического плана, а западные державы, оставили себе власть в вопросах пребывания оккупационных войск на территории ФРГ [<http://www.documentarchiv.de/brd/dtlvertrag.html>].

27 мая 1952 г. ФРГ вместе с Францией, Италией, Бельгией, Нидерландами, Люксембургом подписала договор об образовании «Европейского оборонного сообщества» [*Euro-päische Verteidigungsgemeinschaft*]. Несмотря на то, что последние два договора из-за отказа французского парламента в ратификации не вступили в силу, они в психологическом плане сыграли существенную роль в расширении суверенитета ФРГ и включения её в западные военно-политические структуры. Однако этот процесс продолжился, и задуманное в полной мере удалось реализовать через пару лет с подписанием т.н. *Парижских договоров* (19-23.09.1954). Важнейшими из них были: 1) модифицированный договор *Deutschland-*

vertrag и 2) принятие ФРГ в НАТО (после ратификаций документы вступили в силу 5 мая 1955 г. [206, с. 327-328]).

Ещё один значимый договор ФРГ подписала в марте 1957 г. с Францией, Италией, Бельгией, Нидерландами, Люксембургом. Имеется в виду Римский договор о создании Европейского экономического сообщества (ЕЭС), ставший основой нынешнего Европейского Союза (ЕС). Одновременно вместе с включением ФРГ в европейские и трансатлантические структуры исчезали дискриминирующие порядки политического, экономического и военного характера, установленные союзниками после окончания второй мировой войны.

Тут возникает аналогия с перспективой вступления Турции в ЕС, к чему она стремится давно. *Долгое время это обстоятельство рассматривалось в качестве «пряника» в деле признания ею геноцида армян.* Но, судя по тому, как развиваются события в Европе, Турции вряд ли стоит рассчитывать на вступление в ЕС в обозримом будущем (см. об этом пар. 3.2).

* * *

Итак, мы видим, что процесс восстановления суверенитета ФРГ и её включение в европейские и трансатлантические структуры не только проходили одновременно с возмещением боннским правительством ущерба жертвам фашистского режима, но и в значительной степени способствовали ему. Или, скажем по-другому: путь восстановления суверенитета Германии и её превращение в полноценное независимое государство лежало через признание ею нацистских преступлений и взятие ответственности по заглаживанию вины. Немецкие политики во главе с канцлером К. Аденауэром осознавали взаимозависимость первых двух приведённых выше моментов с третьим.

Несмотря на явные внешние и внутренние стимулирующие факторы, которые должны были двигать германское правительство произвести возмещение ущерба еврейским жертвам нацизма, процесс этот оказался далеко не простым. Ведь в политике одно дело – осознавать свою вину, но совсем

другое – признать её и нести за неё ответственность (добровольно).

Так обстояли дела с вопросом о компенсации немецкой стороной ущерба, нанесённого евреям в годы гитлеровского режима. Положительную роль сыграло то, что после войны власть (законодательная, исполнительная, судебная) в Западной Германии принадлежала оккупационным державам – Англии, США и Франции. Именно в их адрес поступали меморандумы от еврейских организаций с требованием о компенсациях, а оккупационные власти начали принимать необходимые меры по удовлетворению законных требований евреев (см. выше). После образования государства ФРГ, вопросы, связанные с компенсационными выплатами, достались боннскому правительству уже в «полуготовом виде», и практически невозможно было от них отказаться.

Не прошло и года с момента основания ФРГ, как 2 марта 1950 г. в Бонне состоялась конференция промышленников и предпринимателей Германии по вопросам возвращения ценностей [Wirtschaftsverbände / Kommission für Rückerstattungsfragen]. Вряд ли стоит сомневаться в том, что это мероприятие было организовано по указу «сверху», и отнюдь не добровольно собрались видные представители немецкой экономики с целью обсуждения вопроса о том, кто кому и сколько должен платить. Иначе, с какой статьи участники конференции внесли кучу предложений, влекших за собой максимальное уменьшение суммы, на которую им предстояло «раскошелиться»? К таковым относились: 1) не возмещать ущерб за утраченную собственность, приобретённую до 9 ноября 1938 г.; 2) курс перерасчёта стоимости имущества из *Reichsmark* в *Deutsche Mark* должен был быть выгодным тому, кто оплачивает компенсацию (после проведения денежной реформы старую *Reichsmark* на новую *Deutsche Mark* меняли по соотношения 1:10); 3) не компенсировать упущенные проценты и дивиденды за вклады и ценные бумаги; 4) рассмотрение спорных дел (плательщик – получатель) отнести к исключительной компетенции германских судов (это к во-

просу об административном ресурсе!). Дело в том, что при обжаловании заявителем решения немецкого ведомства, апелляцию рассматривала американская оккупационная администрация в качестве последней инстанции.

Как указывает американский историк Раул Хилберг, немецкие промышленники надеялись, что у французов и британцев закончится терпение, а также уменьшится «влияние еврейских кругов в Америке» [233, с. 1239, прим. 327], и тогда они смогут с наименьшими потерями рассчитаться с евреями – жертвами нацизма.

О «добровольности» признания вины и готовности нести ответственность красноречиво говорит следующий факт: правительство ФРГ заявило, что Австрия, вошедшая в состав третьего рейха в результате «аншлюса», тоже участвовала в гонениях и притеснениях евреев. Поэтому ей следует выделить деньги на компенсационные цели. Венские власти категорически отказались от такого «предложения», заявив, что Австрия сама являлась жертвой фашизма (аншлюс лишил её независимости), и ей самой полагается компенсация [там же, с. 1252]. Как говорится, комментарии тут излишни.

На примере Германии можно сказать, что *ни одно государство не захочет добровольно заплатить «на сторону» какую бы ни было сумму, если оно не будет испытывать внутреннюю необходимость или не будет оказано на него давления извне. В этом отношении Турция тоже не является исключением.*

Как бы то ни было, интеллектуальная элита ФРГ понимала, что возмещение ущерба евреям представляло собой часть всего комплекса мер по устранению последствий нацизма, восстановления суверенитета страны и интегрирование в западные союзы в качестве полноправного члена. С целью формирования положительного общественного мнения по проблеме компенсаций в прессе появились материалы, признающие вину Германии и просящие извинения у еврейского народа [218, т. 3. с. 1220].

И всё же, процесс ратификации (4.03.1953) договора Бундестагом оказался весьма непростым. Во-первых, на рассмотрение парламента документ представили лишь в конце февраля 1953 г., то есть, через пять месяцев со дня его заключения (10.09.1952). Во-вторых, самый важный момент – голосование – оказался весьма драматичным.

Из 402 депутатов участие приняли лишь 360. Их голоса распределились следующим образом: 239 – за, 35 – против, 86 – воздержались. Примечательно, что больше всех противников этого договора оказалось в правящей фракции ХДС / ХСС (имела 139 мест). Это при том, что К. Аденауэр призывал своих однопартийцев быть благоразумными, напоминая не только о моральном долге немецкого народа, но и прагматическом значении договора, имея в виду интеграцию в европейские структуры. Отдадим должное оппозиционной Социал-демократической партии (и его лидеру Курту Шумахеру), обеспечившей необходимое количество голосов для ратификации договора.

Как ни странно, израильно-немецким переговорам нашлись противники и в Израиле. Там многие граждане получение денег считали оскорблением, воспринимая такие деньги как запачканные кровью. Подобные взгляды разделяли и в Кнессете, что и показало голосование, проведённое в 1951 г. На рассмотрение был вынесен вопрос о том, вести ли переговоры с ФРГ по компенсациям. «За» проголосовал 61 депутат, 50 – против, 5 – воздержались, 4 – не голосовали [233, с. 1261, прим. 381]. Правительство Б. Бен Гуриона с большим трудом получил зелёный свет на ведение переговоров с ФРГ по выплате компенсаций.

Говоря о возможных компенсациях, нужно отметить, что *среди армян нет единства в этом вопросе. Многие из них считают за унижение получение денег от Турции. Сказанное означает, что выплата компенсаций представляет собой не только финансовую операцию, но несёт в себе и морально-психологическую нагрузку* (подробнее об см. пар. 3.2).

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о наличии определённых факторов, обусловивших готовность правительства ФРГ взять на себя ответственность за нацистские злодеяния.

1) Грамотные действия еврейских организаций, с самого начала войны поставив вопрос о несправедливо отнятом имуществе и о необходимости возмещения ущерба, они и после войны вели целенаправленную работу в этом направлении.

2) С основанием государства Израиль появились новые возможности (юридические и политические) для успешного решения поставленных задач по выплате компенсаций.

3) В послевоенные годы (1945-52) многие властные функции в Западной Германии были в руках у победителей – Англии, США и Франции. Они и заложили на законодательном и исполнительном уровне основы для возмещения Германией ущерба.

4) Власти ФРГ в своей деятельности опирались на понимание немецкого народа. Хотя, народные массы были не в восторге от того, что солидные суммы денег будут уходить за границу. Бюргеры ворчали, что в самой Германии достаточно немцев – жертв фашизма (в том числе беженцев из Восточной Европы), нуждающихся в финансовой помощи.

Мысль о том, что немцы сами пострадали от фашизма, была высказана на очень высоком политическом уровне. Находясь в Израиле, бывший канцлер ФРГ К. Аденауэр встретился с премьер-министром Израиля Леви Эшкол (4.05.1966). За обеденным столом израильский премьер, обращаясь к Аденауэру, сказал: Мы не можем забыть и мы не забудем убитых фашистами евреев. На это немецкий политик ответил: «Нацисты убили не меньше немцев, чем евреев» [216, с. 377-378]. Но, своеобразность ситуации заключалась в том, что, зная о недовольстве народных масс, немецкие политики могли, тем не менее, принимать непопулярные решения по компенсациям, не опасаясь при этом за свою политическую карьеру. Ведь недовольство масс нивелировалось осознанием ими вины Германии за совершённые преступления, и, что

за это надо было платить. Одним словом, народ и власть в данном вопросе были едины.

в) Дело Адольфа Эйхмана

Адольф Эйхман служил в службе безопасности и гестапо при главном управлении имперской безопасности Германии. Дослужился он до звания *Obersturmbannführer* (соответствует чину подполковника). Эйхман принимал непосредственное участие в угоне, пытках и уничтожении евреев.

После окончания войны его арестовали американские военнослужащие. Он представился под фальшивым именем – Адольф Барт. Позже ему удалось сбежать (или помогли?), и начать новую жизнь, поселившись в деревне под именем Отто Хенинг [Otto Hening]. Не чувствуя себя в полной безопасности, Эйхман решил покинуть Германию. Через Австрию он перебрался в Италию. Там от Международного комитета Красного Креста он получил документ на имя уже Риккардо Клемент и в 1950 г. уехал в Аргентину.

Там он проживал в течении десяти лет, пока его не выследили агенты Моссада, которые похитили его прямо на улице вблизи его дома. Агенты вкололи Эйхману сильнодействующий наркотик и в полусознательном состоянии привезли в аэропорт Буенос-Айреса. Службе пограничного контроля Аргентины его представили как старого больного еврея, пожелавшего перед смертью побывать на исторической родине. Всё было исполнено на таком высоком профессиональном уровне, что аргентинские пограничники ничего не заподозрили.

21 мая 1960 г. самолёт авиакомпании Эл-Ал в приземлился в аэропорту Тель-Авива, на борту которого находился самый важный его пассажир – Адольф Эйхман. Через два дня премьер-министр Давид Бен Гурион на заседании парламента официально объявил о поимке фашистского преступника, и что его ожидает суд за совершённые против еврейского народа злодеяния.

Суд над Эйхманом, обвинённым в более десяти различных преступлениях, начался в Иерусалиме 11 апреля 1961 г. После длительного процесса его приговорили, как и ожидалось, к смертной казни. Приговор был приведён в исполнение 31 мая 1962 г. Таким образом, справедливость восторжествовала и преступник, пусть даже через много лет, но всё же понёс заслуженное наказание. Тем не менее, суд над Эйхманом вызвал много споров и пересудов юридического и политического плана:

Начнём с того, израильские власти нарушили суверенитет Аргентины тем, что арестовали (1) и вывезли (2) Эйхмана из страны по поддельному документу (3). Правительство этого латиноамериканского государства тут же заявило протест по поводу нарушений его верховных прав. Разгорелся самый настоящий международный скандал. Дипломаты двух стран начали работать над тем, чтобы устроить личную встречу президента А. Фрондизи и премьера Д. Бен Гуриона на «нейтральном поле» (Франция, Бельгия). Нужно отметить, что аргентинских властей заботило, прежде всего, потеря имиджа как суверенного государства, и отнюдь не то, что их лишили возможности судить этого негодяя Эйхмана.

В конце концов, вопрос вынесли на обсуждение Совета Безопасности ООН. Совбез, рассмотревший проблему 22-23 июня 1960 г., порекомендовал сторонам решить вопрос «полюбовно». Аргентина и Израиль, следуя рекомендациям СБ ООН, 3 августа 1960 г. приняли совместный документ, в котором они согласились «считать вопрос закрытым». Аргентина, приняв выраженные в дипломатической форме извинения, была рада тому, что она вышла из этой неприятной истории с наименьшими «имиджевыми» потерями. Более того, ей даже для проформы не пришлось заступиться за своего жителя. Поскольку Эйхман въехал в страну и проживал в ней под фальшивым именем, то всё его пребывание в Аргентине оказалось нелегальным, и тем самым Эйхман (он же – Клементе) потерял шансы на покровительство аргентинского правительства.

Несмотря на то, действия указанного преступника подпадали под юрисдикцию международного суда, *ни одно государство не выступило с инициативой его создания*. Более того, самоустранилась от этой проблемы даже ФРГ, чьим гражданином Эйхман формально ещё оставался (он не подавал прошения о выходе из немецкого гражданства, и власти Германии никогда не лишали его гражданства).

В донесении, направленном неким Хоугтоном из Парижа в Государственный департамент США (19.06.1960), канцлер Аденауэр уведомил израильские власти о том, что ФРГ не будет требовать выдачи ей Эйхмана. Узнав об этом, некоторые государственные деятели, захотевшие заработать политические очки, оживились и заявили о том, что Бонн обязан добиваться того, чтобы Эйхмана вернули на родину. В ответ на подобные высказывание МИД сообщило, что между ФРГ и Израилем нет договора о выдаче преступников. К тому же, согласно ст. 2 (1) закона о выдаче от 1.09.1954 г. Израиль выдаёт преступников только тем странам, с которым имеется соответствующий договор. Когда прокурор земли Гессена Фритц Бауэр поинтересовался, нельзя ли подписать такой договор с Тель-Авивом, работники МИДа торжественно ответили: у нас нет дипломатических отношений с Израилем [209]! В общем, это был случай, когда чиновники ничего могли делать и были тому очень рады.

Несмотря на эти отговорки, ФРГ имела весомые доводы запросить экстрадицию Эйхмана: а) он являлся гражданином Германии; б) он совершил преступления, в том числе, на территории Германии; в) немецкими властями 1956 г. на его имя был уже выписан ордер на арест. Но Бонн не проявил никакого желания относительно выдачи Эйхмана. И дело тут не столько в том, что не хотелось возиться с судебным процессом, сколько в том, что власти боялись, что на суде могут выплыть такие имена, как например, как Ганс Глобке (советник самого канцлера Аденауэра!), или Рейнхард Геелен, завербовавший для ЦРУ многих бывших эсэсовцев. Как явствует из рассекреченных американских архивных документов,

ЦРУ и БНД (немецкая разведывательная служба) были в курсе того, где и под каким именем проживал Эйхман – Клементе [99, 7.VI.2006].

Поскольку Аргентина (страна проживания) и ФРГ (гражданство) не изъявили никаких желаний относительно нацистского преступника, а желающих создать международный трибунал не нашлось, израильские власти спокойно смогли устроить процесс над Эйхманом. Хотя в прессе появлялись материалы, ставящие под сомнение правомочность суда в Иерусалиме на том основании, что:

1. обвиняемого судит государство, на территории которого он не совершал преступления;

2. обвиняемого судит то государство, которого на момент совершения преступления не существовало вовсе (Израиль был основан в 1947 г.);

3. Эйхмана судят в израильском государстве израильские судьи. Поскольку обвиняемый совершил преступление против человечества, то его должен был судить международный суд (как 1945–46 гг. Нюрнбернский трибунал).

Израиль обосновывал право судить Эйхмана тем, что тот совершил преступления против еврейского народа, а государства Израиль является защитником интересов евреев. Кроме этого, у Тель-Авива имелся весьма сильный аргумент в виде прецедента: ведь Нюрнбергский трибунал выдал Польшу и другим странам преступников, совершивших злодеяния в отношении граждан той или иной страны.

Если даже допустить, что израильская сторона не имела юридического права суда над Эйхманом, то она благодаря успешно проведённой операции в Аргентине получила физическую возможность (соответственно и фактическое право) судить преступника. Я извиняюсь за не очень красивое сравнение, но как говорится, кто «ужинает девушку, тот её и танцует». Так и в случае с Эйхманом: кто надел на него наручники, тот и завоевал право его судить.

А как развивались бы события, если Израиль, обнаружив разыскиваемого преступника в Аргентине, начал бы

действовать обычными правовыми средствами – обратился бы к правительству этой страны с просьбой о выдаче Эйхмана? Учитывая заинтересованность США, ФРГ и всего Запада в предотвращении суда над Эйхманом (заботясь конечно не о его жизни, а исходя из того, чтобы не «вылезли» ненужные подробности о порочной деятельности ЦРУ и БНД), Буэнос-Айрес, скорее, ответил бы, что не располагает информацией о месте нахождения такого человека. При этом, ему тайком бы сменили место жительства. Потом завязалась бы долгая переписка, просьбы, протесты и т.п. В общем, произошло бы примерно то же самое, что и в случае с Августо Пиночетом между Великобританией, Испанией и Чили.

* * *

Прецедент Эйхмана в армянском случае уже невозможно применить по той причине, что тех, кто повинен в проведении геноцида армян, уже нет в живых.

Что же касается турецких преступников, прежде занимавших различные государственные посты, то они после проигранной войны покинули Турцию и укрылись кто где смог. Отсутствие желания у великих держав и физическую невозможность Армении наказать сбежавших турецких преступников компенсировали *армянские народные мстители, выследившие и приведшие в исполнение смертные приговоры в отношении некоторых из них (Талаат-паши, Саида Халима, Джемала Азми, Джемала-паши и др.).*

* * *

Рассмотрев три случая ответственности, разных по форме и содержанию, которые понесли как индивидуумы (а, в), как государство в целом (б), можно сделать вывод о том, что:

1) если справедливость восторжествовала, и кто-то понёс наказание, то это случилось потому, что этого желали ведущие державы, исходя из своих политических интересов;

2) тот факт, что многие преступники остались безнаказанными, объяснялся опять таки политической заинтересованностью западных держав.

3) израильским властям удалось покарать преступника не благодаря, а вопреки воле западных держав. Во имя справедливости Израилю пришлось даже пойти на некие нарушения суверенитета другого государства.

Пока победители (западные союзники и СССР) были ещё партнёрами, всё шло чинно и благородно – в соответствии с достигнутыми договорённостями. Союзники уничтожили германскую государственность (на время), поделили между собой её территории для оккупации, распустили армию вместе со спецслужбами, и главное – устроили суд над нацистами. Но после того как началось противостояние Запад – лагерь соцстран, суд, справедливость и наказание преступников отошли на второй план. В результате одни получили мягкие наказания, другим смягчили приговоры, третьих оправдали, а четвертые вообще избежали суда и даже сохранили свои должности.

На фоне имевших место фактов, приведённых выше, особенно нелепо звучали протесты и призывы о несправедливости израильского суда над Эйхманом и необходимости создания для него международного суда. Но такой суд в Нюрнберге уже показал, что он, являясь инструментом политических игр, тоже может быть несправедливым.

Что же касается компенсационных выплат, произведённых правительством ФРГ в адрес жертв нацизма, то они были не только актом добровольности, но они ещё и обуславливались политическими интересами ФРГ, заключающимися в восстановлении в полном объёме суверенитета страны. Хотя, ни в коем случае нельзя отбрасывать и факт осознания вины властями и народом Германии перед жертвами фашистских злодеяний.

3.2 Политика Турции и признание армянского геноцида: проблемы и перспективы

Нашей важнейшей, ключевой и наивысшей задачей является добиться того, чтобы в нашей стране не было других народов, языков и религий.

д-р Риза Нур, турецкий политический деятель, 1923 г.

Султанский (1856-1908 гг.) и младотуркский (1908-1923 гг.) периоды правления были отмечены неизменно враждебным, нетерпимым отношением турок к армянскому народу, проживающему на своей родной земле. Все официальные заявления стамбульских властей о намерениях проводить реформы с целью улучшить положение армянского населения, оставались пустой фразой.

В 1911 г. «Вестник Европы» писал: «Несомненно, если когда-нибудь младотурки принуждены будут уступить своё положение у власти так жадно рвущимся к ней оппозиционерам, последние станут продолжать ту слепую и упорную политику «оттоманизации», которая причинила обновлённой Турции столько опасных для неё внутренних осложнений. [58, с. 413]. Кемалисты, придя на смену младотуркам, полностью оправдали этот прогноз, взяв на вооружение агрессивный шовинизм. Вот высказывание бывшего министра юстиции Махмута Эсат Бозкурта, не требующее комментариев: *«Кто не является турком, тот имеет право только на то, чтобы быть слугой турка»* [235].

Турецкий социолог и писатель Танер Акчам первые годы правления Мустафы Кемаля характеризует следующим образом: «Через серию реформ, таких как западный стиль одежды, они попытались стереть следы недавнего прошлого, которое стало нежелательным, и с принятием латиницы в 1928, более или менее недоступным для молодого поколения, это стало возможным. *Реальное прошлое было подменено официальной историей*, написанной несколькими избранными специалистами. Официальная история стала единственным признанным источником. События до 1928 г. и летописи

прошлых поколений стали закрытой книгой. Упоминание прошлого стало зыбким, и пределы памяти, а также исторического сознания снизились к не более, чем личному опыту людей и их ближайшего окружения» [106].

Может быть, по прошествии нескольких десятков лет изменились дела к лучшему? Но ставить вопрос так, означает проявлять неоправданный ничем оптимизм. Например, немецкий журнал «*Der Spiegel*», изучив соотношение общество – власть, отмечает, что совершенно безнадежно в Турции постараться у полицейского узнать его имя. Также бессмысленно было бы ожидать от служащего таможни, что он с турецким посетителем будет вести себя как человек с человеком [205, с. 144].

В числе самых распространённых правонарушений со стороны государственных структур Турции можно назвать следующие: пытки и оскорбления граждан полицией; применение жестокого насилия против демонстрантов; создание препятствий для правозащитников; безнаказанность полицейских сил за их незаконные действия против граждан и смертельные случаи при невыясненных обстоятельствах; наличие в уголовном кодексе Турции параграфов, дискриминирующих женщин; отсутствие уголовной ответственности за насилие над женщиной в семье [207, с. 29].

После того как руководство ФРГ решило поддерживать вхождение Турции в Европейский Союз, германское правительство постоянно делает ей «политические скидки». Гюнтер Ферхойген, ответственный в вопросах расширения ЕС, заявил, что в Турции якобы «больше нет систематических пыток». «*Der Spiegel*» по этому поводу иронично заметил, что возникает вопрос о том, являются ли время от времени случающиеся пытки достойными осуждения [там же].

Луиджи Винчи, итальянский депутат Европарламента, заявил, что «это оскорбление для Европейского Союза, просящего Турцию, быть более демократичной» [148, с. 96]. В последнее время по требованию руководства ЕС турецкие власти принимают новые, демократические законы. Но, как

показывает практика, принятие того или иного закона в Турции вовсе не означает его соблюдения.

В далёком уже 1879 г. специалист международного права профессор Ф. Мартенс, убедившись в существовании глубокой пропасти между великими державами и Турцией во всех областях жизнедеятельности государства, писал относительно включения в 1856 г. Турции в круг европейских держав: **«Большей фикции и большего насилия над здравым смыслом мы не знаем»** [31, с. 68].

Учитывая положение дел в современной Турции, стремление западных политиков сделать Турцию членом Европейского Союза выглядит такой же фикцией и таким же насилием над здравым смыслом, как и 130 лет назад.

Для примера обратимся к публикации в журнале *«Der Spiegel»*, в которой рассказывается о массовом нарушении прав человека в Турции со стороны правоохранительных органов. В результате под суд отдали не истинных нарушителей закона – полицейских, а жертв полицейского произвола – за якобы оскорбление правоохранительных органов. А правительство в «Национальной программе» по вступлению в ЕС заявило, что надо принять меры, с целью недопущения повторения случаев злоупотреблений, имеющих место в стране. Комментируя реакцию властей, турецкий историк Мурат Бардакчи сказал: **«Это мне что-то напоминает. Таковы же были слова султана Абдулмеджида в его указе о проведении великих реформ в Османской империи. Дело было в 1839 году»** [275, с. 127].

Власти Турции ведут мощную контрпропагандистскую деятельность по всему миру [96, 2005, № 11, с. 11]. Выше упоминались турецкие историки, обучающиеся или проходящие стажировку в зарубежных университетах, чьи публикации появляются в солидных международных научных журналах, издающихся в Англии.

Отметим несколько фактов, ясно показывающих решимость турецких властей всеми силами противостоять здравому смыслу и исторической правде. Так, по сообщениям не-

мецкой *«Frankfurter allgemeine Zeitung»*, власти Турции предприняли активные усилия, чтобы добиться изъятия из немецкого школьного учебника по истории пассажа (в главе «Война, технологии и гражданское население» периода Первой мировой войны), где говорилось о геноциде армянского населения в Османской империи. Давление со стороны Турции оказалось настолько сильным, что германским властям пришлось пойти ей навстречу и исключить злополучный эпизод из учебника [98, 25.01.2005].

Газета *«Ноев ковчег»* (со ссылкой на турецкую газету *«Мармара»*) написала, что турецкие общественные деятели намерены подать иск в Международный суд с жалобой на германский суд, вынесший оправдательный приговор в отношении Согомона Теилеряна, застрелившего в 1921 году в Берлине Талаат-пашу, одного из главных палачей христиан в годы мировой войны [96, 2005, № 8, с. 5]. Абсурдность данного иска видна невооружённым глазом, это прекрасно понимают и сами инициаторы данного мероприятия. Они действуют по принципу: лучшая оборона – это атака.

По сообщению *«Der Spiegel»*, турецкие власти вблизи города Ыгдир построили массивное железобетонное сооружение в 40 метров в высоту и с подземным пространством. Называется оно *«Soykirim Müzesi»*, то есть, музей геноцида. Читатель удивится – как могут в Турции в названии музея употребить слово «геноцид», если стамбульское правительство всеми силами противится использованию этого слова в отношении массового истребления армян в годы первой мировой войны? В том то и дело, что тут жертвами «геноцида» выступают не армяне, а ... турки. «Не мы совершили геноцид, а армяне. Ереван должен свои обвинения взять назад», – говорит смотритель музея Саглар Иилдирим [274, с. 114].

Выше (см. пар. 1.1) приводилось содержание манифеста, распространённого в Стамбуле по случаю визита Великого Князя Николая Николаевича к турецкому султану после окончания русско-турецкой войны 1877-1878 гг. В манифесте

султана объявили победителем, а русских солдат, готовых совершить марш-бросок и штурмом взять столицу, назвали заложниками. Как мы убедились, ложь является давней традицией турецких властей, и приведённая цитата музейного работника лишний раз это подтверждает.

Хорошо информированная американская газета «*Washington Times*» отмечала, что правительство Турции тратит большие деньги на лоббистов турецких интересов, а также на PR - фирмы и средства массовой информации для формирования положительного образа Турции в глазах широкой общественности [102, 8.08.1999].

Типичным материалом, обслуживающим такие стремления турецких властей, является эссе немецкого публициста Дитера Вильда в журнале «*Der Spiegel*». Автор с самого начала заявляет, что Европа поступает по отношению к Турции несправедливо, заставляя её 37 лет ожидать вступления в Европейский Союз (ЕС). Точкой отсчёта у автора является 1963 год, когда Европейское Экономическое Сообщество (ЕЭС), прообраз ЕС, подписало с Анкарой договор об ассоциированном членстве Турции.

Д. Вильд считает: эта страна своей историей доказала, что она заслуживает лучшего к себе отношения. Он высказывает мнение, что турки с таким умением и терпением [mit *Geschick und Toleranz*] управляли Османской империей, что она фактически являлась турецко-греческим кондоминиумом [271, с. 176].

Видимо, господин Вильд или не знает значения слова «кондоминиум», или сознательно старается ввести в заблуждение читателя и убедить его в благородном образе управления Турцией. Кондоминиум (от латинских слов: *con* – вместе; *dominium* – владение) означает «совладение, совместное господство нескольких государств над одной территорией или совместное управление ею» (см.: «Популярный юридический словарь». М, 2000, с. 326). По версии немецкого автора получается, что греки принимали такое же участие в управ-

лении страной и пользовались такими же правами, как и турки! Но факты, приведённые нами в первой главе, доказывают несостоятельность и лживость такого тезиса.

Д. Вильд хвалит турецкие власти за провозглашение конституции в 1876 году [271, с. 176], «забыв» при этом сказать, что она практически не действовала. Иначе не указали бы младотурецкие политики после совершённой ими революции, что своей основной задачей они считали введение в действие конституции (см. их обращение от 13 июля 1908 г. к представителям иностранных дипломатических миссий [85, 1908, август, с. 791]).

За участие Турции в первой мировой войне автор эссе возлагает вину на европейские державы, снимая тем самым с неё ответственность. Он считает, что западные державы – победители повели себя по отношению к Турции несправедливо и беспощадно её «ампутировали» (имеется в виду отторжение некоторых территорий Османской империи) [271, с. 178]. Далее Д. Вильд заявляет, что «Кемаль является самым крупным европейским культурным революционером XX века», и что преследуемые нацистами люди получили в кемалистской Турции «более надёжное убежище», чем в странах западной демократии [там же]. Хотя известно, что, например Вилли Брандт (будущий канцлер ФРГ) нашёл убежище в Норвегии, а после оккупации этой страны гитлеровскими войсками он перебрался в Швецию. А Альберт Эйнштейн уехал в Соединённые Штаты.

После всего сказанного вряд ли стоит удивляться, что немецкий публицист видит теперешнее положение дел в Турции исключительно в розовых тонах, заявляя, что там происходит «модернизация», от которой «дух захватывает» [atemberaubende Modernisierung] [там же, с. 176].

Д. Вильд восхищается решением президента Мустафы Кемала, превратившего собор Святой Софии в Константинополе в музей, и, проявляя явно мазохистские стремления, добавляет, что *Kölner Dom* (христианский собор в Кёльне и

главная достопримечательность города – К.С.) никогда не будет музеем [там же, с. 178]. Вряд ли нужно говорить, что такое сравнение некорректно. *Kölner Dom* не должен быть превращён в музей по той простой причине, что он был построен христианами как христианский собор и должен таким образом остаться. Мы считаем, что *превращение в музей собора Святой Софии – этого выдающегося памятника христианства, захваченного, осквернённого и разграбленного турецкими захватчиками в 1453 году, есть минимум того, что можно было предпринять «самый крупный европейский культурный революционер XX века (по версии Д. Вильда)».*

Дитера Вильда, заканчивающего свою работу восклицанием «*Образцовая Турция!*» [Vorbildliche Türkei!] [там же], с полным основанием можно отнести к числу достойных продолжателей туркофильской традиции Генри Лайярда.

В таком же ключе написана книга американского историка Джастина Маккартни, исследующего вопросы этнических чисток в отношении османских мусульман (!). Не случайны и годы, которые охватывает данная работа – 1821-1922 гг., то есть с момента начала греческого восстания за независимость до окончания греко-турецкой войны, итоги которой подвёл Лозаннский договор 1923 года [148, с. 107].

В этой «образцовой» Турции власти собирались судить турецкого писателя Орхана Памука за то, что в данном им интервью швейцарской газете «*Tages Anzeiger*», он сказал то, что давно уже известно и не подлежит никакому сомнению, а именно – о массовых убийствах армян и других народов в Османской империи [там же]. О. Памук, после его выступления стал получать угрожающие звонки от возмущённых сограждан; нашлись и такие, которые призывают запретить его книги. А некоторые турецкие ультра-националисты даже считают, что Европа якобы «использует армянские, курдские и другие меньшинства для того, чтобы расчленить Турцию» [там же].

Тесса Хофманн, немецкий социолог и научный сотрудник Института Восточной Европы в Берлине сообщает: «Писателей, журналистов, правозащитников ожидают уголовное преследование, общественное порицание и сжигание книг, если они, как и Орхан Памук, хоть как-то затронут проблему геноцида». Так, прокуратура Турции запросила тюремный срок в отношении издателя и правозащитника Рэджипа Зараколу за издание книги армянского писателя Джорджа Джерджиян [Jerjian] «Правда нас освободит». В ней «автор призывает Турцию признать исторические факты, а армян к отказу от дальнейших требований» [www.bpb.de].

В июне 2006 г. Союз юристов Турции выдвинул обвинение против турецкой писательницы Элиф Сафак за, якобы, «оскорбление Турции» в книге «Отец и его потомки». По сведениям Союза турецких издателей, обвинения были выдвинуты в отношении 22 издательств, 47 авторов и 49 книг [www.bpb.de].

Подтверждает печальную тенденцию убийство в Турции журналиста и издателя еженедельника «Агос» Гранта Динка. Скорбя по трагической смерти этого замечательного человека, мировая общественность воздала ему должное за его активную гражданскую позицию, мужество и высокий профессионализм.

Английское издание «*The Economist*» отмечало, что турецкие власти вместо того, чтобы хотя бы достойно молчать, стараются убедить международное сообщество в верности собственной интерпретации событий, повлекших за собой гибель почти двух миллионов мирных жителей [148, с. 107].

Проводимая турецкими властями политика ясно свидетельствует, что они не только *не намерены признать совершённый правительством Турции геноцид* христианских народов, но делают всё для того, чтобы дезинформировать мировое сообщество относительно происшедших в период первой мировой войны преступных действиях, повлекших за собой миллионы человеческих жертв. По версии турецких обществ-

венных и политических деятелей, жертвами геноцида являются турки, а вовсе не греки или армяне. Чего стоят одни названия приведённых ниже книг, изданных как в Турции, так и на Западе: «Архивные документы о злодеяниях и геноциде, учинённых армянами против турок», «Армянские злодеяния и терроризм», «Армянский файл. Миф о невинности», «Телеграммы Талаат-паши. Исторический факт об армянской фикции» [там же, с. 108].

* * *

Выше (пар. 2.2) мы уже ознакомились со взглядами турецких историков, стремившихся показать действия властей в угодном для них свете.

Однако, для составления целостного представления политики современной Турции в отношении армянского геноцида, необходимо выяснить также официальную позицию турецкого правительства. Ведь именно с ним следует вести переговорный процесс армянским властям. А для того чтобы выстроить единый стратегический план действий и успешно его применить в переговорном процессе, необходимо знать, какова позиция соперника по спорным вопросам, какими аргументами он располагает, в чём их слабые и сильные стороны, следовательно, как и чем можно их опровергать.

С этой целью обратимся к двум документам, опубликованным Министерством иностранных дел Турции. Первый из них (на английском языке) располагается на интернет-сайте турецкого МИД, а второй в печатном виде издан в Анкаре на немецком языке. Учитывая роль внешнеполитического ведомства в деятельности государства, высказанные в этих двух документах соображения следует считать официальной позицией турецкого государства по проблемам геноцида армянского народа.

Давайте же посмотрим, на чём она основывается

Итак, первый документ – «Армянские утверждения о геноциде. События и факты», помещённый на интернет-сайте МИДа Турции, содержащий восемь фактов-доводов [22].

Факт 1: «Демографические исследования доказывают, что перед Первой мировой войной в Османской империи жили менее 1,5 миллиона армян. Поэтому, утверждения о том, что погибли больше 1,5 миллиона армян из Восточной Анатолии, являются ложными». Далее следуют ссылки на разные исследователи (А. Тойнби, Дж. Маккарти), а также энциклопедии и справочники, после чего делается вывод о том, что погибнуть могли меньше – от 500 до 600 тысяч армян.

В таком суждении поражает не только сам «бухгалтерский» подход к проблеме геноцида, но и «облегчающий» с точки зрения турецких властей вывод – мол, погибло не полтора миллиона, а 500 или там 600 тыс. человек. Читая подобного рода рассуждения, сначала приходится отбрасывать эмоции, чтобы потом задать вопрос – господи, если армянская сторона настаивала бы на цифре 600 тыс. погибших, тогда что? Вы согласились бы с ней, или же стали бы также забалтывать вопрос, выдвигая новые, якобы более точные данные жертв геноцида.

Оспаривая общее число погибших армян, турки преследуют двоякую цель: 1) подвергнуть сомнению и перевести вопрос в дискуссию во что бы то ни стало, чтобы показать что приведённое количество погибших неверно. 2) постараться снизить эту планку с целью заявить: были убиты не все, а лишь малая часть народа, следовательно, данный факт не подходит под определение «геноцид» (конвенция ООН 1948 г.)

Факт 2: «Армянские людские потери были меньше по сравнению с гибелью 2,5 миллионов мусульман за тот же период. Достоверная статистика показывает, что погибло менее 600 тыс. армян за период войны 1912-22 гг. ... Но надо посмотреть и на число погибших мусульман и евреев. Статистика говорит нам, что более 2,5 миллиона мусульман умерли. Таким образом, 1912-1922 годы были страшным периодом для человечества, а не только для армян. Эти числа не говорят нам о причине смертей граждан Анатолии»

Видимо, только в руках турецких властей работает калькулятор исправно, определяя количество «погибших мусульман и евреев». Как видим, тут заговорили обо всех мусульманах, а это – албанцы, курды, арабы. Но какое отношение могли иметь армяне к гибели, скажем албанцев, проживавших в Европе, или арабов в Месопотамии или Палестине? – Никакого. Но они нужны тут для улучшения общей статистики, для чего можно и евреев сюда приплюсовать.

Тут не случайно взяты хронологические рамки – 1912-22. Как известно, в 1912-13 гг. Турция участвовала в двух войнах, сражаясь против болгар, сербов, греков, итальянцев и ... албанцев! Ведя «двойную бухгалтерию» – турки воюют против албанцев, следовательно, убивают друг друга – можно увеличить общее количество умерших в стране. Много людей погибло в годы мировой войны (1914-18), но зачем Турция ввязалась в эту войну? Ответ прост – для захвата новых территорий на Кавказе (будучи не в состоянии управлять тем, что имелось в наличии). Кроме этого, в 1919-22 гг. Турция воевала против греков, тоже потеряв не одну тысячу жизней. Собрав воедино всех погибших в войнах 1912-22 гг. (к которым армяне отношения не имели), турки кладут их на одну чашу весов, желая нивелировать армянские потери.

Факт 3: «Часто цитируемые армянские доказательства основываются на ненадёжных источниках». Например, показания американского посла Генри Моргантау лживы и пристрастны. Он приехал в Турцию не с гуманитарной, а политической целью. Его задача была найти или сфабриковать удобные для правительства США факты, которые побудили бы Вашингтон вступить в войну.

Во-первых, доказательства, подтверждающие преступные действия турецких властей, являются вовсе не армянскими. Они (доказательства) созданы и собраны сотнями и тысячами очевидцев тех мрачных событий. Во-вторых, несерьёзно говорить, что посол США колесил по стране с целью собрать или сфабриковать доказательства против Турции

и получить повод вступления в войну! Иначе, американцы то ли боялись, то ли стеснялись это делать!

Факт 4: *Смерть армян не представляла геноцид. Это было противостояние между разными вооружёнными группами.*

А) Турки ставят армянам в вину то, что те воевали на стороне России и поднимали восстание.

Выше я уже говорил, и сейчас повторю, что армяне имели такое же право восставать и воевать за освобождение родной земли от иноземных завоевателей, как и турецкое правительство стремиться к сохранению территориальной целостности. Как отмечал М. Ролен-Жекмен, на примере армян, можно было убедиться, что восстание было единственным средством обратить внимание Европы к своему бедственному положению.

Б) логика и факты опровергают утверждения о геноциде.

1. Те же обвинения (в этот раз со ссылкой на историка Б. Льюиса) за то, что армяне воевали за создание независимого государства.

Нет нужды по этому поводу повторяться (см. выше)

2. Указы не предусматривали убийство армян. «Наоборот, они [указы] предписывали защищать [protect] переселяемых армян».

Приведённые в пар. 2.1 показания очевидцев свидетельствуют совершенно об обратном.

С) Утверждения армян о геноциде неверны, поскольку закона о геноциде тогда ещё не было. Нет доказательств тому, что правительство Турции хотело уничтожить армян как народ (1). «Боевики дашнаков и гнчак, а также их гражданские последователи создали политические революционные группы и воевали против собственного правительства. Из-за тесных связей оттоманских армян с российскими войсками, а не из-за этнического происхождения или религиозной принадлежности было осуществлено переселение».

Позиция современной Турции тут ясна: термин «геноцид» появился в политическом лексиконе позже, поэтому имевшие место уничтожение армянского народа нельзя назвать геноцидом.

Факт 5: *Проведённый англичанами судебный процесс на Мальте показал, что доказательств, свидетельствующих о намерении турецких властей убивать армян, не нашли, потому и последовали оправдательные приговоры.*

Как известно, английские политики большие мастера политических игр. Они увезли подозреваемых турецких военных на Мальту не с целью исследовать их преступную деятельность, а, прежде всего, для оказания политического давления на стамбульские власти, чтобы те были более сговорчивые при подписании будущего мирного договора. Кроме этого, какие прямые доказательства могли оказаться в Париже или Лондоне о тех убийствах, поджогах и грабежах, происходивших в заброшенных деревнях, полях и пустынных местностях Османской империи?

Факт 6: *«Базировавшаяся секретная армянская структура «немеzis» взяла правосудие в свои руки, напав и убив бывших османских министров Талаат-пашу, Джемал-пашу и других государственных чиновников».*

Но ведь речь идёт об убийстве военных преступников, в судебном порядке заочно приговорённых к смертной казни. Таким образом, отдельные армянские активисты, по сути, лишь привели судебное решение в исполнение, выследив преступников в других странах, где они скрывались после бегства из Турции.

Факт 7: *Для того, чтобы с уверенностью сказать, был ли совершён геноцид в отношении армян, надо внимательно изучать архивы и найти тому доказательства.*

Тут турецкие власти явно хитрят: призывая к изучению архивов, они заранее выводят самые важные архивы из зоны общего доступа, присваивая гриф строгой секретности. А в других архивах уже «поработали» «чистильщики», изъяв «ненужные» бумаги. После этого турки радушно приглашают

желающих, уверенно добавляя: изучайте, исследуйте, но вы не найдёте то, что ищите! (Подробнее об этом см. статью А. Киракосяна и Р. Сафрастяна [154]).

Факт 8: *«Холокост нельзя сравнивать со случившимся с османскими армянами»:*

– *евреи не требовали разделения страны, в которой они жили. Армяне же напротив, требовали создания сепаратного государства на территориях, где они были в численном меньшинстве:*

– *евреи не убивали своих сограждан, а армяне убивали мусульман:*

– *евреи не вступали в армию тех стран, с которыми воевала Германия, а армяне воевали в российской армии против Турции.*

– *Гитлер не говорил: «Кто сейчас помнит об уничтожении армян?»*

Всё, что сказано о евреях – правда. Но есть одно существенное различие, которое не знают или не хотят знать турецкие политики. Я имею в виду тот факт, что армяне, в отличие от евреев в Германии, жили на своей родной земле и боролись за создание независимого государства.

Кроме этого, многие армяне действительно воевали за российскую армию, другие же, создавая повстанческие отряды, сражались с турецкими и курдскими бандами. **Скрывать это было бы не только несправедливостью, но и оскорблением памяти тех достойных сыновей армянского народа, которые с оружием в руках сражались за освобождение родной земли от турецкого ига.**

Да, турецкие власти имели естественное право предпринимать все меры для сохранения территориальной целостности страны. Но поскольку турки господствовали над армянскими землями на правах завоевателей, то и **армяне имели естественное право бороться против иноземных угнетателей и создать своё государство.**

А что касается фразы, якобы сказанной Гитлером, то не имеет никакого значения, говорил он это или нет. Произне-

сённая или не произнесённая в конце 30-х – начале 40-х гг. фраза не может никак влиять на то, что совершили турки в отношении армян двадцатью годами ранее. Раз вспомнили о Гитлере, стоит привести слова турецкого писателя Фалиха Фифки Атая, входившего в ближайшее окружение Мустафы Кемала. Во время встречи турецкой делегации с Гитлером, тот, указывая на Мустафу, торжественно заявил: «*Ego первый ученик – Муссолини, а второй – я*» [Sein erster Schüler ist Mussolini, sein zweiter bin ich]. [235].

Эти слова являются убийственным примером самохарактеристики!

* * *

А теперь обратимся ко второму документу, выпущенному министерством иностранных дел Турции на немецком языке: «Армянские утверждения и исторические факты». В этом сочинении авторы задают вопросы (их всего 10), и сами же на них отвечают.

Вопрос 1: «*Восточная Анатолия – это родина армян?*»
Далее приводится список, под чьим сюзеренитетом якобы существовали армянские царства (с 521 г. до н.э. по 11 век н.э., то есть до прихода турецких племён). Помимо этого, ставится под сомнение также и связь Урарту с последующими армянскими царствами [15, с. 7-8].

Смысл приведённых аргументов очевиден: а) показать, что армянские царства или княжества, были не независимыми государствами, а представляли собой лишь вассальные единицы; б) заявить, что турки захватили не армянское государство, а просто земли, на которых проживали армяне.

Вопрос 2: «*Силой ли завоевали турки (сельджуки-османы) армянские территории?*» [там же, с. 9-11].

Обратите внимание, речь идёт не о царстве или хотя бы княжестве, а об «армянских территориях». Этот лингвистический трюк турецким политикам нужен для того, чтобы заявить: мы не захватывали чужого государства, а лишь заняли территории. Тут расчёт делается на то, что в соответствии с международным правом в древности земля, на которой не

было организованной власти в виде независимого и признанного государства, считалась практически «бесхозной». А потому, её занятие не являлось захватом.

Таким образом, турки хотят представить так, как будто они просто заняли населённые армянами территории, а потому не являются завоевателями в прямом смысле слова. Но всё же, туркам пришлось повоевать за земли, но воевали они лишь с Византией. А армяне, находясь в то время под византийским господством, чуть ли не как освободителей встретили появившихся турок.

Они цепляются за каждую мелочь, не стесняются переврать исторические факты, стараясь перевести обсуждение конкретного вопроса (ответственности за геноцид) в плоскость споров и дискуссий учёных, одним словом, «заболтать» его. По этому поводу, совершенно точно подметил председатель Союза Армян России А.А. Абрамян: «Турки полагают, что данный вопрос (геноцида – К.С.) не может стать предметом политических переговоров и решений, что в крайнем случае, он может рассматриваться историками как спорная научная проблема» [103].

Вопрос 3: «*Притесняли ли всё время турки армян?*»
Далее следует исторический обзор периода турецкого господства над армянскими землями, в результате чего делается вывод о том, что в Османской империи все народы (в том числе и турки с армянами) жили мирно. Распространённое же ныне мнение о гонениях и притеснениях армян – это лишь следствие проводимой ими самими пропаганды [там же, с. 12-16].

Как можно согласиться с подобным утверждением, если о печальной жизни немусульманских народов в империи, больше чем армяне, писали европейские и заокеанские политики, учёные, историки, журналисты, путешественники, работники благотворительных организаций, в общем, все, кто своими глазами видел реальную жизнь в стране (см. пар. 1.2)?

Вопрос 4: «Начали ли турки в 1860-е гг. истреблять армян?» Снова следует экскурс в историю, рассказывающий о восточной политике великих держав, прежде всего, России и Англии. Приводятся слова французского учёного Рене Пиннона: «Влияние русских и британцев сталкивалось на спинах армян. Для Англии Армения стала форпостом против распространения русской экспансии». Далее утверждается, что европейские державы, поощряя армян бунтовать и восставать против законной власти султана, преследовали свои политические и экономические цели. Другим словами, армяне выступали для держав как средство достижения их целей [15, с. 17-26].

Да, верно, что все великие державы в своей политике на Востоке исходили, в первую очередь, из своих интересов. Как только они добивались своих целей, так сразу армянская проблема отходила для них на второй план. От осознания этого факта ещё яснее становится, в каком тяжёлом положении находились армяне, являясь, фактически двойной жертвой, как со стороны произвола Турецкого правительства, так и двуличной политики европейских держав.

Вопрос 5: «Что означает термин «геноцид». Надо отличать убийство, имевшее место во время войн, восстаний и т.п. Убийство только тогда становится геноцидом, если оно совершается с целью уничтожения людей из-за национальной, этнической, расовой или религиозной принадлежности [там же, с. 27].

С какой целью турецкие политики проводят это теоретическое упражнение, мы увидим в нижеследующем вопросе. Итак:

Вопрос 6: Совершили ли турки в 1915 г. планомерный и систематический геноцид армян? Далее идёт пересказ уже известной версии о том, что во время первой мировой войны армяне сражались на стороне России, что и вынудило турецкие власти приступить к депортации. Но не хватало транспортных средств, горючего для организованного пере-

селения. Люди гибли от нехватки еды, болезней, отсутствия медикаментов и плохих погодных условий [там же, с. 28-32].

В общем, в гибели армянского населения были виноваты все, кроме турецкого правительства и исполнителей его преступных указов (см. пар. 1.2).

Вопрос 7: «Существует ли действительно телеграмма от Талаат-паши, в которой даётся указание на уничтожение?» Далее следуют повторные рассуждения о том, что поскольку не найдены прямые доказательства (то есть подписанные турецкими руководителями документы), подтверждающие намерение властей об уничтожении армянского населения, то нельзя говорить о геноциде [15, с. 33-38].

По этому поводу я уже высказал своё мнение выше, и нет надобности повторяться.

Вопрос 8: Действительно ли 1,5 миллиона армян погибло? Следует те же рассуждения и вычисления, в результате которых речь может идти о примерно 600 тыс. человек [там же, с. 39-40].

Соображения по этому поводу см. выше.

Вопрос 9: Речь идёт о договорах, подписанных в 1918-23 гг. [там же, с. 41-44]

Проблема договоров рассмотрена в пар. 2.1.

Вопрос 10: Притесняют ли сегодня армян в Турции? Судя по тому, что описали авторы данного документа, в Турции для армян тишь да благодать – демократия, свобода религии, слова и т.д. [там же, с. 45-46]

В тот момент, когда об этом писали, ещё жив был Грант Динк, но что сказали бы сочинители документа сейчас по поводу убийства этого замечательного человека и публициста? Стали бы так же говорить о том, как комфортно чувствуют себя армяне, и, что расстрел Г. Динка никакого влияния не оказал на мироощущение армян? Пишу эти строки и понимаю, что я задаю риторический вопрос.

* * *

Итак, ознакомившись с официальной позицией правительства Турции относительно причины истребления армянского населения, можно её сопоставить с точкой зрения турецких историков и сделать их сравнительный анализ.

Как мы увидели (пар. 2.2), историки сходятся во мнении, что младотурецкие политики, осознав всю безнадёжность сохранения прежней империи путём превращения всех жителей страны в «оттоманов», решили построить новое этнически моногамное государство. Его гражданами помимо самих турок могли стать те кто, считал себя турком. Поскольку армяне в силу их религиозной принадлежности и сильного национального самоощущения не могли (или не хотели) стать турками, то они, таким образом, обрекли себя на выдавливание из пределов вновь создаваемого государства. Турецкими учёные, применяя внешне такие пристойные термины и словосочетания, как «политика диссимилиации», «демографические меры», «отчуждение», «проект строительства нации» преследуется цель прикрыть ими совершённые злодеяния в отношении армянского народа, которому позже дали определение – геноцид.

Что же касается позиции правительства современной Турции, то она состоит в следующем: в годы первой мировой войны в результате наступления российских войск для Турции возникла серьёзная угроза из-за того, что часть армян, создавая вооружённые отряды, сражалась на стороне России, а другая часть поднимала восстания на территории Турции. Исходя из военной необходимости, правительство вынуждено было выслать армянское население на юг империи на безопасное расстояние. Но вместо того, чтобы воевать против вооружённых армян, власти согнали с мест мирное население (женщины, дети, старики), не принимавшего никакого участия в боевых действиях, следовательно, их переселение не могло оказать влияния на ход войны. «Военная необходимость» – эта та соломинка, за которую цепляются властные структуры, прикрывая злые намерения, заключавшиеся в истреблении армянского народа.

Сравнивая точку зрения историков (желание построить новое государство) с правительственной версией (военная необходимость), можно разглядеть расхождение между ними. А раз так, кто-то из них врёт. Присмотревшись внимательнее, увидим, что врут и те, и другие. Только с той разницей, что, если первые обосновывают происшедшее академически приличными выражениями, то вторые выступают с чисто державной, силовой точки зрения – мол, действовали по принципу: на войне как на войне.

А правда состоит в том, что турецкие власти стремились к тому, чтобы стереть с лица земли армян и тем самым ликвидировать армянскую проблему как таковую. Война же стала удобным случаем, прикрытием для осуществления этих преступных замыслов.

* * *

Итак, приведённые в пар. 2.1 сведения и факты чётко указывают на целенаправленное и планомерное уничтожение турецкими властями армянского народа. Свидетельством тому же является изданное по всему миру большое количество материалов и документов, равно как исследования учёных из разных стран.

Действия Турции в отношении армянского населения полностью подпадают под квалифицирующие признаки геноцида, определение которого дано в принятом в 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН «Конвенции о Геноциде и наказании за него». Так почему же Турции удаётся уйти от ответственности. Многие страны официально признали факт геноцида, имевшего место в Османской империи, а кое-где отрицание армянского геноцида становится уголовно наказуемым деянием.

После всего сказанного возникает закономерный вопрос: почему до сих пор так и не нашли «управу» на Турцию, чтобы вынудить её понести ответственность за преступные действия тех лет? Чтобы дать ответ на этот вопрос, необходимо изучить саму конвенцию и выяснить: какие принципы в

неё заложены (а) и как их можно применить в случае с армянским геноцидом (б).

Помимо квалифицирующих признаков геноцида (см. пар. 2.2), важнейшими положениями документа являются также:

Ст. IV: Лица, совершающие геноцид ... подлежат наказанию, независимо от того, являются ли они ответственными по конституции правителями, должностными или частными лицами.

Ст. VI: Лица, обвиняемые в совершении геноцида, должны быть судимы компетентным судом того государства, на территории которого было совершено это деяние, или таким международным уголовным судом, который может иметь юрисдикцию в отношении сторон настоящей Конвенции, признавших юрисдикцию такого суда.

Ст. VII: В отношении выдачи виновных, геноцид ... не рассматриваются как политические преступления. В таких случаях *договаривающиеся стороны обязуются осуществлять выдачу* в соответствии со своим законодательством и действующими договорами [186, с. 293].

Как видно из вышеприведённых статей, *конвенция предусматривает индивидуальную ответственность* за совершение актов геноцида. Обязанностью же государства является осудить преступника, или же выдать его международному суду.

Получается, что принципы конвенции об индивидуальной ответственности неприменимы в случае с армянским геноцидом, поскольку все турецкие преступники были убиты или умерли в силу возраста.

О правах же государств, подписавших конвенцию, говорится следующее:

Ст. VIII: Каждый участник настоящей Конвенции может обратиться к соответствующему органу Объединенных Наций с требованием принять, в соответствии с положениями Устава ООН, все необходимые по его мнению меры в целях

предупреждения и пресечения актов геноцида ... [там же, с. 294].

Исходя из содержания данной статьи, государства могут принять меры против надвигающегося (*предупреждение*) или происходящего геноцида (*пресечения*). А если возникают споры между странами «по вопросам толкования, применения или выполнения настоящей Конвенции, *включая споры относительно ответственности того или другого государства за совершение геноцида, ...*» то вопросы передаются на рассмотрение Международного Суда по требованию любой из сторон в споре (*ст. IX*) [там же]. Хотя тут всё-таки встречается словосочетание «*ответственность государства*», но оно весьма расплывчато и неопределённо.

Несмотря на то, что в преамбуле признаётся тот факт, что в геноцид неоднократно имел место в прошлом («*признавая, что на протяжении всей истории геноцид приносил большие потери человечеству*»), в этом важнейшем документе не предусмотрели никакие меры относительно уже случившихся явлений геноцида, в частности геноцида армянского народа в Османской империи. Это тем более удивительно потому, что *именно массовое уничтожение армян подвигло* упомянутого выше Р. Лемкина разработать меры по предотвращению таких позорных явлений в истории человечества.

Следует также отметить, что данная конвенция, как и любой другой документ международных отношений, подлежала ратификации подписавшими её государствами (*Ст. XI*) [там же, с. 294]. А в силу она могла вступить «на девятый день, считая со дня депонирования двадцатого акта о ратификации или присоединении» (*ст. XIII*). Кстати, произошло это три года спустя – в 1951 г.

Посмотрев на конвенцию с армянской точки зрения, можно сделать вывод о том, что в документе имеются две погрешности: 1) в нём не предусмотрена ответственность самого государства, совершившего геноцид и 2) ничего не го-

ворится о том, какие меры следует предпринимать в отношении актов геноцида, уже имевших место в прошлом.

Сказанное означает, что конвенция осуждает прошлые акты геноцида (иначе, зачем её принимали?!), но не предусматривает наказание за них. Тут я полностью разделяю взгляды профессора Ю.Г. Барсегова, считающего, что никак нельзя прерывать «действие причинно-следственной связи между преступлением и наказанием» [112], то есть, если совершено преступление, то должно следовать наказание за него. В случае с геноцидом армян речь идёт не об ответственности отдельных чиновников или командиров разного уровня (их уже нет в живых), а о Турции, как государства.

Турецкое правительство пользуется, точнее говоря, злоупотребляет тем, что термин «геноцид» ввели в оборот позже, чем было совершено массовое истребление армянского населения и заявляет о, якобы, беспочвенности обвинений в его адрес. Еще раз сошлюсь на мнение Ю.Г. Барсегова о том, что *«не термин, каким бы удачным он ни был, создает преступление, а преступления ведут к принятию термина. Очевидно, что термин “геноцид” мог появиться только после того, как имели место эти преступления»* [там же].

Спрашивается: как же получилось, что, утверждая на столь высоком уровне такой важный документ, авторы допустили явные «проколы». Неужели тем, кто сочинял его, не хватило профессионализма? Но дело скорее всего в том, в какое время принималась конвенция.

В пар. 3.1.а речь шла о том, что через некоторое время после окончания второй мировой войны Советский Союз и его бывшие западные союзники превратились в соперников. И это обстоятельство отразилось на ходе Нюрнбергского и последующих процессов, а также на ходе денацификации и демилитаризации ФРГ. Возникшее соперничество не замедлило сказаться и на содержании конвенции о геноциде.

США настаивали на том, что среди объектов, подлежащих предохранению от геноцида, фигурировали «политические группы» [186, с. 232]. Это не устроило СССР, учитывая,

как обошлись большевики с существовавшими политическими партиями. Со своей стороны Советская делегация стремилась включить в конвенцию положение о наказуемости национально-культурного геноцида ... посягающего на материальные и духовные ценности национальной культуры [187, с. 417], такому предложению воспротивились США и их союзники.

Учитывая противоречия сторон, неудивительно, что работа над проектом конвенции шла трудно, около года ушло на то, чтобы принципы Нюрнбергского трибунала о преступлениях против человечества передали из одной инстанции ООН – Комиссии по кодификации, в другую – Комиссию международного права [186, с. 262]. Ведь конвенция о геноциде, как любой другой международный договор, могла не только способствовать сотрудничеству между странами на всеобщее благо, но и ограничивать права и навредить политическим интересам того или иного государства. Поэтому, в конвенцию не могла «просочиться» никакая концепция, способная поставить в затруднительное положение, прежде всего, какого либо члена Совета Безопасности ООН (ведь именно они командовали тогда, и командуют сейчас при выработке и утверждении важнейших документов). Следовательно, речь могла идти только о компромиссном варианте, устраивающем все стороны.

Вырабатывая принципы конвенции о геноциде, делегации великих держав заботились о том, чтобы обезопасить себя от неприятностей. А если бы в документ заложили механизм обратного действия, сразу возникала дилемма: из чего исходить, насколько далеко вглубь времён мог «залезть» этот документ? Помимо этого, приняв конвенцию с действием обратной силы, она ударила бы по интересам великих держав.

Почти у всех у них водились «грешки»: в США – истребляли коренное население – индейцев (чуть позже – на Филиппинах и во Вьетнаме), Англия совершила подобные действия среди прочих и в Новой Зеландии, Франция – в Алжире, Германии – на юго-западе Африки (см. пар. 1.2). Не

была совесть чиста ни у Испании (уничтожение аборигенов на обоих американских континентах), ни у Италии (действия в Абиссинии). В СССР имели место расстрелы, переселения и репрессии в 20-40-е гг.

Американский исследователь Луис Генкин отмечает, что *«мировые державы ... не были готовы сносить от новообразовавшейся системы унижения, которые выразились бы в принятии на себя и узаконивании обязательств, глубоко проникающих в самую суть государственного устройства, и, разумеется, не были готовы подчиниться такому закону»* [цит. по: 165, с. 60].

Стараясь уйти «от греха подальше», вершители мировой политики блестяще справились с поставленной перед собой задачей: совершённые акты геноцида осудили, но так, чтобы документ не затронул их темное прошлое – отсюда и расплывчатость формулировок.

В мае 1954 г. председатель сенатской комиссии по иностранным делам США Уайли указывал, что Вашингтон не собирается ратифицировать конвенцию о геноциде, а помощник государственного секретаря Мортон заявил, что положения конвенции не связывают США и «никоим образом не ограничивают прав и свободы американских граждан» [186, с. 240]. Под американскими гражданами, о чьих правах и свободах так пекутся, подразумеваются политические деятели и военные чины, которым нужна полная свобода действий, не боясь за содеянное (вспомним Вьетнам).

Ну и какова же польза от принятой в существующем виде конвенции? По этому поводу весьма точно высказался профессор Самвел Кочой: «... большинство государств, руководствуясь собственными политическими и экономическими интересами, просто никогда не обратятся (и как показывает практика, не обращаются) в ООН с целью пресечения геноцида в отношении, например, национальных меньшинств в государствах с дружескими режимами» [156, с. 95].

Принятие конвенция о геноциде, к сожалению, не единственный случай, когда благие намерения великими держа-

вами приносятся в жертву собственным политическим интересам.

а) Вспомним о Парижской мирной конференции 1919 г., на которой всерьёз вознамерились наказать Германию и её союзников (в том числе и Турцию) за совершённые преступления против мира и человечества (об этом будет сказано ниже).

б) Возникшее противостояние между Западом и СССР после второй мировой войны оказало влияние на последующие военные трибуналы, в отношении военных преступников стали выноситься неоправданно мягкие приговоры, а многие смогли избежать наказания.

в) Как известно, сразу после окончания работы Нюрнбергского и Токийского трибуналов «в ООН прозвучали предложения создать постоянно действующий международный уголовный суд, но их реализации помешала "холодная война"» [165, с. 55]. Кроме как позорным не назовёшь тот факт, что после принятия конвенции о геноциде понадобились ещё 50 лет для того, чтобы подписать Римский Статут (1998), на основании которого был создан международный уголовный суд.

г) Редким примером всеобщего политического согласия и сотрудничества стало учреждение в 1993 г. международного военного трибунала по бывшей Югославии (годом позже и по Руанде), чему способствовали два обстоятельства:

1) В виду того, что великие державы во время не вмешались в конфликт и не смогли остановить кровопролитные войны на Балканах (а международная общественность с возмущением наблюдала на творимые там ужасы), то они для «сохранения лица» решили всё-таки что-либо предпринять. По этому поводу американский учёный А. Найер заметил, что сильные мира сего отважились на «благое дело из низменных побуждений» [там же, с. 163]. Трибунал по Югославии, созданный с целью наказания военных преступников впоследствии показал свой явно антисербский характер и стал ареной для расправы с Сербией – с точки зрения Запада

главной виновницей всего происшедшего. Став дополнительным инструментом расчленения Югославии, трибунал сильно подмочил свою репутацию и поставил под сомнение свою объективность и беспристрастность.

2) Россия, как член Совета Безопасности, проголосовала «за» в силу того политического, экономического и идеологического упадка, характерного для России после распада Советского Союза. Теперь в России нередко раздаются критические голоса, осуждающие Кремль за то, что действовал в одной «упряжке» с западными державами, предав тем самым традиционную союзницу – единоверную Сербию. Случись югославская трагедия лет 6-8 позже, нет никаких сомнений в том, что Москва заблокировала бы учреждение трибунала.

Приведённые выше примеры (а-г) показывают, что за действиями (или бездействиями) вершителей судеб мира скрываются, как правило, их собственные политические интересы. Поэтому они позаботились о том, что бы наказания за совершённые злодеяния не выходили за рамки ответственности преступника-индивидуума (см. выше ст. 4-7 конвенции 1948 г. о геноциде).

То же самое следует сказать и о Римском Статуте (1998) об учреждении Международного уголовного суда (МУС). В ст. 25 Римского Статута сказано: «Суд обладает юрисдикцией в отношении *физических лиц* (курсив мой – К.С.) в соответствии с настоящим Статутом». В пункте 2 указанной статьи говорится, что «лицо, которое совершило преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда, несет *индивидуальную ответственность* и подлежит наказанию в соответствии с настоящим статутом». Далее, пункт 4 констатирует: «Ни одно положение в настоящем Статуте, касающееся индивидуальной уголовной ответственности, *не влияет на ответственность государств по международному праву*».

Получается, что действие ст. 25 невозможно распространить ни на турецких палачей (пункт 2), поскольку они уже умерли, ни на турецкое государство (пункт 4). Кроме того, в ст. 11 сказано, что «суд обладает юрисдикцией только в

отношении преступлений, совершённых *после вступления в силу настоящего Статута*». А ст. 24 («Отсутствие обратной силы») гласит, что «лицо *не подлежит* уголовной ответственности в соответствии с настоящим Статутом за деяние *до вступления Статута в силу*».

В виду того, что *не существует никакого правового механизма*, с помощью которого можно *вынудить* правительство Турции *добровольно признать* геноцид армянского народа, Стамбул занимает жёсткую позицию, отвергая категорически факт геноцида.

Как отметил А.А. Абрамян, такая постановка вопроса ставит учёных «перед необходимостью *продолжать разработку аргументов, подтверждающие возможность не только исторической констатации факта совершения преступления геноцида, но и юридической – со всеми международно-правовыми последствиями*» [103].

* * *

Теперь, после сказанного, самое время вернуться на 90 лет назад и вспомнить о документах, принятых на Парижской мирной конференции. Итак, перед нами «Доклад комиссии об ответственности за развязывание войны и о реализации наказаний» (целиком доклад под № 589 приводится в книге: Барсегов Ю.Г. «Геноцид армян. Ответственность Турции и обязательства мирового сообщества». Отв. ред. Ю.Г. Барсегов. Т. 1).

В этом документе, представленном участникам конференции 29 марта 1919 г. (глава 1 «Ответственность за развязывание войны»), указывается: «Война была развязана *Центральными Державами совместно с их союзниками, Турцией и Болгарией*, и явилась результатом действий, сознательно предпринятых для того, чтобы сделать войну неизбежной».

Во 2-й главе («Нарушение законов и обычаев войны») говорится о том, что *вооружёнными силами Германской империи и ее союзниками были нарушены законы и обычаи вой-*

ны, доказательствами тому среди других материалов фигурировали и *армянские меморандумы*.

«Несмотря на четкие правила, – говорится в докладе, установленные обычаи, ясные требования человечности, Германия и её союзники ... не щадили ни военнопленных, ни раненых, ни женщин, ни детей. Убийства и резня, пытки, живые щиты из людей, коллективные наказания, аресты и казни заложников, насильственное использование людей для выполнения работ военного характера, деспотическое разрушение общественной и личной собственности, ...» Вот перечень преступлений, подлежащих наказанию:

«(1) Убийства и резня; систематический терроризм; (2) Убийство заложников. (3) Пытка гражданских лиц; (4) Сознательная организация голода среди гражданского населения; (6) Похищение девушек и женщин с целью заставить их заняться проституцией; (7) Депортация гражданского населения; (8) Содержание гражданских лиц в нечеловеческих условиях; (15) Конфискация собственности. (17) Осуществление коллективного наказания; (18) Бессмысленное разорение и уничтожение собственности; (20) Бессмысленное уничтожение религиозных, благотворительных, просветительских и исторических зданий и памятников».

В 3-й главе речь идёт о *личной ответственности преступников*, что должно было выразиться в создании суда над бывшими главами государств, виновников войны. «... Если иммунитет главы государства хотят вывести за изложенные выше пределы, то это означало бы установление принципа, по которому величайшие нарушения законов и обычаев войны и законов человечности, если они доказаны, ни при каких обстоятельствах не могли бы подвергнуться наказанию, *совесть цивилизованного человечества была бы потрясена таким выводом*». И далее: «*Все лица, принадлежащие вражеским странам*, какое бы высокое положение они ни занимали, без различия ранга, в том числе главы государств, которые виновны в преступлениях против законов и обычаев

войны или законов человечности, *подлежат уголовному преследованию*». Вот такие благие намерения выражали победители в докладе, сделанном 29 марта 1919 г.

Для полноты картины стоит вспомнить, не менее серьёзные шаги собирались предпринимать конкретно против Турции. Англия, Россия и Франция в выпущенной 25 мая 1915 г. коллективной ноте, заявили, что будут возлагать *«личную ответственность за эти преступления на всех членов турецкого правительства, а также на тех его местных представителей, которые окажутся причастными к подобной резне»* [2, с. 601-602, прим. 26].

Насколько высокие заявления делались во время войны и конференции, настолько низко поступили победители по прошествии нескольких лет. Хотя чего стоило ожидать от великих держав, если президент Вильсон или премьер-министр Ллойд-Джордж во время конференции посылали своим экспертам записки такого содержания: «Чехо-словакия – что это такое? Где находятся? И сколько их?» Британский премьер также путал Киликию с Галицией [183, с. 127].

Вскоре победители «забыли» о намерении судить инициаторов войны и тех, кто не соблюдал правила и обычаи войны. Германского кайзера Вильгельма II не судили, якобы по той причине, что его отказались выдавать Нидерланды, где нашёл убежище низложенный император. Хотя, будь на то воля, великие державы вынудили бы обеспечить выполнение постановления Парижской конференции. По иронии судьбы, за такую доброту и «гостеприимство» спустя двадцать Гитлер отблагодарил Нидерланды вторжением на их территорию и пятилетней оккупацией, о чём сейчас так неприятно вспоминать гражданам страны тюльпанов.

Точно также были преданы забвению «армянские» постановления Севрского договора (1920), равно как и совместная нота Англии, России и Франции от 25 мая 1915 г.

* * *

С тех пор прошли уже около ста лет, а воз, как говорят, и ныне там. На «армянской» повестке дня всё ещё стоят две

проблемы, ожидающие своего решения уже не один десяток лет. Речь идёт, во-первых, о признании Турцией геноцида армянского народа и извинении за него; во-вторых, о возмещении материального и морального ущерба, нанесённого армянам в те страшные годы бесправия и произвола. В виду сложности указанных проблем, разберём их по отдельности.

Итак, первый вопрос – компенсации.

Прежде чем непосредственно перейти к рассмотрению данного вопроса, хочу отметить публикацию Армена Ханбабаяна в газете «Ноев ковчег» [194]. В этом высококлассном материале, пронизанном болью за трагические события времён геноцида, очень много интересного и полезного. Я полностью согласен с мнением автора в том, что «память о геноциде будет жить вечно, но не она должна формировать психологию будущих поколений».

Касаясь проблемы возможных компенсаций с турецкой стороны, А. Ханбабаян пишет: «Все армяне являются потомками жертв геноцида ... Собственно, потому и переживаем мы так остро ту давнюю историю ... это означает, что каждый армянин должен получить компенсацию из рук турок. Грубо говоря, наш народ должен принять турецкие деньги в обмен на память о своих предках, погибших мученической смертью, о нашей пролитой крови. Взять деньги и – забыть. А если не пожелаем забывать, любой турок будет вправе сказать: «Вам же заплачено, чего же ещё!?»».

Когда речь идёт о деньгах, автор публикации проявляет традиционную шепетильность и гордость, присущие кавказским людям. Мне, как грузину, хорошо понятны внутренние ощущения дискомфорта в представлении А. Ханбабаяна. Тем не менее, в вопросе компенсаций я не могу с ним согласиться, поскольку он процедуру выплаты компенсации излишне конкретизирует, видя это как чисто физическое действие – «получить компенсацию из рук турок». У автора возникает чувство отторжения, думая о том, что турки платят деньги в обмен на память о погибших предках армян.

Но, в действительности нельзя говорить, что турки покупают, или даже, выкупают что-то у армян. Здесь речь идёт не о выкупе, а о *возвращении того, что армянам ранее принадлежало*. Думаю, этот момент должен вносить существенные коррективы в психологический настрой при обсуждении вопроса о том, следует ли армянам добиваться от Турции компенсаций материального и морального ущерба. Конечно же, следует! Ведь в своё время само турецкое правительство признало «несправедливость закона 1915 года об оставленной собственности, а также дополнительных к нему постановлений и объявило их ничтожными и не имеющими силы как в прошлом, так и в будущем». – это из *Севрского договора* (ст. 144). Несмотря на то, что этот договор не вступил в силу, нельзя недооценивать его значение.

Собственно говоря, нет ничего неожиданного в том, что турецкие власти, улучив момент, подвергли тотальному разграблению имущество армянского населения. Как отмечала русский публицист А. Тыркова в вышедшей в 1916 г. книге, «турки жили в стране как завоеватели, а не как устроители её» [189, с. 129]. Поэтому никакой ценности не представляли постановления Гаагской конференции мира, на которой страны-участницы согласились с тем, что во время войны «следует уважать право и честь семьи, жизнь и частную собственность отдельных лиц», и что «грабёж, безусловно, запрещается» [94, с. 14].

Был момент, когда Турции в силу военных неудач грозил мирный договор на очень тяжёлых для неё условиях. Чтобы хоть как-то улучшить свой имидж и создать более или менее благоприятные предпосылки на будущих переговорах с противниками, турецкое правительство 8 января 1920 г. аннулировало упомянутый грабительский закон 1915 г. Потом последовал Севрский договор, признавший ответственность Турции международно-правовом плане.

Однако, после успешного для Турции окончания боевых действий в продолжавшейся войне с греками, 14 сентября 1922 г. кемалисты заявили, что они не признают *акт аннули-*

рования закона о конфискации. Полгода спустя 15 апреля 1923 г. кемалисты приняли т.н. закон о «покинута имуществе», в соответствии с которым легализовывалась конфискация имущество армян, «независимо от того, когда, по каким мотивам и при каких обстоятельствах они покинули страну».

Потерпев поражение, западные союзники (Англия, Италия, Франция) вынуждены были заключить с Турцией новый мирный договор вместо не вступившего в силу Севрского договора. В Лозаннском договоре (24.07.1923) ничего уже не говорилось об армянах. О них заботиться было уже некому, поскольку к тому времени независимое армянское государство исчезло. Случилось это после того, как Республика Армения, ставшая советской, вошла в состав вновь образованного СССР (декабрь 1922 г.).

Правительство Турции, с целью неприменения армянами положений Лозаннского договора о национальных меньшинствах, решило отобрать у беженцев-армян турецкое гражданство. В сентябре 1923 г. приняли «закон, по которому армяне, "эмигрировавшие" из Киликии и восточных вилайетов, лишались права на возвращение».

Отстранив от имущества законных владельцев, власти дали «распоряжение провести оценку покинутого армянами недвижимого имущества, принадлежавших им земель и пр. и выставить их немедленно для продажи с торгов» (из сообщений турецких газет за 26.12.1925)

23 мая 1927 г. Турция приняла закон, фактически исключаящий возвращение армян на свою историческую родину. «Этим законом исполнительная власть уполномочивалась объявить «подданных Оттоманской империи, которые во время войны за независимость не приняли участия в национальной борьбе, пребывали вне Турции и не реинтегрировались с турецкой территорией в период между 24 июля 1923 г. и промюльгацией настоящего Закона, лишёнными своего качества турецкого гражданина» [113].

Такова вкратце история создания «правовой базы» ограбления проживавших в Турции армян. Ограбления, организатором и исполнителем которого выступило государство. Если совершённые в военные годы отдельные акты грабежа в отношении той или иной армянской семьи объяснили невозможностью контролировать всех солдат и членов бандитских группировок, то после войны власти подогнули под грабежи «юридические основы» для узаконивания совершённого ими беззакония.

И всё это должно у них сойти с рук? Не требовать возвращения отнятого имущества по той причине, что турки потом могут сказать, что они выкупили у армян память за те страшные лишения и гонения? Нет, нет и нет! Преступление было, значит должна быть и ответственность за него.

Евреи как физические лица и Израиль как государство получили разного рода выплаты за причинённые невзгоды евреям в годы фашизма. И можно ли сказать, что немцы у них выкупили память о погибших предках? Разве евреи перестали о них помнить? Вовсе нет, совсем наоборот, они продолжают исследовать проблему холокоста, пишут книги, устраивают фотовыставки, снимают фильмы и т.п.

По свидетельству профессора А.М. Миграняна различного рода политические и общественные деятели Турции во время встреч с армянскими коллегами неофициально заявляют, что правительство могло бы признать геноцид армянского народа. Но турки опасаются, что после признания со стороны армян последует огромное количество судебных исков о выплате компенсаций за нанесённый моральный и материальный ущерб, и что Турция не в состоянии будет удовлетворить эти иски. Зная традиции и привычки турецких политиков, можно сказать, что приведённый аргумент является скорее отговоркой, чем настоящей причиной, объясняющей позицию правительства Турции по данной проблеме.

Несомненно, что для восстановления справедливости (в той мере, в какой это возможно) необходимо добиваться от Турции выплаты компенсаций. С точки зрения выработки

целостной концепции и механизмов для достижения поставленных задач по возвращению армянских ценностей огромную ценность представляет статья доктора юридических наук Ю.Г. Барсегова, с которой можно ознакомиться в «Независимой газете» за 11 ноября 1999 г. Здесь же я остановлюсь на некоторых её моментах.

Так, автор совершенно справедливо указывает, что «привлечь турок как физических лиц к материальной ответственности за присвоение имущества армян практически невозможно: разграблением и убийством армян занималось практически все турецкое население с ведома и разрешения правительства. Поэтому ответственность должна нести вся нация в лице государства».

Для реализации материальной ответственности за счёт Турции следует создать международную комиссию для выявления «земельной собственности, прочего движимого и недвижимого имущества, отнятого у ... армянского народа». При этом, «самим армянам должно быть предоставлено гарантированное право представлять сведения о разграбленном имуществе». Кроме этого, «армянские деньги должны быть выявлены в иностранных банках на тех же основаниях и по той же процедуре, которые применяются для поиска еврейских авуаров "спящих" или "мертвых" банковских счетов жертв геноцида евреев».

После этого, «все выявленные имена владельцев счетов, страховых полисов, движимого и недвижимого имущества должны быть обнародованы для поиска наследников. Невостребованные средства должны быть переданы в специальный фонд жертв геноцида армян».

В пар. 3.1.б. в качестве прецедента несения материальной ответственности за причинённый ущерб мы рассмотрели процесс выплаты Федеративной Республикой Германии компенсаций пострадавшим от нацистского произвола евреям.

Имея «в наличии» этот прецедент, логично будет спросить: какие факторы способствовали тому, что германское

правительство, взяв вину на себя за гитлеровские преступления, возместило евреям материальный и моральный ущерб?

1. В результате проигранной войны и подписания полной и безоговорочной капитуляции Германия как государство на время перестала существовать. Реальную власть в стране взяли оккупационные силы союзников. Именно они начали первыми получать еврейские иски за отнятое имущество и стали принимать законодательные акты по их удовлетворению. После образования ФРГ её правительству достались «в наследство» иски, от которых оно не могло отмахнуться ни с юридической, ни с моральной точек зрения.

Кроме этого, на повестке дня стояла проблема восстановления полного суверенитета нового государства и включения его в западные военно-политические структуры.

2. Созданное в 1947 г. государство Израиль начало предпринимать активные шаги в вопросе выплаты компенсации за отнятое у евреев имущество, оказывая массированное давление на германские власти.

3. После окончания войны гораздо легче было идти «по горячим следам» спрятанного немцами награбленного имущества евреев (в деньгах или золоте). С учётом этого обстоятельства, даже тогда не удалось обнаружить всё, что перепрятали фашистские преступники. Свидетельством тому служат время от времени проявляющаяся информация о находке очередного «немецкого» вклада еврейского происхождения в том или ином банке.

Посмотрев с «армянской» точки зрения на реалии, сложившиеся после заключения Лозаннского договора (1923), мы увидим, что они существенно ограничивали возможности для предприятия успешных мере по возвращению армянам отнятого у них имущества.

1. Турция в отличие от Германии не потерпела сокрушительного поражения. Более того, выиграв т.н. «послевоенную» войну у греков, она добилась в Лозанне подписания менее ущербного договора, чем это было в Севре (1920). Местная власть полностью контролировала ситуацию в стране.

С появлением на политической карте мира нового, мощного социалистического государства – Советский Союз Турция приобрела особую важность в глазах западных держав, желавших использовать её в их борьбе против СССР. По этой причине правительство Турции извне никакого нажима по поводу возвращения награбленного имущества к его прежним владельцам-армянам не испытывало.

2. В отличие от Израиля, «родившегося» в нужный момент, Армения как независимое государство и субъект международного права прекратила своё существование, войдя в состав СССР на правах союзной республики. Тем самым, исчезло главное действующее лицо, которому следовало бороться за права ограбленных турецким государством армян. Хотя, армянские общественные организации и предпринимали меры по возвращению отнятого имущества, их действия были ограничены по сравнению с возможностями субъекта международного права в лице независимого государства.

3. В силу обстоятельств, указанных в предыдущем пункте, не удалось вовремя выследить ценности, помещённые турецкими властями в различных зарубежных финансовых организациях. Армения вновь стала независимым государством спустя 70 лет, и поэтому нелегко наверстать упущенное в достижении поставленной задачи.

Но она выполнима при условии выработки грамотной стратегии и соответственном её выполнении, о чём указывает выше Ю.Г. Барсегов.

* * *

Второй проблемой является признание, точнее говоря, непризнание со стороны Турции факта геноцида армянского народа.

При рассмотрении конвенции ООН о геноциде мы увидели, что в ней отсутствует *правовой механизм*, при помощи которого можно было бы *вынудить* Турцию *признать* армянский геноцид. Исходя из этого, можно сказать, что вопрос

признания геноцида армян из области юридической переходит в сферу политическую.

И тут возникает закономерный вопрос: если добиваться признания со стороны Турции геноцида армян, то в какой форме и кем может быть оно (признание) сделано?

Такой документ может быть принят на разных уровнях турецкой государственной власти: например президентом, премьер-министром, парламентом, правительством, или каким-нибудь министерством (к примеру, иностранных дел). Этот документ может представлять собой, так сказать, односторонний акт со стороны Анкары, что весьма непросто сделать.

Помимо этого существует и другая возможность: принятие двустороннего заявления, коммюнике, декларации и т.п., в котором одна сторона (Турция) извиняется или выражает сожаление в связи с имевшими место трагическими событиями, а другая сторона (Армения) это заявление или извинение принимает, и тем самым заявляет о готовности закрыть эту сложную страницу истории и больше к ней никогда не возвращаться. Вопрос о том, обязательно ли должно присутствовать в таком документе слово «*геноцид*», остаётся открытым.

Крайне важно, чтобы созидательный диалог властей обоих государств основывался на тёплых, дружеских контактах народов двух стран, что намного увеличит положительный «багаж» отношений между Арменией и Турцией.

Но нынешняя политика правительства Турции и её общественное мнение не дают повода думать, что кто-нибудь из турецких политиков способен пойти на риск (с его стороны это был бы именно риск) и хотя бы намекнуть о готовности Анкары признать геноцид армян. Совершенно прав П.К. Оганян, который пишет: «... опыт показал, что до сих пор нет никаких признаков, которые послужили бы основой для подобных надежд, более того, верить в какое-либо изменение в последовательности турецкой позиции – всего лишь одна иллюзия» [170, с. 41].

В предыдущем параграфе (3.1.б) шла речь о факторах, повлиявших на правительство ФРГ и в широком смысле на весь немецкий народ в осознании вины страны перед евреями-жертвами фашизма и на готовность всеми возможными средствами искупить эту вину.

Можно вспомнить мужественный поступок Вилли Брандта, канцлера ФРГ, в знак покаяния за совершённые немцами во время второй мировой войны злодеяния опустившегося на колени перед мемориалом в Варшаве, установленном в память погибших жертв фашизма. То, что сделал глава германского правительства, было обусловлено и «подкреплено» двумя обстоятельствами:

1) В. Брандт сам являлся жертвой фашистского режима, который он глубоко ненавидел, и из-за которого он покинул родину, найдя политическое убежище в Норвегии, а потом в Швеции. У Брандта в памяти были ужасные сцены нацистских зверств, и, стоя перед памятником, его захлестнули эмоции, что выразилось в этом жесте отчаяния.

2) Германия осудила гитлеровский режим и признала свою ответственность за совершённые в те годы преступления. Поступок В. Брандта являлся ещё одним проявлением (неожиданным по форме) осуждения и извинения за фашистские преступления. Германский канцлер мог не бояться гнева со стороны народных масс (хотя недовольные, прежде всего среди радикально настроенных политиков, всё-таки были).

Что-то подобное не может совершить ни один турецкий государственный деятель, каким бы прогрессивно мыслящим политиком он ни казался. Во-первых, никто из нынешних политиков не видел и не может помнить те зверства, которые учинили турецкие власти в отношении армян. Во-вторых, в Турции народным массам мало что известно об этих преступлениях, поскольку все последующие поколения турецких властей, тщательно скрывая правду, проводили политику дезинформации. Такая тенденция продолжается до сих пор [106; 107]. Турки, не зная правды, убеждены, что их

страна и их народ были жертвой, и что не турки совершили преступления, а армяне. При существующем общественном мнении ни один политик не решится на рискованный шаг, понимая, какой гнев он вызовет среди народных масс, обрабатываемых националистически настроенной политической элитой.

При рассмотрении возможности признания Турцией совершённого геноцида, долгое время считалось и сейчас считается, что поскольку Турция желает вступить в Европейский Союз, то она вынуждена будет изменить свою позицию и признать столь неприятную страницу в её истории. Тут уместно провести аналогию с положением немцев в послевоенные годы, когда вновь созданная ФРГ стремилась вернуть себе полный суверенитет и войти в европейские экономические и военно-политические структуры. Этот внешнеполитический стимул в «немецком варианте» сработал, в результате чего правительство Федеративной Республики Германии, взяв вину за нацистские преступления против евреев (равно как и в отношении других народов), выразило готовность нести ответственность и всеми имеющимися средствами и способами загладить вину.

Однако, в турецком случае привлекательный «пряник» в лице Европейского Союза, может исчезнуть если не совсем, то на долгое время уж точно. Причиной тому являются разногласия внутри ЕС, где наряду со сторонниками вступления Турции (Великобритания, ФРГ), есть и противники, среди которых особо жёсткую позицию занимает Франция. Принимая во внимание обязательность согласия всех 27 членов-государств на «прибавление в семье», не будет преувеличением сказать, что вероятность вхождения Турции в ЕС если не равна нулю, то очень низка. Утрата Турцией перспективы вхождения в Европейский Союз автоматически означает, что теряется важный стимулирующий фактор для признания ею геноцида армянского народа.

Несмотря на эти обстоятельства надо продолжить работу для более широкого информирования мирового сообщества об имевшем место армянском геноциде. В этом направлении уже можно говорить о достижении значительных успехов. Геноцид армян признали такие авторитетные организации как Совет Европы, Европейский Парламент, Всемирный совет церквей, не говоря уже о восемнадцати государствах Европы (в том числе и Россия), Азии, северной и южной Америк*.

Следует обратить внимание на позицию США. Несмотря на то, что на местном уровне геноцид признали 42 штата, федеральная власть до сих отказывается сделать это. Причиной тому являются геополитические интересы Вашингтона, не желающего рисковать потерей Турции как стратегического партнёра.

Одно время привлекло к себе внимание создание «Турецко-армянской комиссии по примирению» (ТАКП), инициированное Государственным Департаментом США. Данная комиссия обратилась к неким независимым юристам с запросом провести экспертизу *«Конвенции ООН о предотвращении преступления геноцида и наказании за него»* и дать ответ: возможно ли её применение к армянскому геноциду (а), и должна ли Турция нести ответственность согласно этому документу (б).

«Плотно» поработав с текстом конвенции, анонимные юристы сделали заключение: имевшее место массовое Истребление армян и другие лишения целиком подпадают под определение геноцида, данное в конвенции ООН (1), но Турция не несёт за этот геноцид ответственности, поскольку конвенция была принята после упомянутых трагических событий

---

* вот полный список стран, признавших армянский геноцид: Аргентина, Бельгия, Ватикан, Венесуэла, Канада, Кипр, Германия, Греция, Италия, Литва, Ливан, Нидерланды, Польша, Россия, Словакия, Уругвай, Франция, Швеция, Швейцария, Чили.

(2). Несмотря на внешне благозвучное название «независимые эксперты», они на самом деле оказались очень даже зависимыми от инициатора и спонсора всего этого мероприятия – Государственного Департамента США. Профессор Ю.Г. Барсегов совершенно справедливо подверг резкой критике выводы, сделанные анонимными юристами [114].

* * *

Подводя итоги, следует сказать, что конвенция ООН 1948 г. является скорее политической декларацией, чем юридическим документом, на основании которого можно было бы привлечь к ответственности страну, допустившую массовое уничтожение армянского населения в Османской империи.

Пользуясь этим обстоятельством, Анкара по-прежнему отрицает факт имевшего место геноцида, упорно заявляя, что все действия турецких властей, якобы, обуславливались военной необходимостью. Французский исследователь Пьер Видаль-Наке указывает, что официальное «государственное мнение» Турции по этому вопросу выражается следующим аллогизмом: *«Геноцида армян не было; этот геноцид был полностью обоснован; армяне сами себя вырезали; это армяне вырезали турок»* [цит. по: 112].

Прецеденты несения ответственности Германией за фашистские преступления, в силу разных причин, также не способствуют разрешению армянской проблемы. Следовательно, признание Турцией геноцида из сферы юридической переходит в область политическую и становится делом международного сообщества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Реалии нашей жизни, к сожалению, таковы, что в большой политике основополагающую роль играют не такие понятия как право, правда или справедливость. Как показывает практика, для политиков гораздо больше значение имеют политические и финансово-экономические интересы государства, и часто эти интересы становятся барьером в деле торжества права, правды и справедливости. На примере длительного периода отношений европейских держав к армяно-турецкой проблематике мы убедились, что их политика по отношению к Армении и к её нуждам всегда определялась «турецким» фактором.

Армении придётся путём титанических усилий завоевать расположение международного сообщества для признания геноцида армян. Исследуя историю армянского геноцида и информируя международное сообщество, надо вместе с тем налаживать контакты с турецкой стороной. Для её успешного решения действенным инструментом следует считать сближение и установление добрых, доверительных отношений между Арменией и Турцией. Общеизвестно, что любому правительству бывает легче пойти на требуемые от него уступки, если их «адресатом» является не враждебно настроенное государство, а страна, с чьим правительством оно может вести отношения в конструктивной и благожелательной атмосфере. В случае Армения – Турция важно настолько укрепить эти отношения, чтобы они стали традиционными, как бы само собой разумеющимися, и чтобы они оставались таковыми вне зависимости от того, представители каких партий будут возглавлять правительства Армении и Турции.

Необходимо учитывать, что в лице Турции Армения имеет дело с сильным и опытным соперником, привыкшим на протяжении долгого времени быть в центре внимания ведущих стран мира. И этот соперник давно научился благодаря своему выгодному геополитическому положению балансировать между различными державами и обращать их про-

тиворечащие друг другу интересы в свою пользу (вспомним приведённое выше высказывание Г. Лайярда на этот счёт в 1880 году).

Поэтому совершенно прав А.А. Абрамян в том, что «по таким важным вопросам и с таким искушенным противником нельзя вести импровизированные переговоры на каком бы то ни было уровне», и «что малейшие расхождения или неточности тут же используются противной стороной» [103]. В этом мы убедились, ознакомившись с двумя документами, выпущенными под эгидой МИДа Турции.

Дорогу, как говорят, осилит идущий. Идя по этому трудному пути, преодолевая массу сложностей, воздвигаемых турецкой стороной, надо помнить «что в современных международных условиях правому и справедливому делу не всегда автоматически сопутствует успех» [там же]. Но при этом надо верить в то, что рано или поздно восторжествует справедливость, а она на стороне армян.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Источники

Документы международных отношений и архивные материалы

1. Геноцид армян. Ответственность Турции и обязательства мирового сообщества. Документы и комментарии / Составитель Ю.Г. Барсегов. М., 2005.
2. Геноцид армян в Османской империи. Сборник документов и материалов / Под ред. М.Г. Нерсисяна. Ер., 1982.
3. Великая Октябрьская Социалистическая революция и победа советской власти в Армении. Сборник документов. Ер., 1957.
4. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского министерства иностранных дел. М., 1972.
5. Договоры России с Востоком / Под ред. Т. Юзефовича. СПб., 1869.
6. Документы внешней политики СССР. Т. 1-6. М., 1957-1962.
7. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях (1772-1914) / Под ред. Ю. Ключникова. Т. 1. М., 1925.
8. Международное право в избранных документах. Т. 3. М., 1957.
9. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Изд. 2-е. М., 1954.
10. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов в семи томах. М., 1957.
11. Нюрнбергский процесс. Суд над немецкими судьями. М., 1970.
12. Освобождение Болгарии от османского ига. Документы. Под ред. С.А. Никитина. Т. 1-3. М., 1964-1967.
13. Русские источники о геноциде армян в Османской империи. 1915-1916 годы / Под ред. Г.А. Абрамяна и Т.Г. Севан-Хачатряна. Ер., 1995 // www.genocide.ru
14. Сборник договоров России заключённые с другими государствами / Под ред. Е. Адамова. М., 1952.
15. Armenische Behauptungen und historische Tatsachen. Ankara: Aus-senministerium. Zentrum für Strategische Forschungen, 1998
16. Das Potsdamer Abkommen. Dokumentensammlung. Berlin, 1975.
17. Die Armenische Frage und der Genozid an den Armeniern in der Türkei (1913-1919). Dokumente des politischen Archivs des Auswärtigen Amts Deutschlands. Jerewan, 2004.
18. English Historical Documents. Vol. XII (2). 1874-1914. L., 1914.
19. Foundations of British Foreign Policy from Pitt (1792) to Salisbury (1902) or Documents old and new. Cambridge, 1938. .

20. Great Britain: Foreign Policy and the Span of Empire. A documentary History. Vol. III. 1689-1971. L., NY. 1972.
21. Hansard's Parliamentary Debates. Third series.
22. The Armenian allegation of genocide the issue and the facts // www.mfa.gov.tr
23. United Kingdom. Public Record Office. Foreign Office Records. Class 371. Diplomatic Records.
24. United States of America. National Archives and Records Administration. Record Group 59. Records of the Department of State. Decimal File 867. Internal Affairs of Turkey. Decimal File 860J. Internal Affairs of Armenia.

Труды по истории международного права

25. Блюнчли И. О значении и успехах новейшего международного права. СПб., 1867.
26. Блюнчли И. Современное международное право цивилизованных государств / Пер. с немец. В. Ульяницкого. М., 1876.
27. Гефтер А.-В. Европейское международное право. Пер. с немец. К. Таубе. СПб., 1880.
28. Даневский В.П. Пособие к изучению истории и системы международного права. Харьков, 1892.
29. Лист Ф. Международное право в систематическом изложении. Пер. с немец. М. Мебель. Юрьев, 1902. С. 1-460.
30. Мартенс Ф. Гаагская конференция мира // Вестник Европы. 1900. Март. С. 5-28.
31. Мартенс Ф.Ф. Восточная война и Брюссельская конференция. 1874-1878 гг. СПб., 1879.
32. Мартенс Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. 1. СПб., 1883.
33. Международное право в избранных документах. Т. III. М., 1957.

Мемуары, дневники, переписка политических деятелей

34. Аргаилский Г.Д. Ответственность Англии в восточном вопросе. Пер. с англ. М. Брянчаниновой. СПб., 1908.
35. Бисмарк О. Мысли и воспоминания. М., 1940. Т. 1-2.
36. Бобриков Г.И. Воспоминания о Берлинском конгрессе // Русский вестник. 1889. Т. 295. Декабрь. С. 3-43.
37. Бобриков Г. На Босфоре // Русская старина. 1913. Май.

38. Игнатъев Н.П. Сан-Стефано // Исторический вестник. 1915. Февраль - декабрь.
39. Игнатъев Н.П. После Сан-Стефано // Исторический вестник. 1916. Январь-май.
40. Ллойд Джордж Д. Правда о мирных договорах. Т. 2. М., 1957.
41. Наша политика накануне франко-прусской войны (по записям Г. Ротана) // Русский архив. 1894. Кн. 2. С. 305-324.
42. Перевод ноты Государственного Канцлера Тевфик-бею, турецкому поверенному в делах в Санкт-Петербурге. 12 апреля 1877 г. // Правительственный вестник. 1877. № 79.
43. Политическое завещание Фуад-паши // Русская мысль. 1896. Кн. XI. С. 188-197.
44. Растерзанная Армения. Ереван. 2005. [Рассказ А. Мартиканяна]
45. Речь Гладстона // Положение армян в Турции до вмешательства держав. 2-е изд. М., 1896. С. XVII - XXVIII.
46. Циркулярная депеша Государственного Канцлера к послам в Берлине, Вене, Париже, Лондоне и Риме. 19 января 1877 г. // Правительственный вестник. 1877. № 18.
47. Ambassador Morgenthau's Story. N.Y., 1918 // www.hellenicgenocide.org (Access 15.XII.2005).
48. Layard A.H. Autobiography and Letters. L., 1905.

Публицистические работы

49. Бессе А. Турецкая империя. М., 1860.
50. Ботев Х. Публицистика. Пер. с болг. Д. Заславского. М., 1952.
51. Брайт Дж. Избранные речи по вопросам политической и общественной жизни. СПб., 1873.
52. Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. Литературно научный сборник. 2-е дополненное издание. М., 1898.
53. Бутковский Я.Н. Сто лет австрийской политики в восточном вопросе. Т. 2. СПб., 1888.
54. Бухаров Д. Россия и Турция. СПб., 1878.
55. [В***]. Материалы к характеристике политики России в восточном вопросе (по Светозару Милетичу и другим источникам) // Отечественные записки. 1878. Ноябрь. С. 185-202.
56. Гиббонс Г.А. Самая чёрная страница в новейшей истории: последние избиения в Армении. Пг., 1916.
57. Дабижа В. Д. Сан-Стефано и Константинополь // Русская старина. 1888. Июнь. С. 631-690.

58. Деренталь А. Письмо из Константинополя // Вестник Европы. 1911. Декабрь. С. 406-420.
59. Дипломатия и война // Вестник Европы. 1879. Январь-февраль. С. 632-689.
60. Добров А. Южное славянство. Турция и соперничество европейских правительств на Балканском полуострове. СПб., 1879.
61. Друзья и недруги (Германия в эпоху Крымской войны) // Русская старина. 1898. Январь. С. 3-47.
62. Европейское согласие в восточном вопросе // Исторический вестник. 1886. Февраль. С. 487-488.
63. Ковалевский М. Армянский вопрос // Вестник Европы. 1915. Июнь. С. 256-258.
64. Лазарев Я. Д. Причины бедствий армян в Турции и ответственность за разорение Сасуна. Тифлис, 1895.
65. Майков Н. Раздел Турции // Русская мысль. 1884. Кн. 5. С. 125-143.
66. Мак-Кол М. Султан и державы. СПб., 1897.
67. Мак-Кол М. Ответственность Англии перед Арменией // Положение армян в Турции до вмешательства держав. 2-е изд. М., 1896. С. 129-211.
68. Н.С. Кавказ и Армения // Вестник Европы. 1917. Июль-август. С. 359-366.
69. [Р]. К истории восточного вопроса // Русский вестник. 1877. Т. 127. С. 5-26.
70. [Р]. Россия и Австрия в восточном вопросе // Русский вестник. 1878. Т. 138. С. 122-149.
71. Слонимский. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1914. Сентябрь. С. 350-369
72. Старый турецкий султан Абдул-Меджид и новый султан Абдул-Азиз // Отечественные записки. 1861. Т. 137. С. 31-36
73. Тыркова А. Старая Турция и младотурки. Пг., 1916.
74. Турция и Сирия. Современная летопись Русского вестника // Русский вестник. 1860. Т. 30. С. 82-91.
75. Убичини А. Современное состояние Оттоманской империи. Пер. с франц. О.И. Бакст. СПб., 1877.
76. Ульяницкий В.А. Дипломатия во время Восточной войны и Парижский трактат 1856 года // Русский вестник. 1877. Декабрь. Т. 132. С. 724-771.
77. Флеровский Ю. Армения // Современник. 1914. № 11. С. 134-149.
78. Флеровский Ю. Национальные и экономические интересы Турции // Современник. 1915. № 3. С. 195-202.

79. Щербальский П.К. Турция и её реформы по отношению к России // Русский вестник. 1870. Январь. С. 201-235.
 80. Щербань Н. Турция и турецкие деятели // Русский вестник. 1878. Январь. С. 308-365.
 81. Чемерзин А. Турция, её могущество и распадение. СПб., 1878.
 82. Чихачёв П.А. Великие державы и Восточный вопрос. М., 1970.
 83. Чихачёв П.А. Письма о Турции. М., 1960.
 84. Heine H. Sämtliche Werke in vier Bänden. Bd. IV. Düsseldorf. 1997.

4. Периодическая печать

85. Вестник Европы.
 86. Историческая летопись.
 87. Исторический вестник.
 88. Правда.
 85. 89. Русская мысль.
 90. Русская старина.
 91. Русский архив.
 92. Русский вестник.
 93. Отечественные записки.
 94. Современный мир.
 95. Независимая газета.
 96. Ноев ковчег.
 97. Economist.
 98. Frankfurter allgemeine Zeitung.
 99. New York Times.
 100. Der Spiegel.
 101. Tagesspiegel.
 102. Washington Times.

II. Литература

Литература на русском языке

103. Абрамян. А. Единство действий – веление времени // www.genocide.ru / библиотека/ литература, документы.
 104. Абрамян А.А. Послесловие. 90 лет борьбы за справедливость. Что дальше? // Геноцид армян. Ответственность Турции и обязательства мирового сообщества / Составитель Ю.Г. Барсегов. М., 2005. С. 592-596.

105. Адамов Е.А. К вопросу об исторических перспективах развития восточного вопроса // Колониальный Восток. М., 1924. С. 15-37.
 106. Акчам Т. Долгая история отрицания геноцида армян: тщательно забытые страницы истории Турции // Лё Монд Дипломатик (Le Monde Diplomatique). 2001. Сентябрь.
 107. Акчам Т. 1915: легенды и реальность. Радикал. 23.05.2003 // www.genocide.ru
 108. [Ань]. К армянскому вопросу в Турции // Современный мир. 1915. № 8. С. 144-149
 109. Армянский вопрос. Энциклопедия / Отв. ред. К.С. Худавердян. Ер., 1991.
 110. Арутюнян Г.М. Англия и армянский вопрос в середине 90-х годов XIX века // Новая и новейшая история. 1959. № 6. С. 82-97.
 111. Багдасарян Р.А. Геноцид и армянская интеллигенция России. Ер., 2003.
 112. Барсегов Ю.Г. Геноцид армян – преступление против человечества (о правомерности термина и юридической квалификации). Ереван. 1990 // www.genocide.ru
 113. Барсегов Ю.Г. Восстановить права народа: державы, причастные к геноциду армян, должны искупить свою вину // Независимая газета. 11 ноября 1999.
 114. Барсегов Юрий. К вопросу и применимости конвенции к геноциду армян // Ноев ковчег. 2003, № 6.
 115. Барсегов Ю.Г. Турецкая доктрина международного права на службе политики геноцида (О концепции члена «Комиссии примирения» Гюндюз Акиана) // www.genocide.ru
 116. Бикерман И.М. Возрождение Востока // Турецкий сборник. К событиям на Ближнем Востоке. СПб., 1909. С. 3-56.
 117. Борьян Б.А. Армения. международная дипломатия и СССР. Т. 1-2. М.-Л., 1928-1929.
 118. Виноградов В.Н. Британский лев на Босфоре. М., 1991.
 119. Виноградов В.Н. Великобритания и Балканы от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985.
 120. Виноградов В.Н. Великобритания на страже османского владычества на Балканах // Международные отношения на Балканах 1856-1878 гг. М., 1986. С. 8-16.
 121. Виноградов В.Н. Южные славяне: от статуса райи к возрождению государственности // Славяноведение. 2004. № 5. С. 3-13.

122. Водовозов В. Младотурки. С. 164-189: Старый режим в Турции. С. 57-96 // Турецкий сборник. К событиям на Ближнем Востоке. СПб., 1909.
123. Вртанесян К. 24 мая 1915 года. История геноцида армян // www.genocide.ru
124. Вртанесян К. Геноцид армян в Турции: краткий исторический обзор // www.genocide.ru
125. Геноцид. Под ред. А.А.Галкина. М., 1985.
126. Геноцид и массовые репрессии. Истребления по национальным и религиозным мотивам. Под ред. Т.И. Ревяко и Н.В.Трус. Минск, 1996.
127. Гирс А.А. Россия и Ближний Восток. СПб., 1906.
128. Голобородко И.И. Турция. Изд. 2-е. М., 1916.
129. Грин Фр. Армянский кризис и владычество турок // Положение армян в Турции до вмешательства держав. 2-е изд. М., 1896. С. 213-324.
130. Губер А.А. Филиппинская республика 1898 г. и американский империализм. М., 1948.
131. Гурко-Кряжин В.А. Ближний Восток и державы. М., 1925.
132. Гуч Г.П. История современной Европы / Пер. с англ. Ю. Соловьёва и Н. Ждановой. М., Л., 1925.
133. [Д.Г.]. Предисловие ко 2-му изданию // Положение армян в Турции до вмешательства держав. 2-е изд. М., 1896. С. X-XVI.
134. Дадрян В. Геноцид армян: содержание преступления. Ер., 2005.
135. Данциг Б.М. Турция. М., 1949.
136. Дармштеттер П. История раздела Африки (1870-1919). М., 1966.
137. Дебидур А. Дипломатическая история Европы. Т. 1-2. Р/н-Д., 1995.
138. Диев Гр.А. Армянский вопрос // Положение армян в Турции до вмешательства держав. 2-е изд. М., 1896. С. 375-426.
139. Диллон Эм. Положение в Турецкой Армении // Положение армян в Турции до вмешательства держав. 2-е изд. М., 1896. С. 325-373.
140. Дранов Б.А. Черноморские проливы (международно-правовой режим). М., 1948.
141. Дружинина Е. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. (его подготовка и заключение). М., 1975.
142. Жигарёв С. Русская политика в восточном вопросе (её история в XVI-XIX веках). Т. 2. М., 1896.
143. Золотарёв В.А. Противоборство империй: война 1877-1878 гг. апофеоз восточного кризиса. М., 2005.
144. История дипломатии. Под ред. В.А. Зорина, В.С. Семёнова, С.Д. Сказкина, В.М. Хвостова. Т. 1-3. М., 1959-65.
145. Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М., 2004.
146. Капчев Г.И. История Турции. «Турецкое наследство» и мировая война. Пг., 1917.
147. Кенкишвили С.Н. Британо-русские отношения: восточный вопрос и кипрская проблема (середина 50-х – начало 80-х годов XIX века). Р/н-Д., 2007.
148. Кенкишвили С.Н. Исторические. международные и правовые аспекты геноцида понтийских греков. От Венского конгресса до наших дней. Р/н-Д., 2006.
149. Кенкишвили С.Н. К вопросу о взаимосвязи англо-турецкой конвенции и Берлинского конгресса 1878 г. // Известия высших учебных заведений. Сев.-Кав. регион. Обществ. науки. 2004. № 4. С. 42-49.
150. Киракосян А. Дж. Армянский вопрос на страницах журналов Великобритании (середина 90-х гг. XIX века). Ер., 1980
151. Киракосян А. Дж. Великобритания и армянский вопрос. Ер., 1990.
152. Киракосян А. Дж. К вопросу о константинопольской резне 1896 года // Литературная Армения. 1989. № 4. С. 98-103.
153. Киракосян А. Дж. Политика Англии в армянском вопросе по материалам журнала «Spectator». Ер., 1982.
154. Киракосян А. Дж., Сафрастьян Р. Геноцид армян и османские архивы. Коммунист. 18 апреля 1990 // www.genocide.ru
155. Киракосян Дж.С. Западная Армения в годы первой мировой войны. Ер., 1971.
156. Кочои С. Геноцид: понятие, ответственность, практика // Уголовное право. 2001. № 2. С. 95-97.
157. Кросс Я. Роквересский роман. Уход профессора Мартенса. М., 1989.
158. Макколь М. Султан и державы. СПб., 1897.
159. Маркарян Э.С. Глобальные аспекты геноцида армян. Опыт культурологического анализа. Ер., 2005.
160. Марукян А. Армянский вопрос и политика России (1915-1917 гг.). Ер., 2003.
161. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 9-15, 22. М., 1957.
162. Махмурян Г.Г. Англо-американские противоречия и Республика Армения в 1918-1920 гг. // США - Канада. Экономика-политика-культура. 2003. № 3. С. 84-99.
163. Международные отношения на Балканах. 1830-1856. М., 1990.
164. Миллер А.Ф. Краткая история Турции. М., 1948.

165. Наиер А. Военные преступления. Геноцид. Террор. Борьба за правосудие. М., 2000.
166. Нерсисян М.Г. Освободительная борьба армянского народа против турецкого деспотизма. Ер., 1955.
167. Новейшая история зарубежных стран. Европа и Америка. 1917-1945 / под ред. В.К. Фураева. М., 1989.
168. Нолде Б.Э. Босфор и Дарданеллы // Русская мысль. 1914. Кн. 4. Отд. 2. С. 1-22.
169. Нолде Б. Э. Внешняя политика. Пг., 1915.
170. Оганян П.К. Геноцид армян и защита прав человека. Ер., 2007.
171. Паламарчук Е.А. Нацизм: три лика геноцида. Р/н-Д., 2003.
172. Пипия Г.В. Германский империализм в Закавказье в 1910-1918 гг. М., 1978.
173. Покровский М.Н. избранные произведения. Кн. 2. М., 1965.
174. Пустогаров В.В. Нюрнбергский процесс и идеологическая борьба // Нюрнбергский процесс и современность. М., 1986. С. 108-136.
175. Пустограов В.В. Ф.Ф. Мартенс. Юрист и дипломат. М., 1999.
176. Ролен-Жекмен М.Г. Армения. армяне и трактаты // Положение армян в Турции до вмешательства держав. 2-е изд. М., 1896. С. 1-110.
177. Ромашкин П.С. Преступления против мира и человечества. М., 1967.
178. Саркисян Г. Про книгу и кинофильм «Растерзанная Армения» или «Аукцион душ» // Растерзанная Армения. Ер., 2005. С. 156-175.
179. Саркисян Е.К. Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье накануне и в годы первой мировой войны. Ер., 1962.
180. Саркисян Е.К. Политика османского правительства в Западной Армении и державы в последней четверти XIX-XX вв. Ер., 1972.
181. Силин А.С. Преступления империализма – трагедия народов. Очерки войны 1914-1918 гг. М., 1964.
182. Степанян С.С. Армения в политике империалистической Германии. Ер., 1975.
183. Сыч А.И. Национальный аспект Версальской системы // Вопросы истории. 2004. № 1. С. 126-133.
184. Тарле Е.В. Европа от Венского конгресса до Версальского мира. 1814-1919. Л., 1927.
185. Тарле Е.В. Сочинения. М., 1958.
186. Трайнин А.И. Защита мира и борьба с преступлениями против человечества. М., 1956.
187. Трайнин А.И. Избранные произведения. Защита мира и уголовный закон. М., 1969.

188. Тунян В.Г. Младотурки и армянский вопрос. Ч. 1. 1908-1912. Ер., 2004.
189. Тыркова А. Старая Турция и младотурки. Год в Константинополе. Пг. 1916.
190. Фадеева И.Е. Мидхат-паша: жизнь и деятельность. М., 1977.
191. Фадеева И.Л. Османская империя англо-турецкие отношения в середине XIX века. М., 1982.
192. Фадеева И.Л. Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи. XIX – начало XX века. М., 1985.
193. Фадеева И.Л. Финансовое положение Турции в 50-60х годах XIX в. // Вопросы экономического развития стран Ближнего и Среднего Востока. М., 1979. С. 108-127.
194. Ханбабаян А. Время строить свой дом // Ноев ковчег. 2006. № 8.
195. Хвостов В.М. История дипломатии. Т. 2. М., 1963.
196. Хевролина В.М. Сан-Стефано: венец и завершение дипломатической карьеры Н.П. Игнатъева // Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 238-256.
197. Чарный И.С. Начало колониальной экспансии Германии в Африке (1879-1885). М., 1970.
198. Чернов С.Л. К вопросу Сан-Стефанского договора 1878 года // Вопросы истории. 1975. № 6. С. 133-146.
199. Шебанов Ф.Ш. Государственный строй и правовые системы Турции в период танзимата. Баку, 1967.
200. Шеремет В.И. Хатт-и хумаюн 1856 г. // Международные отношения на Балканах. 1856-1878 гг. М., 1986. С. 74-80.
201. Щербань Н. Турция и турецкие деятели // Русский вестник. 1878. Январь. С. 308-365.
202. Ястржембский В. О капитуляциях в Оттоманской империи. Харьков, 1905.

Литература на иностранных языках

203. Arendt H. Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil. NY., 1965.
204. Baayard F. «Grasping the Spokes of the Wheel of History». Gerstein, Eichmann and the Genocide of the Jews // History & Memory. 2005. Vol. 20. No. 1. P. 48-88.
205. Bednarz D., Zand B. Warten auf Wundermann // Der Spiegel. 2001. № 18. S. 142-147.
206. Bedürftig F. Taschenlexikon. Deutschland nach 1945. München / Zürich, 1998.

207. Beste R. Kanzler der Kaufleute // *Der Spiegel*. 2004. № 51. S. 25-29.
208. Bölsche J. So muss die Hölle aussehen // *Der Spiegel*. 2003. № 3. S. 38-50.
209. Brank B. Der Eichmann-Prozess // [www.aurora-magazin.at /wissenschaft/brank](http://www.aurora-magazin.at/wissenschaft/brank).
210. Broxham D. Rethinking the Armenian Genocide // *History Today*. 2000, June. P. 28-30.
211. Card C. Genocide and social death // *Genocide and Human Rights*. Ed. by John K. Roth. L., 2005. P. 238-254.
212. Carlmichael C. The Violent Destruction of Community during the "Century of Genocide" // *European History Quarterly*. 2005. Vol. 35. No. 3. P. 395-403.
213. Clayton G.D. Britain and the Eastern Question. L., 1974.
214. Dakin D. The Unification of Greece. L., 1972.
215. Deringil S. Ideology and the Legitimation of Power in the Ottoman Empire 1876-1909. L., 1998.
216. Die Fischer Chronik. Deutschland. 1949-1999. Ereignisse, Personen, Daten. Frankfurt am Main. 1999.
217. Die Flucht. Über die Vertreibung der Deutschen aus dem Osten. Stuttgart / München, 2002.
218. Enzyklopädie des Holocaust. Die Verfolgung und Ermordung der europäischen Juden. Bände 1-4. München / Zürich, 1998.
219. Enzyklopädie des Nationalsozialismus. Stuttgart, 1997.
220. Feroz A. The Making of Modern Turkey. L., NY., 2003.
221. Findling J.E. The History of Turks. Westpoint, CT., 2001.
222. Fried R.M. Nightmare in Red. The McCarthy Era in Perspective. NY., 1990.
223. Fromkin D. A Peace and All Peace: The Fall of the Ottoman Empire and the Creation of the Modern Middle East. 2-nd edition. L., 2001.
224. Gaita R. Refocusing Genocide: a Philosophical Responsibility // *Genocide and Human Rights*. Ed. by John K. Roth. L., 2005. P. 153-166.
225. Genozid an Volksdeutschen // *Der Spiegel*. 2001. № 50. S. 157.
226. Geras N. Genocide and Crimes against Humanity // *Genocide and Human Rights*. Ed. by John K. Roth. L., 2005. P. 167-180.
227. Göl A. Imaging the Turkish Nation through "Othering" Armenians // *Nations and Nationalism*. 2005. January. Vol. 11. Part 1. P. 121-139.
228. Halil I.S. The Impact of Diverse Nationalism on a State. Alabama, 1978.
229. Hanioglu M.S. The Young Turks in Opposition. Oxford, 1995.
230. Hansen N. 40 Jahre diplomatische Beziehungen Deutschland – Israel: Aus dem Schatten der Katastrophe // *Europa kommunal*. 2005. №3. S. 83-85.
231. Haslip J. The Sultan. The Life of Abdul-Hamid II. NY., 1973.
232. Hayden P. Repudiating Inhumanity: Cosmopolitan Justice and Obligation to Prosecute Human Rights Atrocities // *Genocide and Human Rights*. Ed. by John K. Roth. L., 2005. P. 277-286.
233. Hilberg R. Die Vernichtung der europäischen Juden. Band 3. F/Am-M., 1999.
234. Hill G. A History of Cyprus. Vol. IV. Cambridge, 1952.
235. Isik H. Türkische „Rasse“: Die Schüler von Mustafa Kemal Atatürk // www.hagalil.com
236. Isyar B. The Origins of Turkish Republican Citizenship: the birth of race // *Nations and Nationalism*. 2005. July. Vol. 11. Part 3. P. 343-360
237. Jones D.H. Genocide and the "Logic" of Racism // *Genocide and Human Rights*. Ed. by John K. Roth. L., 2005. P. 265-276.
238. Kadioglu A. The Paradox of Turkish Nationalism and the Construction of Official Identity // *Middle Eastern Studies*. 1996. April. Vol. 32. №4. P. 177-193.
239. Klein J. Kurdish nationalists and non-nationalist Kurds: rethinking minority nationalism and the dissolution of the Ottoman Empire, 1908-1909 // *Nations & Nationalism*. Vol. 13 (1). P. 135-153.
240. Kuyucu A.T. Ethnic-Religious "Unmixing" of "Turkey": 6-7 September riots as a case in Turkish nationalism // *Nations and Nationalism*. 2005. July. Vol. 11. Part 3. P. 361-380.
241. Lane P. Success in British History. 1760-1914. L., 1978.
242. Lang B. The Evil in Genocide // *Genocide and Human Rights*. Ed. by John K. Roth. L., 2005. P. 5-17.
243. Laurence Th. M. Innocence, Genocide, and the Suicide Bombings // *Genocide and Human Rights*. Ed. by John K. Roth. L., 2005. P. 181-192.
244. Lee D. E. Great Britain and the Cyprus Convention Policy of 1878. Cambridge, 1934.
245. Lemkin R. Genocide // *American Scholar*. 1946. April. Vol. 15. № 2. P. 227-230.
246. Lemkin R. Genocide as a Crime under International Law // *American Journal of International Law*. 1947. Volume 41(1). P. 145-151.
247. Lemkin R. Axis Rule in Occupied Europe: Laws of Occupation - Analysis of Government - Proposals for Redress. Washington, D.C., 1944.
248. Levin N.G., jr. Woodrow Wilson and World Politics. America's Response to War and Revolution. L., 1968.
249. Lieven D. Empire. Russian Empire and Its Rivals. L., 2002.

250. Middlebrook M. The Nuremberg Raid. 30-31 March 1944. Bungey, 1986.
251. Miller W. The Ottoman Empire and Its successors. NY., 1966.
252. Moeller R.G. Germans as Victims? Thoughts on a Post-Cold war History of World War II's Legacies // History & Memory. 2005. Vol. 17, No. 1/2. P. 48-88
253. Müller-Ballin G. BZ-Materialien, Band 1, Die Nürnberger Prozesse. 1945 – 1949. Vorgeschichte - Verlauf - Ergebnisse - Dokumente //www.bz.nuernberg.de
254. Naimark N. Revolution, Stalinismus und Genozid // Aus Politik und Zeitgeschichte 2007. № 44.
255. Noack H.-J. Die Deutschen als Opfer // Der Spiegel. 2002. № 13. S. 36-39.
256. Panteli S. A new History of Cyprus. From the earliest Times to the present Day. L., 1984.
257. Pears E. Life of Abdul Hamid. L., 1917.
258. Rautsi I. The Eastern Question revisited. Helsinki, 1993.
259. Reformen durchsetzen. Ergebnisse Prüfen. Drei Fragen an Tessa Hofmann // www.bpb.de/türkei-und-die-eu/menschen-und-minderheitenrechte
260. Rummel R.J. Power Kills: Democracy as a Method of Nonviolence. New Brunswick, N.J., 1997 // www.hawaii.edu /powerkills (Access 2.II.2006).
261. Simon Th.W. Genocide, Evil and Injustice: Competing Hells // Genocide and Human Rights. Ed. by John K. Roth. L., 2005. P. 65-77.
262. Tatz C. The Doctorhood of Genocide // Genocide and Human Rights. Ed. by John K. Roth. L., 2005. P. 82-94.
263. Thomson D. Europe since Napoleon. Aylsbury, 1973.
264. Ülker E. Contextualising 'Turkification': nation-building in the late Ottoman Empire, 1908-1918 // Nations and Nationalism. 2005. October. Vol. 11. Part 4. P. 613-636.
265. Ilsemann S. Mord in Dschungel // Der Spiegel. 2001. № 18. S. 158.
267. Waterfield G. Layard of Nineveh. L., 1963.
268. Widenor W.C. Henry Cabot Lodge and the Search for an American Foreign Policy. Berkeley, 1980.
269. Wiegrefe K. Todesmärsche nach Aleppo // Der Spiegel. 2001. № 16. S. 130-145.
270. Wiegrefe K. Darmstadt Th. "Vater, erschiess mich" // Der Spiegel. 2002. № 13. S. 40-60.
271. Wild D. Rosen und Dornen // Der Spiegel. 2000. № 40. S. 176-178.
272. Westwood J.N. Endurance and Endeavor. Russian History. 1812-2001. N.Y., 2002.
273. Yapp M. E. The Making of the Modern Near East. 1792-1923. L., NY. 1989.
274. Zand B. Verrat und Niedertracht // Der Spiegel. 2005. № 18. S. 114.
275. Zand B. Zehn Tage des Terrors. // Der Spiegel. 2001. № 32. S. 127.

Научное издание

Кенкишвили Симон Наскидович

*Незаживающая рана Армении.
Геноцид армянского народа – преступление
без наказания?*

Редактор Л.М. Месропян

Корректор Ю.П. Стрельцов

Сдано в набор 20.04.2009 г. Подписано в печать 22.04.2009 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 10,2
Тираж 500 экз. Заказ № 2204/1

Издательство:
АПСН СКНЦ ВШ ЮФУ
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140.

Отпечатано в типографии
ЗАО «Центр Универсальной Полиграфии»
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140.
Тел. 8-918-570-30-30

